

Альганна

Анна Шнайдер

Недостойная

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Шнайдер А.

Недостойная / А. Шнайдер — «АЛЬФА-КНИГА»,
2019 — (Альганна)

ISBN 978-5-9922-3019-2

Очень просто быть великим магом, обладая большим даром. Что же остается делать тем, у кого магии кот наплакал? На вступительных экзаменах ректор магического университета сказал Эн Рин, что она недостойна у них учиться. Можно было бы сдать, но девушка предпочла другой путь и через несколько лет стала лучшей выпускницей курса, поступила на стажировку в Императорский госпиталь и занялась разработкой способов лечения безнадежных больных – магов, потерявших магию. И кто бы мог подумать, что в один прекрасный день пациентом Эн окажется сам архимагистр Бертран Арманиус, десять лет назад назвавший ее недостойной?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3019-2

© Шнайдер А., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	62
Глава 7	71
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Анна Шнайдер

Недостойная

Часть первая

Восстановление

Глава 1

В Грааге сегодня было особенно снежно. Казалось бы, ничего удивительного, ведь всего через две недели – Праздник перемены года, но в последнее время природа не была щедра на снег. Хорошо, что сегодня она смиростивилась и решила присыпать столичные улицы свежей белой пудрой, отчего они стали похожи на вкусный пряничный торт.

В такую погоду мне было немного легче идти по Старой Грааге – району, где жили самые богатые и значимые люди города. В снегопад всегда легче дышится. И это была пусть небольшая, но поддержка от окружающего мира. Словно он понимал, куда именно я иду, и желал подарить хотя бы частичку покоя.

Дом семь по Дворцовой набережной я нашла легко и быстро. В конце концов, мало кто из жителей города не знал, где живет архимагистр Бертран Арманиус, и я уж точно не относилась к этим счастливцам. За семь лет учебы в Высшем магическом университете Грааги и почти три года аспирантуры там же я хорошо изучила Дворцовую набережную. Здесь же, только чуть дальше, находились и сам университет, и Императорский госпиталь, где я теперь стажировалась, выбрав своей специальностью магическую медицину. Поэтому мимо дома архимагистра и по совместительству – ректора нашего университета я ходила частенько. Дом этот был высок и мрачен – длинные узкие окна, темный камень, увитый шипастым плющом, и крыша, выложенная зеленой черепицей. По сравнению с остальными зданиями этот особняк казался настоящей белой вороной. Хотя, скорее, черной.

Речка Тудаага (меня всегда смешило это название), протекавшая вдоль Дворцовой набережной, сегодня наконец покрылась легкой корочкой льда, и некоторое время я стояла возле резных перил, вглядываясь в узоры на воде, в кружащиеся в воздухе снежинки, в громаду императорского дворца на той стороне реки, чуть правее от меня.

Идти к архимагистру очень не хотелось, и, если бы не личная просьба архимага Брайона Валлиуса, я бы и не пошла. Но я была весьма обязана Валлиусу и не имела никакого права на отказ, тем более что связан он был исключительно с малодушием, о чем архимаг конечно же не догадывался.

Я почувствовала, что у меня начали замерзать ноги, и повернулась лицом к злополучному дому Арманиуса. Выдохнула. Ну же, Эн... Ты ведь сильная девочка. Ты сможешь.

В глазах защипало, и я упрямо сжала зубы. Забавно, что человека может одновременно переполнять столько противоречивых чувств. И злость, граничащая с ненавистью, и восхищение, и безумная надежда, и трепетная нежность, порой опалявшая мою душу сильнее любой ненависти.

Снег отчаянно хрустел, когда я упрямо зашагала к дому архимагистра. Поднялась по лестнице к входной двери и позвонила.

Молчание. Десять секунд, двадцать... почти минута. Где он там? Наконец передо мной появилась слабая дымка ответных чар.

– Вы кто? – раздался сухой голос ректора. В дымке блеснули его недовольные глаза.

– Меня зовут Эн Рин. Я медсестра Императорского госпиталя. – Ни к чему ему знать, что я не просто медсестра. – Меня прислал к вам архимаг Брайон Валлиус, главный врач...

– Я в курсе, кто такой Валлиус, девочка. – В голосе прорезалось раздражение. – Ладно, заходи. Поднимайся сразу на второй этаж. И тапочки не забудь надеть.

Я кивнула, но вряд ли он увидел – дымка развеялась, и дверь распахнулась.

В прихожей оказалось темно и тихо, и я чуть не упала, споткнувшись о ковер. Зашипела, едва не выронив рабочую сумку с медикаментами, протянула ладонь и создала на ней маленький шарик света, который сразу взмыл под потолок, тускло освещая пространство вокруг меня.

Полукруглое помещение в темных тонах, ковер с густым ворсом – кажется, бордовый, – шкафы по стенам, а впереди – широкая лестница на второй этаж, тоже покрытая ковром. Я подняла голову выше и чуть вздрогнула, увидев на самом верху лестницы инвалидное кресло с сидящим в нем хозяином дома.

– Забавно, – процедил до боли знакомый голос с не менее знакомой мне ехидцей. – И вот этот тусклый шарик истинного света – все, на что способна протее Брайона? Старик совсем из ума выжил.

Я набрала в грудь воздуха. Спокойно, Эн, спокойно. Ничего нового, не нужно так нервничать.

– Я могу показать вам документы, подтверждающие мою квалификацию, архимагистр. Если они вас не устроят, вы вольны попросить архимага Валлиуса прислать вам другую медсестру.

– Непременно попрошу, – хмыкнул Арманиус. – Поднимайся давай. Одежду в шкаф повесь, потом тапочки надень и поднимайся. Жду тебя в библиотеке. Это справа. Надеюсь, право и лево ты не путаешь.

Разумеется, я не стала отвечать. Оставила пальто в шкафу, нацепила тапочки, что стояли здесь же, неподалеку от входа и идеально подходили мне по размеру, и поспешила наверх.

Библиотека тоже была полукруглой, как и прихожая. Только здесь оказалось светло. В узкие высокие окна лился мягкий свет, за стеклом кружились снежинки, и это зрелище наполнило бы меня умиротворением, если бы не презрительная усмешка хозяина дома.

– Ну, как там тебя? Показывай свои документы.

Я кивнула, подошла ближе, положила сумку на стол перед архимагистром и открыла ее. Достала свидетельство о медицинской квалификации и протянула Арманиусу.

Пока он вглядывался в бумажку, не имевшую для меня ровным счетом никакого значения и выписанную главным врачом госпиталя не далее как вчера, я рассматривала библиотеку. Узкие шкафы из светлого дерева, по форме напоминающие окна, были заполнены книгами так, что буквально ломались. И столько знакомых сокровищ, читанных и перечитанных множество раз...

– Значит, Эн Рин, медсестра высшей магической медицинской категории. – Уважения в голосе, конечно, не прибавилось. – И какой у тебя стаж, девочка?

– Три года.

– Высшая магическая категория за три года? – Арманиус насмешливо поднял брови. – И как же ты умудрилась ее... хм... заслужить?

Я чуть улыбнулась. О, он бы не поверил.

– Я очень старалась, архимагистр. Так я вас устраиваю или вы попросите архимага Валлиуса прислать другого человека?

Меня смерили скептическим взглядом с головы до ног.

– Ладно, давай попробуем. Валлиус никогда не был дураком, может, что и выйдет из его затей... Меня сильно потрепало, девочка. Видишь?

– Вижу. Но я бы хотела осмотреть вас основательно. Для этого мне необходимо, чтобы вы из кресла переместились на диван.

Диван в библиотеке был, и вполне подходящий. Но Арманиус от этой идеи в восторг не пришел.

– Так уж необходимо меня укладывать в горизонтальное положение?

– Да. И вам нужно будет раздеться.

– Что?

– Раздеться. До нижнего белья.

– Девочка, – голос просто сочился ядом, – на мне, кроме халата ничего, нет.

– Значит, снимете халат и ляжете так, голым. – Я начала терять терпение. – Шевелитесь, архимагистр, у меня помимо вас еще больные есть.

Чистейшая правда, между прочим.

– Ты с кем разговариваешь? – Теперь в голосе вообще не было ничего, кроме яда, но и у меня терпение закончилось.

– С пациентом! – почти прорычала я. – Снимайте халат, ложитесь на диван лицом вниз. Молчать и дышать размеренно, ровно. Пока не разрешу, не двигаться.

Арманиус поджал губы. И так тонкие, сейчас они превратились совсем в ниточку, а карие глаза опасно прищурились.

– Ладно.

Больше он ничего не сказал, но я поняла: ректор еще припомнит мне это унижение.

Он привстал с кресла, на дрожащих по-старчески ногах переместился к дивану, сел на него, скинул халат и лег так, как я попросила. Я подошла ближе, стараясь не обращать внимания на голые ягодицы мужчины, которого боготворила с восьми лет, о чем не знал никто, даже он сам.

Положила ладони на лопатки, провела ими вдоль спины, считывая повреждения магического контура. Да... потрепало его знатно. Контур сейчас напоминал переломанный позвоночник – все энергетические точки разбросаны, сила хаотична. Архимаг Валлиус просил помочь ректору восстановиться. Просил именно меня, потому что именно я разрабатывала последние три года методику восстановления магических сил в условиях сломанного энергетического контура. Прежде считалось, что это невозможно.

– Расскажите мне, что случилось.

– Это так необходимо? – огрызнулся архимагистр.

Защитница, даже если сложить вредность всех моих пациентов, окажется, что Арманиус им даст сто очков вперед.

– Да, необходимо. Мне нужно знать, чтобы понимать, с чем придется работать.

Кажется, я услышала скрип зубов.

– Из Геенны несколько дней назад поперли совершенно жуткие твари, состоящие полностью из огня. И ничего их не брало... Пятнадцать архимагов погибло! Мои ученики, лучшие из лучших.

Я вновь провела ладонью по спине ректора.

– Почему же не погибли вы?

– Потому что я архимагистр, – огрызнулся Арманиус. – Я в огне не горю. Эти твари объединились и попытались сжечь меня, как сожгли остальных.

– Что же вы сделали?

– Сам стал огнем. Огонь, сжигающий огонь... Не думал, что это возможно, но это была моя последняя надежда. Если бы я догадался чуть раньше...

– Вы не виноваты.

– Не тебе об этом судить, – прохрипел архимагистр. – Делай свою работу, девчонка.

– Вы очень вежливы, – улыбнулась я, отняла руку от его спины и запустила ее в сумку. – Вам нужно брать уроки этикета. Урок первый предлагаю назвать так... – Я достала один из

шприцов, сняла колпачок и, размахнувшись, воткнула иглу в энергетическую точку возле копчика. – «Не стоит хамить людям, которые делают вам укол».

Арманиус взревел от боли, но двигаться он сейчас не мог – в растворе содержался состав для обездвиживания. Жаль, для немоты там ничего не имелось.

– Ты что делаешь-шь!

– Тихо, тихо. – Я ввела препарат полностью и выдернула иглу. – Я еще не закончила. На сегодня осталось всего четыре укола, потерпите, архимагистр.

Два – над лопатками и два – в шею. Каждый раз Арманиус хрипел все тише, и это было объяснимо – я прекрасно знала, что боль, которую он испытывал, должна быть очень сильной, и сил на шипение становилось все меньше и меньше с каждым уколом. Но увы – без боли раздробленный магический контур никак не срастить.

– Все. – Закончив, я встала и, не удержавшись, похлопала ректора по обнаженной ягодице. – Пока лежите, через полчаса сможете подняться. Я приду завтра в это же время, продолжим.

– С-с-с...

– Не стоит благодарности.

Двигаться архимагистр Бертран Арманиус действительно смог только через полчаса. Проклятая медсестричка... И что она ему вколола? Боль была такая, словно он только что выбрался из пламени демона Геенны.

Арманиус надел халат, пересел в кресло и прислушался к себе. Нет, легче не стало, контур по-прежнему был раздроблен, и собрать силу не получалось.

Настойчиво завибрировал браслет связи на запястье. Бертран покосился на сферический экран и поморщился – Брайон Валлиус, демоны раздери его медицинскую душу.

– Да.

– Ты жив, Берт?

– Ты издеваешься? – Арманиус не сказал – почти плюнул. – Ты кого ко мне прислал, Йон?!

Главный врач Императорского госпиталя поморщился.

– Умерь свой поганый характер, Берт. Эн тебе поможет.

– Неужели? Тогда объясни мне, какого демона у этой девчонки высшая магическая медицинская категория после трех лет стажа?

– Знаешь, – архимаг Валлиус почему-то развеселился, – я всегда тебе говорил и повторю еще раз – ты прекрасный охранитель, Берт Арманиус, ты отличный боевой маг, но демонски плохой ректор.

И, прежде чем собеседник успел придумать очередной ехидный ответ, Валлиус прервал связь.

Когда я вышла из дома архимагистра Арманиуса, меня слегка потряхивало. Действительно, забавно устроен человек – может одновременно столько всего ощущать! Я и злилась, и негодовала, и... Впрочем, не надо об этом думать.

Отряхнув снежинки с плеча, я улыбнулась прояснившемуся небу. Ничего, Эн, ты все выдержишь. Как и всегда.

Перехватив рабочую сумку поудобнее, я быстро пошла вдоль по набережной, стараясь побыстрее оставить позади дом архимагистра, в который мне все равно предстоит вернуться завтра, как бы сильно я ни желала этого избежать. Впереди меня ждали другие больные, моя лаборатория и, конечно...

Браслет связи на запястье завибрировал. Да, архимаг Брайон Валлиус меня, несомненно, тоже ждал.

– Энни? Как ты?

Голубые глаза наставника смотрели тревожно.

– Вы волновались? – Я широко улыбнулась. – Ну что вы. Арманиус сейчас безобиднее котенка.

– Котенка с очень острым языком.

Я улыбнулась шире.

– Скажи мне, Энни... Есть у Берта шанс выкарабкаться из этого демонского дер... из этих демонских проблем?

– Я постараюсь, Брайон. Сделаю все возможное.

– Я сегодня говорил с его высочеством. Он сказал, если ты вытащишь Арманиуса, тебя представят к ордену Золотого орла... вновь.

Я закатила глаза.

– Лучше повысьте мне зарплату.

– Энни, – наставник засмеялся, – ты всегда была нахалкой. Сейчас в госпиталь?

– Да. Я зайду, как закончу работу.

Валлиус кивнул и отключился, а я прибавила шаг.

Орден Золотого орла... Забавно, что его высочество Арчибальд решил пожаловать мне эту награду во второй раз. Хотя однажды он ведь уже сделал исключение. Золотой орел – орден, предназначенный исключительно для аристократов, к коим я не относилась, как было понятно из моего имени. У аристократии имя и фамилия могут начинаться только на «А», «Б» или «В» (у королевской семьи – лишь на «А»), и фамилия всегда оканчивается на «ус». Остальные буквы – для людей попроще. У самых простых, практически безродных, как у меня, имя и фамилия должны состоять не более чем из пяти букв и не начинаться на «А», «Б» или «В».

«Вы слышали, что Эн Рин получила орден Золотого орла?!» – шумел университет тогда, три года назад.

«Да не может быть!»

«Она же безродная!»

«Она недостойна!»

Я лишь улыбалась. Недостойная... это слово эхом звучало у меня в ушах все время обучения. Но его высочеству Арчибальду было плевать на количество букв в моем свидетельстве о рождении. Он во многом был страшный формалист, но только не в вопросах чистоты крови и аристократизма. И именно ему – и архимагу Валлиусу – я была обязана тем, что мне разрешили иметь в Императорском госпитале собственную лабораторию.

Конечно, это не могло не породить слухов определенного толка, но я слишком редко видела его высочество, чтобы они поддерживались.

И вот – опять этот орден. Надо будет добиться аудиенции и попросить Арчибальда не вешать мне на шею ненужную награду во второй раз. Три года назад это было делом принципа, да и я, по правде говоря, мечтала, что обо мне услышит архимагистр Арманиус. Услышит, придет на награждение... И ужасно расстроилась, когда он не пришел.

Теперь, спустя три года, я стала гораздо умнее и уже не ждала от ректора ничего хорошего. Я навсегда останусь для него недостойной.

Тепло поздоровавшись с охранниками, я поспешила по заснеженной дорожке к боковому входу. Так было удобнее добираться до маленького закутка на втором этаже, где находилась моя лаборатория.

Каждую секунду кивая коллегам, я взбежала по лестнице, коснулась ладонью замка – дверь сразу распахнулась, впуская меня в помещение, пахнущее дикой смесью разнообразных трав и книжной пыли.

Чихнув, я повесила пальто на вешалку, скрутила волосы в тугой узел на затылке, нацепила белый халат со сверкающей надписью: «Эн Рин, старший стажер», переобулась и поспешила на утренний обход своих пациентов. Они привыкли, что я навещаю их еще до завтрака, а сейчас было уже около одиннадцати утра – непорядок.

Терапевтическое отделение, к которому я была прикреплена, всегда заполнено под завязку, но моих пациентов там сейчас всего шестеро. Все – маги с повреждениями энергетического контура разной степени тяжести.

Поначалу, когда я занялась этой темой, однокурсники смеялись – мол, Эн, ты сошла с ума, не с твоими способностями! Ведь у меня самый энергетический контур настолько слаб, что я практически не могу использовать магию, а тут вдруг – восстанавливать чужой.

И только архимаг Валлиус, выслушав захлебывающуюся от волнения третьекурсницу – именно тогда в университете выбирают специальность, кивнул и сказал:

– Хорошо.

Я помню, что застыла, ощущая лишь, как колотится сердце.

– Хорошо?..

– Да, Эн. Очень хорошо.

Гораздо позже я поняла, что наставник ни на что особо не рассчитывал – просто он знал, что желание совершить одно открытие иногда приводит к другому. И оказался прав. На своем пути я совершила много важных для магической медицины открытий. И до сих пор работала над тем, что нравилось мне больше всего.

Каждый случай был уникален, и не существовало одного решения на всех. Приходилось экспериментировать, подбирать методики, препараты и схемы лечения. Кто-то восстанавливался за пару-тройку недель, на кого-то я тратила полгода – прогнозировать было тяжело. Но я билась до конца и побеждала.

Вылечу и архимагистра Арманиуса. Вылечила же я его высочество Арчибальда?

Обход и все процедуры я закончила только к обеду. Есть уже хотелось зверски, и я спустилась на первый этаж, в столовую для врачей.

– Эн! – увидев меня, приветливо помахала рукой сидящая за одним из столиков Ло Нор – старшая медсестра хирургического отделения и моя близкая подруга. Уровень дара у Ло чуть выше моего, но в университет она даже не совалась – после окончания школы пошла в медицинское училище при госпитале.

Я кивнула, набрала на поднос еды – обед для работников госпиталя был бесплатным – и опустилась на стул напротив Ло.

– Как там наш великий и ужасный? – Подруга заиграла густыми черными бровями. Волосы Ло высветляла до белизны, а вот брови оставляла родными. Почему-то ей нравилась именно такая внешность.

– Арманиус-то? – Я откусила большой кусок хлеба и с энтузиазмом погрузила ложку в суп. – Ношмаша, – произнесла с набитым ртом.

– А?

– Нормально, – ответила я еще раз, проглотив хлеб. Правда, тут же зачавкала супом. – Жить будет. А что, все уже в курсе, куда и к кому меня отправил Валлиус?

– Разумеется, – хихикнула Ло. – Ты же знаешь, у его секретарши язык без костей.

– И голова без мозгов...

– Точно. Так что сегодня все делали ставки, вышвырнет он тебя сразу или потерпит несколько дней.

– О! – Я развеселилась. – И как?

– Пока народ считает, что потерпит. Даже странно, с учетом характера Арманиуса.

– Они просто учитывают протекцию главного врача. – Я поморщилась. – Честно говоря, я тоже пока склоняюсь к мысли, что через пару дней он меня выгонит. Как раз массаж начнем...

Ло, знающая, что массаж – неотъемлемая часть терапии, вновь захихикала.

– Байрон, кстати, поставил на то, что ты продержишься до конца курса и вообще вылечишь Арманиуса.

Это было настолько удивительно, что я поперхнулась супом.

Байрон Асириус – мой заклятый враг еще со времен учебы в университете. Аристократ до последней капли крови, он терпеть не мог безродных выскочек, а я была самой выдающейся выскочкой из всех. Во время учебы я столько всего натерпелась из-за него! Впрочем, три года назад, когда мы оба стали сотрудниками госпиталя – только Байрон пошел в магическую хирургию, – он несколько поутих. Недолюбливал меня по-прежнему, но хоть козней не строил.

– Надо же. Может, он заболел?

– Да нет, здоров. Просто Байрон – один из немногих, кто знает тебе цену, Эн. Он тебя очень не любит, но не может не признавать твоих заслуг.

– Что ж, хорошо, если так. Он, конечно, первостатейная сволочь, но маг и хирург прекрасный. Думаю, со временем сможет занять место Валлиуса.

– Вообще, – Ло понизила голос, – среди персонала ходят слухи, что главный врач прочит в преемники тебя...

Я усмехнулась и отодвинула опустевшую тарелку. Байрон намекал пару раз, и я полагала, что он заговорит со мной об этой возможности в самое ближайшее время.

Но пока я могла сказать только:

– Это всего лишь слухи, Ло, не более.

– Ну, дыма без огня...

– Бывает, еще как бывает. Пойдем? Пора возвращаться.

Ло улыбнулась.

– Знаешь, – протянула она, вставая, – я, конечно, ни разу не архимаг Валлиус...

– Это точно.

– ...но была бы я им, выбрала бы тебя в преемники.

Я промолчала. Мне не хотелось говорить, что это было бы высшей наградой для меня, безродной Эн Рин, которую он один когда-то счел достойной учиться в Высшем магическом университете Грааги.

Я родилась в маленькой деревушке на севере Альганны. Так называется наша страна, с севера окруженная смертоносной Геенной.

Когда и почему появилась Геенна, никто не знает. Маги-теоретики (впрочем, практики тоже) строят различные теории возникновения, но они все равно не более чем теории. Огромная стена из огня, уходящая далеко в небо – и если бы всего лишь стена! Не подходить к Геенне ближе чем на километр – простое правило, но она, если ей захочется, и сама может прийти к тебе в дом.

Временами оттуда что-то выбиралось. Это «что-то» всегда было разным, и охранители, дабы не путаться, называли любых порождений Геенны демонами. Иногда это были черные птицы, способные обращать в пепел все, к чему прикоснутся. В другой раз – белесый туман, внутри которого было так холодно, что людям приходилось срочно доставать теплую одежду. Огромные волки, чудовищные насекомые, мерцающие звезды, огненные монстры, сильные, секущие песком ветра – история порождений Геенны насчитывала несколько томов. Все это изучали охранители, к числу которых относился и Бертран Арманиус.

Мне тогда едва исполнилось восемь. Родители мои были простыми крестьянами, и кроме меня у них было еще трое детей. Эду тогда стукнуло четырнадцать, Эв было двенадцать, а Эм – пять.

В тот день родители работали в поле, а Эд им помогал. Мы с Эв и Эм играли во дворе, когда услышали вдалеке страшный, жуткий, нечеловеческий рев, а следом сигнал – громкий пронзительный свист, которым полагалось предупреждать соседей о том, что Геенна в очередной раз проснулась.

Эв моментально тоже засвистела в свисток – селяне от мала до велика носили такие на шее – а потом схватила нас с Эм и потащила в погреб. Мы хорошо знали, что нужно делать – за восемь лет, что я прожила с родителями, те вдолбили в наши головы, как нужно себя вести, если услышишь сигнал. И не важно, где ты будешь – в поле, в лесу или дома.

Мы просидели в погребе несколько часов, ощущая, как вибрирует земля вокруг нас. Сверху доносились странные, жуткие звуки, напоминающие крики смертельно раненных зверей. А потом все стихло.

Тишина была такой долгой и полной, что Эв решила – пора выходить. На самом деле это было прямым нарушением родительского наказа, но мы ведь были детьми... Эм капризничала, не желая больше сидеть в холодном погребе, мы все хотели горячей еды, а над нами было тихо.

Поначалу, выбравшись наружу, мы даже не поняли, куда попали. Вокруг оказалось темно хоть глаз выколи, только кружились повсюду маленькие огненные светлячки – знак, что охранители здесь и выполняют свой долг.

А потом я увидела...

В темноте, в нескольких метрах от нас, что-то мерцало. Это что-то напоминало огромную змею. Чешуйки на ее теле мягко переливались, мигая, и это было бы красиво, если бы не было настолько жутко.

– Назад! – прошептала Эв, сжимая в объятиях Эм. – Энни, возвращаемся! Скорее!

Прошло много лет, а я до сих пор иногда просыпаюсь от тех слов сестры, сказанных свистящим шепотом, полным дикого страха. Так уж получилось, что больше ничего сказать Эв просто не успела.

Змея сделала рывок к нам, подбираясь ближе, подняла над землей большую голову, открыла огромный рот, в котором сверкнули три ряда ровных острых клыков, и извергла огонь, превратив сестер в горстку пепла за несколько секунд.

Мне повезло – я стояла чуть в стороне, и огнем меня почти не задело. Стало только очень жарко. И больно где-то в груди. Так больно бывает, когда хочешь заплакать, но что-то мешает, перекрывая дыхание.

– Ложись на землю! – крикнули вдруг позади меня, и что-то такое было в этом голосе, что я моментально послушалась – рухнула на пепелище. Все, что осталось от нашего дома, как я позже выяснила, – лишь пепел. Вот почему мы с сестрами совсем ничего не узнали, когда выбрались на поверхность.

Змея заревела. Я узнала этот рев – мы слышали такой, пока сидели в погребе. Мимо промелькнула какая-то тень, а прямо надо мной появился сверкающий купол, похожий на мыльный пузырь. Змея вновь извергла огонь, купол засветился сильнее, волосы на моей голове встали дыбом, но защита выдержала. Правда, защищала она лишь от жара, но не от ужасного запаха и не от пепла, забившего мне нос и попавшего в глаза.

Когда я проморгалась, то увидела, что змей прибавилось, – теперь вокруг купола ползали целых три твари, пытаясь дотянуться то огнем, то зубами до человека в плаще охранителя, который двигался так стремительно, что я даже не могла его рассмотреть.

Одной змее он отрубил голову длинным огненным клинком, другую проткнул насквозь, а третья... Третья все-таки сумела его ранить. Он чуть замедлился, и я увидела длинную царапину на плече. Охнула от ужаса – а он бросился вперед, сам вспыхивая огнем, сжал змею шею голыми руками, вновь полыхнул огнем и упал на землю, засыпанный пеплом, оставшимся от чудовища.

Несколько секунд и он, и я лежали недвижно. Потом он шевельнулся, и откуда-то изда-
лека раздалось:

– Берт! Ты жив?!

– Жив... – прохрипел охранитель. – И эти твари тоже живучие! Покончили с ними?

– Да, слава Защитнику. Полдеревни пожгли! У тебя есть кто?

Мой спаситель наконец встал, оглядел поставленный защитный купол и меня под ним,
кивнул. Потом опомнился.

– Да, есть. Ребенок. Девочка.

– Тащи!

Он подошел ближе. С гулким «бум» лопнул купол.

– Как тебя зовут? – спросил уставшим, хриплым голосом.

Я открыла рот, собираясь ответить, но вместо этого закашлялась – повсюду был пепел.

– Ладно. Потом.

И не успела я кашлянуть еще раз, как взлетела в воздух, оказавшись на плече у охран-
ителя. Вцепилась в него двумя руками, потом обняла за шею, ощущая, как режет глаза и вновь
больно становится в груди.

Он пах дымом, пеплом и огнем. Как и я. Но кроме этого был еще какой-то запах, который
я помнила долгие годы. Теперь я знаю, что это был его собственный запах. Именно так пахло
дома у архимагистра Арманиуса.

Через минуту он аккуратно посадил меня на поваленное дерево. Рядом теснились еще
дети – кто-то плакал, кто-то хныкал, но большей частью все молчали.

Сел передо мной на корточки, заглянул в глаза. У него самого они были темными, как
очень крепкий чай.

Улыбнулся и мягко, ласково спросил:

– Как тебя зовут, зеленоглазка?

Я смутилась. Так меня называла мама. Говорила, что я единственная унаследовала
бабушкины зеленые глаза.

– Эн Рин, господин охр... – Я хотела сказать «охранитель», но закашлялась.

Он нахмурился.

– Арвен, воды!

Женщина в плаще охранителя протянула ему небольшую фляжку, и через секунду я уже
жадно приложила к ней. Пила долго, жадно...

– Тихо, тихо, не переборщи. – Он отнял фляжку. – Сейчас мы составим списки, а потом
отправим вас туда, где можно будет поест и выспаться. Где были твои родители, когда это
случилось?

– В поле... – прошептала я и заметила, что он отвел глаза. – Они погибли, да?

– Мы пока не знаем. Может... – Он посмотрел на меня, вздохнул. – Скорее всего, да.

Я шмыгнула носом.

– Не плачь. Ради них ты должна быть сильной. Лучше выпей еще воды.

Я послушно сделала глоток из фляжки.

– А вы... вы хотите воды?

Он улыбнулся, наблюдая за мной.

– Спасибо, зеленоглазка, но вся эта вода – твоя. У меня есть своя. Посиди пока тут. Как,
ты говоришь, тебя зовут?

– Эн Рин, – повторила я и, поколебавшись, выпалила: – А вас?

– Берт. – Улыбка стала чуть шире.

– Не-э-э. – Я помотала головой. – Вы... у вас должно быть длинное имя!

– Есть и длинное. – Он кивнул. – А зачем тебе?

– Я запомню, – ответила я серьезно.

– Хорошо. – Он легко погладил меня по голове, встал и наконец ответил: – Мое длинное имя – архимагистр Бертран Арманиус. Расти большой и счастливой, зеленоглазка.

– Постараюсь...

Он ушел и больше не подходил ко мне – лишь кивнул и улыбнулся, когда меня забирали в приют для детей-сирот, чьи родители были убиты Геенной. И я улыбнулась ему в ответ.

Архимагистр Бертран Арманиус, спасший за эти годы множество детей, конечно, забыл маленькую зеленоглазую Эн Рин. Зато она его – нет.

В приюте для детей-сирот я провела восемь лет. Несколько раз меня хотели отдать приемным родителям, но я противилась, не желая уезжать. Причина была проста. Я заболела магией. Директор приюта – магистр Элеонора Мардаар – была хорошим бытовым магом, отличным преподавателем и очень мудрой женщиной, которая всегда интересовалась мнением своих подопечных. И она, видя, что я не хочу покидать приют, не стала настаивать. Хотя дело было только в том, что я боялась уехать и потерять возможность изучать магию.

В приюте была прекрасная библиотека с богатейшим собранием книг. Моя тяга к знаниям, в том числе и магическим, всячески поощрялась, поэтому мне разрешали приходить в библиотеку практически в любое время, кроме ночи, и изучать любую книгу. Магией со мной и еще несколькими детьми занималась сама Элеонора. Других магов среди учителей не было.

Мне исполнилось четырнадцать, когда магистр Мардаар сказала:

– Эн, перестань мечтать о магии. У тебя очень слабый дар, на грани видимости. Твое рвение, конечно, похвально, но с таким уровнем дара ни в одно учебное заведение тебя не возьмут.

Я только упрямо поджала губы. И продолжила изучать то, что считала своим призванием. Хотя теперь я понимаю, что первоначально мое желание приобщиться к магии было связано лишь с Бертраном Арманиусом. Я влюбилась в него по-детски глупо и с упрямством горной козы начала штудировать книги, изучать схемы заклинаний и рецепты зелий.

Я не помню, когда желание быть магом стало моим собственным желанием, трансформировалось в настоящую цель и потребность. Но я была благодарна Элеоноре Мардаар – впрочем, я благодарна ей и сейчас, – что она, даже не видя во мне нормального дара, продолжала обучать и помогать. Возможно, в глубине души она тоже верила, что у меня все получится. Я бы спросила ее об этом, но уже не смогу – магистр умерла перед моим выпуском из приюта, так и не узнав, что меня приняли в самое престижное учебное заведение Альганны.

В кабинет к Валлиусу я зашла ближе к вечеру, перед уходом. Наставник, в отличие от меня, всегда был со мной и сейчас сидел за столом и с очень бодрым видом изучал какие-то бумаги. Я же после вечернего обхода больных и работы с реактивами чувствовала себя полумертвой.

Но усталость слетела, как и не было ее, как только я увидела посетителя архимага Валлиуса.

– Ваше высочество!

Принц Арчибальд улыбнулся и встал с кресла, протягивая мне руку.

– Эн, рад вас видеть.

Он имел право называть меня на «ты», но никогда не называл. Он мог бы просто кивнуть, но предпочел встать и пожать мою ладонь.

До встречи с его высочеством Арчибальдом, двоюродным братом императора, я думала, что принцы такими не бывают. Не бывают честными, благородными, смелыми и не считающими себя исключительными. И если с особами королевской крови можно дружить, то я могла бы сказать, что являюсь другом его высочества.

– Я тоже очень рада вас видеть, – ответила я, ощущая приятную теплоту в груди.

– Садитесь, Эн. – Арчибальд кивнул на стул напротив себя и Валлиуса.

Я опустилась на предложенное место и вопросительно посмотрела на принца. Я слишком хорошо понимала – подобные ему люди не приходят просто так.

– У его высочества есть одна идея, – пояснил наставник, сверкая ярко-голубыми глазами за стеклами очков. – Он хотел обсудить ее с тобой.

Я чуть напряглась. Опять орден Золотого орла?

Оказалось, нет.

– Я хочу предложить императору закон, по которому возможно будет получать титул не по рождению, а по заслугам перед империей. Сейчас он передается только от родителей детям, я же хочу предложить награждать им отличившихся перед отечеством.

Я кивнула.

– Я поняла идею, ваше высочество. Позвольте узнать, при чем тут я?

Арчибальд улыбнулся.

– Вы же все поняли, Эн. Энни Ринниус... Как вам такой вариант?

– Честно говоря... – Я заколебалась, но все же ответила: – Я не имею ничего против подобного закона, ваше высочество, я даже «за». На мой взгляд, у нас слишком много привилегий для аристократии, которые они получают только по праву рождения, и это несправедливо – простые люди ничуть не хуже. Но я...

– Ладно тебе скромничать, – пробормотал Валлиус, и я усмехнулась.

– Я не скромничаю, Брайон. Мне не нужны титулы. Мне нужны только моя лаборатория и возможность заниматься тем, чем я занимаюсь. Вы дали мне это, ваше высочество... – Я почтительно склонила голову. – И я считаю, что титул – это лишнее.

– Он пригодится вашим детям, Эн, – мягко заметил Арчибальд. – Даже если вам не особенно нужен. Да и...

Его высочество запнулся, и я продолжила:

– Да, я помню, что не имею права выходить замуж за человека выше меня по происхождению. И если вы хотели сказать – да и выйти замуж будет проще, могу ответить: это не то, что меня интересует.

– Я понимаю, Эн. – Арчибальд поднялся и, скользнув по мне взглядом, повернулся к Валлиусу. – Я пойду, Брайон, мы с тобой обсудили все, что хотели. Эн, подумайте все же. Мы подготовим приказ для императора за пару месяцев, и я бы очень желал, чтобы вы были в числе первых награжденных. Думаю, вы понимаете почему.

– До свидания, ваше высочество. – Мы с наставником синхронно склонили головы.

Конечно, я понимала почему. Арчибальд, когда-то потерявший магические способности, был благодарен мне за исцеление и...

– И ни демона ты не понимаешь! – вспыхнул Валлиус, как только его высочество вышел.

Я подняла брови.

– Что?..

– Эн, – архимаг вздохнул и покачал головой, – на свете существуют не только магия, пробирки, эксперименты и больные. И кроме Бе... тьфу. В общем, мужчин на свете тоже много. Может, ты наконец высунешься из своей норы и начнешь обращать внимание на окружающих?

Вот теперь я действительно ничего не понимала.

– Но я...

– Арчибальду давно пора жениться! – продолжал главный врач на тех же повышенных тонах. – А он все... как сын!

Я задумчиво почесала лоб.

– Брайон, а при чем тут... – Я запнулась. – О... А... Э... Вы хотите сказать?..

– Я ничего не хочу сказать! – Валлиус тут же насупился. – Я вообще молчал.

– Ну да. – Я развеселилась. – Вы неисправимый романтик, мой дорогой наставник. Дворянский брат императора – и безродная девчонка. Отличный сюжет для женского романа.

– Ох, Энни... – Архимаг вновь вздохнул. – Что же мне с тобой делать, девочка...

– Повысить зарплату?

– Нахалка. Ладно, расскажи мне подробнее про Берта, как у него дела.

Я сразу отогнала от себя мысли о возможности стать принцессой и вернулась к работе.

На самом деле зарплата у меня была более чем приличная – наставник не скупился, но позволить себе собственную квартиру я пока не могла. По очень простой причине – я была обязана пять лет после окончания университета работать на его благо, и практически вся зарплата уходила на уплату долга за обучение. Его высочество Арчибальд три года назад предлагал все оплатить, но я отказалась. Иметь свою лабораторию и возможность заниматься магической наукой, получить орден Золотого орла – это одно, но брать деньги за то, что на тот момент было рискованным экспериментом, неправильно.

В общем, жила я по-прежнему в общежитии университета и собиралась жить так еще два года, а потом купить небольшую квартиру. За три года аспирантуры и работы в госпитале я скопила вполне приличную сумму, достаточную для первого взноса.

День, когда я переступлю порог собственного жилья, точно будет знаменательным, но пока я двигалась через университетский парк по направлению к общежитию, наслаждаясь чудесными пейзажами. Деревья в шапках снега, заледенелые скамейки, расчищенные дворниками дорожки и неяркий свет фонарей. В этом свете снег переливался, словно миллионы драгоценных камней...

И я вдруг вспомнила, как все начиналось.

Тогда, в день вступительного экзамена, стояла страшная жара. Июнь выдался удивительно душным и засушливым, на улицах было совершенно невозможно дышать. Впрочем, возможно, так мне казалось просто от волнения.

А внутри университета царила прохлада, и от разницы температур у меня моментально похолодели руки и повлажнел лоб. Страшно... Как же страшно было дожидаться своей очереди, чтобы войти в огромную деревянную дверь, за которой поступающих ждала приемная комиссия.

Мне было шестнадцать лет. Маленькая безродная девочка, почти ребенок, в дешевом зеленом платье – под цвет глаз, – с двумя темными косичками и алыми от волнения щеками. Я бормотала про себя все выученное и искренне верила в то, что меня обязательно примут.

Одиннадцать магов, и каждый из них смотрел на меня внимательно и цепко. А я, наоборот, не видела почти никого, кроме архимагистра Бертрана Арманиуса... который сказал сразу, как я вошла:

– Вы не приняты. Можете идти.

Я застыла как громом пораженная. Я ведь еще даже не успела дойти до места, где полагось стоять экзаменуемому, только вошла в зал.

– Простите?.. – почти прошептала я, прижимая руку к груди. Послышалось?..

– Вы не приняты, – повторил ректор университета громче. – Вы можете идти и не тратить наше время.

– Берт. – Седой мужчина в очках, сидящий рядом с архимагистром, поморщился. – Можно было бы деликатнее.

– К демонам деликатность, – огрызнулся Арманиус. – За дверью еще сто пятьдесят абитуриентов. Что вы застыли? Я же сказал – можете идти!

Наверное, страх придал мне сил.

– Но почему? – выдохнула я. – Я ведь еще ничего не успела сказать или показать...

– Вы ничего не можете сказать или показать, – резко проговорил человек, который когда-то спас меня. – Уровень вашего дара меньше ногтя на моем мизинце. Вы не можете у нас учиться.

«Я не могу у них учиться»...

Да. Но уйти я тоже не могла – ноги не слушались.

– Позвольте, – мягко проговорила одна из женщин-магов, – но почему вы, барышня, вообще решили поступать к нам? Вам разве не говорили, что вы очень слабы как маг?

– Я не слаба! – Я упрямо сжала зубы и помотала головой. – Я могу доказать, что не слаба!

– Доказать? – с интересом протянул другой маг. – Каким образом?

– Для этого и существует экзамен! – Я вздернула подбородок, хотя больше всего на свете мне хотелось разреваться. – И вопросы! Спросите меня что-нибудь.

– А начертите-ка нам формулу огня, – сказал тот самый седой мужчина, который просил Арманиуса быть деликатнее.

– Какого огня? – уточнила я. – Вечного, временного, необжигающего, слепящего, простейшего или...

– Коллеги! – От рева ректора я почти подпрыгнула. – Мы тратим драгоценное время. Я охотно верю, что девочка сможет рассказать нам всю вызубренную теорию, но этот факт не сделает ее магом.

– Магами не рождаются, а становятся! – возразила я, удивляясь собственной смелости. – Вы сами так говорите, архимагистр.

– Чтобы стать магом, нужно иметь дар. – Арманиус окинул меня откровенно раздраженным взглядом. – А у вас его практически нет.

– Практически, но не абсолютно.

– Хватит! – Ректор поднялся из-за стола. – Коллеги, кто еще, кроме нашего сердобольного Брайона, собирается экзаменовать эту особу?

Все молчали. И от этого молчания мне стало так жутко и плохо, что я всхлипнула.

И в этот самый момент я поймала на себе взгляд архимага Валлиуса – седого мужчины в очках, чьего имени я тогда еще не знала. И взгляд этот был сочувствующим.

– Бертран, – сказал мой будущий наставник негромко, но настойчиво, – у каждого из нас, как ты помнишь, есть право поручительства за одного из абитуриентов. Я использую это право, ручаясь за эту девочку, и прошу позволить ей сдать экзамен.

Арманиус закатил глаза.

– Хорошо, делай, что хочешь. Тогда я пока пойду пообедаю. При голосовании прошу учесть, что я против принятия данной особы в университет. Я считаю, что она недостойна здесь учиться.

Недостойна...

Недостойна...

Недостойна...

Это слово эхом повторялось в моей голове, пока ректор, чеканя шаг, шел к выходу. И дышать казалось невозможным, и больно было так, словно у меня вновь кто-то умер.

А потом я услышала тихий голос архимага Валлиуса:

– Ну что ж, Эн, продемонстрируйте нам формулу... пожалуй, вечного огня.

Я слотнула, сморгнула выступившие слезы и начала отвечать.

Полтора часа... полтора часа они вдсятером задавали мне самые каверзные вопросы, на каждый из которых я дала ответ. На какие-то вопросы я отвечала лучше, на какие-то – хуже, но не пропустила ни один. Экзаменаторы кивали, но мрачнели. Все, кроме архимага Валлиуса.

– Что ж, коллеги, – сказал он, когда я рассказала десять основных правил построения иллюзий, – я по-прежнему ручаюсь за Эн и прошу принять по ней положительное решение.

– Брайон... – хором протянули несколько магов, но мой будущий наставник только рукой махнул.

– С Бертом я сам разберусь.

Вот так я была зачислена в самое престижное учебное заведение Альганны.

Здание общежития находится на территории университета, в пяти минутах ходьбы от главного корпуса, где я когда-то училась. Последние три года я старалась обходить это место стороной, чтобы не встретиться с ректором. Хотя теперь Арманиус не сможет явиться на свое рабочее место, пока не выздоровеет. По правде говоря, он и ректором быть не может, но с Церемонией из уважения к нему будут тянуть до последнего...

Мои мысли прервал оклик:

– Эн!

Я обернулась. По дорожке, ведущей к общежитию, бежал мой однокурсник и хороший друг Рон Янг. Безумно талантливый маг, но почти такой же безродный, как и я.

– Ты как? Я демонски беспокоился, когда услышал, что Валлиус отправляет тебя к этому... – Рон явно проглотил ругательство. – Все в порядке?

Я кивнула и засмеялась.

– Неужели слухи уже и по городу бродят? Не ожидала, что стану настолько популярной за последние сутки.

Поняв, что у меня хорошее настроение, Рон явно приободрился.

– Прости, Энни, но при чем тут ты? Арманиус – вот чья слава двигает эти слухи. С тех самых пор, как он вернулся с задания с переломанным энергетическим контуром, ему пере-мыли все кости. А тут еще и твое назначение! Сама понимаешь, что люди говорят.

– Безродная выскочка будет лечить одного из лучших магов Альганны – какой ужас! Как Валлиус посмел! Неужели нельзя было выбрать кого-то породовитее и поталантливее?

– Именно так. – Друг поморщился. – В институт эту грязь принес Вальт, ну я ему и...

– Рон!

– Да ладно. Ничего серьезнее выговора мне не светит, не волнуйся.

После окончания учебы Рон пошел в Научно-исследовательский институт артефакторики. Работа с различными магическими предметами всегда нравилась ему больше, чем судьба охранителя. Хотя сам Арманиус предлагал моему другу стать охранителем. Рон действительно был одним из лучших боевых магов, но, как он тогда сказал, наука всегда будет ему ближе грубой магической силы.

Еще и благодаря Рону я умудрялась сдавать многочисленные экзамены по применению этой самой грубой магической силы. Преподаватели не запрещали пользоваться накопителями, и на время экзамена я из практически немага становилась слабым магом. Просто так я накопители не носила – они давили мне на грудь, словно камни. Я могла терпеть только артефакты, изготовленные Роном, даже собственные не выносила, хотя и умела делать.

– Возьми. – Друг, шагнув вперед, повязал на моем запястье рядом с браслетом связи тонкую красную нить, которая тут же растаяла, словно впитавшись в кожу.

– Что это?

– Так, безделица. Арманиус сейчас не маг, но он тем не менее остается мужчиной. Если проявит агрессию – его слегка... шарахнет.

– Рон! И не стыдно тебе?

– Не-а. – Друг улыбался, но в глазах его была тревога. – Ты же знаешь мой принцип – чтобы не вляпаться, лучше перестраховаться. Кстати, там еще следилка.

– А это зачем? – Я подняла брови.

– Энни... – Рон вздохнул. – Ты меня сегодня удивляешь. Ты представляешь, сколько магов хотят, чтобы Арманиус никогда не оправился от этого потрясения?

– Ах вот ты о чем...

– Именно. Будь осторожнее, пожалуйста! А я пока подумаю, что еще могу сделать.

– Рон!..

– Все-все, не спорь. Побежал я, сегодня дежурю, на часок только вырвался, чтобы с тобой пересечься.

Друг быстро сжал мою ладонь, приобнял и, кивнув, почти бегом бросился по дорожке обратно в город, оставив в моей душе след невнятного беспокойства.

«Ты представляешь...»

На свою беду, я действительно представляла.

Глава 2

Утром следующего дня, вновь увидев эту медсестричку, Берт сразу подумал, что она безумно напоминает ему Брайона Валлиуса. Не внешностью, нет – манерой говорить с пациентом, четкими и уверенными движениями, сосредоточенностью на деле. Так же, как Валлиус никогда не отвечал на его подколки во время работы, эта Эн Рин полностью игнорировала попытки Арманиуса ее задеть.

А еще Берту все время казалось, что он где-то видел эту девчонку раньше. Но где? Не могла же она окончить его университет – слишком слабый дар. Да и не выпускали они медсестер, только врачей.

Эн Рин нельзя было назвать красивой, но определенное очарование в ней имелось. Белая кожа, нежная и прозрачная на лице, а на руках – грубая и шершавая, явно попорченная магическими реактивами, темные волосы, заплетенные в косу, и глаза настолько зеленые, что Берт не сомневался – наведенные, не настоящие.

А подбородок у нее был упрямый – тоже как у Брайона. Может, внебрачная дочь? А что, почему бы и нет... Хотя старик вроде бы никогда не изменял жене.

– Кто твои родители?

Девчонка, сосредоточенно что-то переливающая из трех колб в одну, чуть вздрогнула и поморщилась.

– Архимагистр, я прошу вас не отвлекать меня лишними вопросами.

Берт даже онемел на секунду. Вот это наглость!

– Ты не забываешься?

– Я работаю. А вы мне мешаете. – Она наконец закончила переливать, взболтнула колбу, а потом протянула ее Арманиусу. – Пейте.

Он нахмурился.

– И не подумаю, пока не объяснишь, что это.

Эн поджала губы. Хорошенькие, кстати, губы...

– Если я буду объяснять вам каждое свое действие, в госпиталь вернусь в лучшем случае к обеду. Либо пьете без лишних вопросов, либо давайте закончим лечение. Архимаг Валлиус может прислать вам кого-нибудь поразговорчивее.

Почему-то вместо того, чтобы рассердиться, Берт развеселился.

– Ты точно в больнице работаешь, а не надзирателем в тюрьме?

Девчонка чуть усмехнулась и все-таки всучила ему колбу.

– Кнута нет, как видите. Пейте, – вздохнула и добавила: – Понимаете, единой схемы лечения больных с повреждениями, подобными вашим, не существует. Я каждый раз экспериментирую. Поэтому просто доверьтесь.

– Довериться? – переспросил Арманиус язвительно. – Это совсем непросто.

Она промолчала, только перевела выразительный взгляд на колбу. И Берту ничего не оставалось, кроме как выпить содержимое.

Ему показалось, что он выпил огонь. Все внутренности будто загорелись, и было непонятно, за что лучше хвататься, – болело все и сразу.

– Без боли не бывает выздоровления, – пояснила Эн, укладывая хрипящего Берта обратно на диван. – Я это давно поняла. Не поняла только пока, как связано одно с другим.

Арманиус тоже не понимал. Он понимал другое – не может эта девчонка быть обычной медсестрой. Значит, Валлиус его обманул. Но зачем? И кто она в таком случае?

Врач?! С подобным уровнем дара?! Невозможно.

Между тем Эн распахивала халат на его груди и щупала ребра. Он бы спросил, что она такое делает, но говорить не мог. Мог только хрипеть.

– Сейчас я нажму на несколько энергетических точек, станет еще больнее.
Куда уж больнее?!

– И, как вчера, двигаться вы не сможете примерно полчаса. Потом все пройдет. Завтра я вновь приду. И, пожалуйста, наденьте белье – завтра я буду работать с точками на ваших бедрах.

«Этого еще не хватало!» – подумал Берт, выгибаясь от боли. Ничего же не делает, легко давит на кожу, а кажется, будто ломает ему позвоночник.

Но почему-то именно в этот момент Арманиус вдруг ощутил свой магический контур. На секунду, но ощутил. И ужаснулся.

Лучше ощущать пустоту, чем вот это... И Валлиус считает, что его можно вылечить? Нет, это нереально!

Прохладные пальцы коснулись груди, запахивая халат. Берт жмурился от боли и почти ничего не видел, кроме невнятного силуэта девчонки над ним, но зато он мог думать. В конце концов, боль – вечная спутница охранителей в их работе, и если ты не умеешь думать, испытывая ее, ты не жилец.

И Арманиус неожиданно вспомнил его высочество Арчибальда. Глава охранителей и правая рука императора три года назад потерял дар во время борьбы с одним из ужаснейших порождений Геенны. Берта тогда не было в столице, и по возвращении, когда оказалось, что Арчибальд выздоровел, он решил, что слухи были преувеличены.

Видимо, пора узнать, что на самом деле тогда случилось.

Сегодня Арманиус был более покладист, чем накануне, хотя ему все равно далеко до идеального пациента. И я даже не надеялась, что наш с архимагом Валлиусом «маскарад» продлится долгое время. Нет, совсем скоро ректор догадается, что я не могу быть просто медсестрой. Ну и ладно. В конце концов, в моей биографии нет ничего постыдного. Наоборот – мне есть чем гордиться.

И теперь, после того как Арманиус на секунду ощутил свой магический контур, я настоящему поверила в то, что все получится. Не может не получиться.

Наконец-то я отдам ему долг. Арманиус спас меня тогда, восемнадцать лет назад, а сейчас я помогу ему вновь стать магом. Дар – это, конечно, не совсем то же, что жизнь, но магу без него любая жизнь не мила.

У принца Арчибальда все было гораздо печальнее, как я до сих пор помнила. Впрочем, его высочество вообще был самым сложным моим пациентом. И самым лучшим.

В тот год я окончила университет и поступила в аспирантуру по специальности «магическая медицина». Моим руководителем, конечно, был Валлиус, он же одобрил тему научной работы «Необратимые разрушения энергетического контура у магов». Некоторые преподаватели закатывали глаза и говорили, что мы с ним сошли с ума, на что наставник отвечал:

– Никого не слушай, Энни. Просто работай над тем, что тебя интересует.

Так я и делала.

Брайон устроил меня на практику в Императорский госпиталь, прикрепил к терапевтическому отделению, и я получила доступ к больным моего профиля. Я зарисовывала их разрушенные контуры, вела дневник симптомов и развития «заболевания», понемножку экспериментировала с известными методиками лечения. Хотя они в основном сводились к психологической помощи – магов срочно и максимально деликатно учили быть немагами. Разработки по восстановлению контуров, разумеется, велись и до меня – мне было что изучить, но все исследователи пришли к выводу, что в случае со сломанными контурами любой достигнутый прогресс обратим. Если контур поврежден немного, не переломан, его можно восстановить, но, если раздроблен, – пиши пропало. Именно так считалось раньше.

В тот день госпиталь гудел. Меня никогда не интересовали сплетни, но не в этот раз. Услышав, что на больничную койку попал принц Арчибальд – с необратимыми разрушениями энергетического контура! – я поняла: вот он, мой шанс. Сейчас или никогда. Все или ничего.

Его высочество, конечно, лежал в отдельной палате, в стороне от других больных, и мне, чтобы попасть туда, пришлось миновать огромное количество охраны. Но у меня был пропуск от Валлиуса. Наверное, даже если бы наставник не подписал мне его, я бы все равно нашла способ пробраться в палату к Арчибальду. Но Брайон не возражал, только улыбнулся и сказал:

– Нахалка ты.

На самом деле нет. И мне было очень страшно, когда я целенаправленно шла к его высочеству, захватив с собой на всякий случай все свои записи. Но страх не причина отступать.

Зубы стучали и дрожали ладони, когда я толкнула дверь в палату Арчибальда, перед этим показав охранникам пропуск главного врача госпиталя. На лбу выступил холодный пот, дыхание перехватило... Пожалуй, последний раз мне было настолько страшно в день вступительного экзамена.

У окна стоял невысокий коренастый мужчина с темными волосами и глазами цвета гречишного меда. Я много раз видела портреты принца Арчибальда, но никогда не думала, что человек, на рисунке казавшийся совершенно обычным, в жизни произведет на меня другое впечатление.

Я чувствовала его силу. Не магическую – силу духа. Волю в расправленных плечах, смелость в открытом взгляде, мужество в линии губ. И даже то, что он оказался одет не в халат, как все прочие пациенты, а в брюки и рубашку, поразило меня до глубины души.

Я склонила голову.

– Добрый вечер, ваше высочество.

– Добрый вечер, – сказал Арчибальд спокойным и почти невозмутимым голосом.

Я видела до него множество пациентов, потерявших магию, и многие из них бились в истерику. Но не он.

Я сделала шаг вперед и, задохнувшись на секунду от волнения, начала говорить:

– Я прошу прощения... Меня... Я учусь в аспирантуре у архимага Валлиуса и пишу научную работу по повреждениям энергетического контура. – Взгляд принца на мгновение помрачнел, и я заговорила быстрее: – Я очень хочу попробовать восстановить ваш контур! Это считается невозможным, но я исследую эту тему уже более четырех лет и уверена, что все возможно! У меня есть определенные успехи в реабилитации других больных, но, конечно...

– Как вас зовут?

Я запнулась и замолчала. Несколько раз недоуменно моргнула, а потом переспросила:

– Зовут?

Арчибальд едва уловимо кивнул.

– Да. Вы не представились. Как вас зовут?

Мне стало неловко. Но я ведь и вправду думала, что принца не должна волновать такая мелочь, как мое имя.

А еще было немного стыдно его называть. Хотя я никогда не стыдилась своего происхождения.

– Эн Рин, ваше высочество.

– Очень приятно, Эн Рин. Эн... – Арчибальд вежливо улыбнулся. – Я могу называть вас так?

– Да, конечно...

– Расскажите мне подробнее обо всем. Прежде чем соглашаться на ваше предложение, я должен понимать риски.

– Никаких рисков! – Я едва не подпрыгнула от радости. – Хуже вам точно не станет! – Поняла, что ляпнула, и добавила: – Простите, я...

– Ничего. – Арчибальда, кажется, нисколько не взволновала моя бестактность. – Я понял, что вы имеете в виду, Эн. Я уже потерял дар, и хуже теперь не будет. Значит, жизнь я потерять не могу?

Я закусила губу.

– Ну... Все разработки я утверждаю у архимага Валлиуса, и до сих пор ни одного случая со смертельным исходом не было... Но и выздоровлений тоже пока не было.

– Я понял.

И я, осмелев, почти два часа рассказывала его высочеству о своей работе. Он оказался внимательным и благодарным слушателем – пристально рассматривал мои записи и рисунки, задавал вопросы, и взгляд его с каждой секундой становился все живее, все решительнее.

«В тот вечер вы подарили мне надежду, Эн», – так Арчибальд скажет три месяца спустя, когда поймет, что вся его сила наконец при нем и энергетический контур восстановлен.

– Я согласен.

Поначалу я решила, что ослышалась...

– Правда?

– Да. Я согласен. Я понимаю, что вы ничего не можете гарантировать, но давайте попробуем. Теперь я – ваш пациент, Эн.

Я улыбнулась и, увидев его ответную улыбку, смущенно опустила глаза.

– Спасибо...

– Вам спасибо, – сказал Арчибальд тепло. – И если вы действительно сможете мне помочь, просите что хотите. Я дам вам все.

Тогда я не обратила внимания на эти слова – не была уверена, что из этой моей затеи вообще что-то выйдет. Но его высочество никогда не разбрасывался обещаниями и на самом деле сделал для меня все, что мог, и даже больше.

Я подарила ему надежду. А он мне – веру в то, что я не просто выскочка, я чего-то стою и меня есть за что уважать.

Про Эн Рин проще всего было спросить у его высочества, но Берт решил оставить Арчибальда напоследок. Отношения у них с некоторыми пор были напряженными, и ему не хотелось тревожить принца лишней раз. Нет, врагами они не были, но и друзьями – тоже.

Так уж получилось, что отец Берта, архимагистр Артуро Арманиус, был виновен в гибели невесты его высочества. Косвенно, но все же был.

Ее звали Брианна Агариус. Они с Арчибальдом вместе учились в университете на охранителей, и Арманиус-старший, как глава охранителей, прочил обоим большое будущее. Берт уже тогда был ректором, и он хорошо помнил Брианну – милая девушка с небесно-голубыми глазами, белой кожей и черными волосами. Талантливый маг. Они с принцем были безумно влюблены друг в друга.

После окончания университета охранителей ждет трехгодичная практика – до ее завершения они считаются лишь стажерами и только после получают на грудь значок с пером Золотого орла – птицы – покровительницы Альганны.

Брианна и Арчибальд стажировались лишь неделю. А потом с севера пришел сигнал об очередном демоне Геенны, и разведчики, отправленные на место происшествия, сразу присвоили ему высший уровень опасности.

Арчибальд умолял Арманиуса-старшего не брать туда Брианну, хотя именно она в тот день дежурила и вместе с отрядом других охранителей должна была перенестись на север. Принц очень боялся за свою невесту и просил сделать для нее исключение.

– Нет, – отрезал Артуро. – То, что Брианна – ваша невеста, не дает ей права уходить с дежурства. В отряде все чьи-нибудь невесты, жены, мужья или дети. Если я начну отпускать

людей по причине, которую вы мне назвали, ваше высочество, от охранителей ничего не останется. Не нужно использовать свой статус и положение во имя подобной цели.

Арманиус-старший был прав, и принц отступил.

Берт в тот день тоже дежурил и отлично помнил огромных черных птиц, будто бы сотканных из дыма, одна из которых бросилась к нему, а другая – к Брианне. И отец, стоявший рядом с ними обоими, помог именно Берту – конечно, невольно, – хотя по правилам охранителей должен был помочь Брианне как менее опытному стажеру. Но родственные связи сыграли свою роль – и Берт выжил. Хотя он выжил бы и без помощи Арманиуса-старшего. А вот Брианна погибла.

Отец после этого случая ушел в отставку, и главой охранителей на время стал Аарон Актониус, его правая рука и хороший друг. А через двадцать лет, после смерти и отца Берта, и Аарона, место главы охранителей занял принц Арчибальд.

Он никогда и ничего не говорил Берту, но общался с ним настолько холодно и отстраненно, что Арманиус не сомневался – его высочество до сих пор все помнит. И он ничего не простил.

Так что Арчибальда лучше оставить напоследок, а пока...

– Здравствуй, Йон.

– И тебе не хворать, Берт, – сварливо ответил архимаг Валлиус, чье изображение передавал браслет связи. – Что хотел?

– Хотел спросить про эту медсестричку, Эн Рин. Она не твоя внебрачная дочь?

Демоны, не с этого вопроса надо было начинать, не с этого...

Проекция Валлиуса вытаращила глаза.

– С чего ты это взял?

– Да похожа она на тебя. Манера говорить, двигаться...

– А-а-а. – Главный врач Императорского госпиталя усмехнулся. – Ну мало ли похожих людей на свете? Ерунда это все. Что-то еще? А то у меня скоро операция.

Операция у него... Отличный предлог, чтобы закончить неудобный разговор.

– Она ведь не медсестра, да, Йон?

– С чего ты это взял? – второй раз за последние две минуты ответил Брайон Валлиус, насмешливо сверкая голубыми глазами за стеклами очков и довольно потирая короткую седую бородку.

– Для медсестры она слишком много знает.

– Ну-ну, – хмыкнул старый маг и отключился, не прощаясь.

Вот ведь... хитрая морда!

День в госпитале сразу не задался. Возвращаясь от Арманиуса, я слишком быстро летела по коридору, торопясь к своим больным, и умудрилась на полной скорости врезаться в Байрона Асириуса.

Бывший однокурсник смерил меня неприязненным взглядом, и я уже готовилась к его традиционному университетскому: «Смотри, куда несешься, Эн Рин», – когда Байрон вдруг сказал:

– Я как раз к тебе шел.

Я даже чуть покачнулась. И переспросила, наверное, с очень глупым видом:

– Куда ты шел?

– К тебе, – повторил Асириус. – Дело есть. Нужна твоя консультация.

Демоны меня раздери, Байрону нужна моя консультация. Снизошел!

– А ничего, что мой кабинет и лаборатория – в той стороне, откуда ты появился?

– Ничего. Я там был, увидел, что тебя нет, и решил вернуться к себе. А ты... от Арманиуса?

Я кивнула.

– И как он?

– Пока никак, я только начала работу. Тебе срочно с консультацией или подождешь до... скажем, до обеда?

– Лучше сейчас.

Разумеется. И без разницы, что у меня обход и больные. Ладно, потерпим. Слишком уж любопытно, что нужно от меня Байрону Асириусу.

Надо же, консультацию ему подавай. Помню, было время, когда он и разговаривать со мной считал ниже своего достоинства. «Нищая безродная девка с каплей дара – что она делает в лучшем учебном заведении страны? – возмущался Байрон в кругу друзей. – Вот увидите, она не переживет и первую сессию!»

Я пережила. В прямом и переносном смысле.

– Говори, – пробурчала я, заходя в свой кабинет-лабораторию. И, пока я переобувалась, надевала халат и стягивала волосы в узел, Байрон четко и ясно излагал, что ему от меня нужно.

Возможно, если бы Асириус заискивал, улыбался и пытался втереться ко мне в доверие, я бы послала его к демонам тут же. Но Байрон был собой – слегка презирающим меня аристократом, и это оказалось привычно, понятно... и честно.

Я всегда ценила честность.

– Я давно заметил, что физические повреждения охранителей ведут и к нарушению целостности их магического контура. Сломанный контур практически никогда не бывает поврежден сам по себе, без каких-либо физических травм.

– Не «практически никогда», а просто «никогда», Байрон.

– Тебе тут виднее. Но раньше мы сначала делали операции по восстановлению физических возможностей, а потом уже брались за контур. Хирургия первична, терапия вторична, ты же помнишь этот постулат? Меня интересует, что будет, если попробовать делать наоборот.

Я серьезно задумалась. Ко мне больные попадали уже после хирургического отделения, где для них делали все возможное, чтобы вновь научить говорить, ходить и вообще двигаться. Чем сильнее сломан контур, тем хуже с физиологией. Но я занималась только безнадежными больными – точнее, теми, кто раньше считался безнадежным, Байрон же говорил об обратимых повреждениях.

– Не знаю, – призналась я откровенно. – Ты хотел получить мою консультацию, но я действительно не знаю. Мои больные все после хирургов... и, честно говоря, я никогда не задумывалась над этим вопросом. Мне нет смысла реабилитировать неговорящих и неходящих. Они не выдержат процедур.

– Давай попробуем поэкспериментировать? Возможно, следует сначала восстанавливать контур, а потом уже делать операции?

Я озадаченно молчала, глядя на Байрона, который смотрел на меня спокойно и серьезно.

– Ты хочешь ставить эти эксперименты со мной?

– А с кем еще? – В голосе бывшего однокурсника прорезалась ирония.

– Логично. Но...

– Слушай, Эн, – Асириус поднял глаза к потолку, будто я смертельно ему надоела, – я не делаю тебе никаких непристойных предложений. Ты, как и я, врач и ученый. У нас совпадает область профессиональных интересов в этом случае. Почему бы не объединить усилия? Одну главу в наших научных работах напишем вместе, это не запрещено и даже поощряется. А личные отношения стоит оставить за пределами госпиталя. Хотя я бы сказал жестче.

– Жестче?

– Да. Все это должно остаться в университете, который мы окончили.

Байрон замолчал, и я тоже молчала. Наверное, потому что была согласна.

По правде говоря, там я уже давно все и оставила. Нет, особой любви я к Асириусу не испытывала, но уважала его как талантливого хирурга, у которого впереди – огромное будущее.

– Я согласна.

Он чуть улыбнулся, и мы начали обсуждать детали дальнейшей работы.

Однажды Рон спросил меня, ненавижу ли я Байрона. И я тогда честно ответила, что нет. Хотя, прямо скажем, мне было за что его ненавидеть. Помимо презрения, которое не доставляло мне неприятностей, Асириус регулярно организовывал так называемые подставы. И именно на почве одной из таких подстав я подружилась с Роном.

Это было, кажется, на третьей неделе учебы в университете. Преподаватель по теории магии вызвал меня к доске, чтобы я начертила формулу исчезновения. И на пути туда с меня вдруг исчезла вся одежда.

Сказать, что я испугалась, – это ничего не сказать. Я застыла на месте под хохот однокурсников, не зная, что предпринять, когда сверху раздался издевательский голос Байрона:

– Толку-то уметь чертить формулы, если не можешь их применить? Давай, Эн Рин, верни себе одежду.

В чем-то Асириус был прав – я действительно не смогла бы применить нейтрализатор, даже зная его формулу.

На глаза навернулись слезы, и единственное, о чем я мечтала, – не разреветься бы. Я понимала, что преподаватель сейчас все исправит, но, на мою беду, он тоже был аристократом и откровенно не спешил.

Зато Рон аристократом не был. И, встав со скамьи, махнул рукой, делая то, что не могла сделать я.

Занятие продолжилось, я дрожащими пальцами написала все, что от меня требовалось, а после подошла к Рону и поинтересовалась:

– Зачем?.. – и задохнулась, наткнувшись на его угрюмый взгляд.

– Ненавижу аристократов, – процедил мой будущий лучший друг. – Считают, что им все можно. Тоже мне, избранные... Разве мы выбираем, кем родиться? И дар – он же от природы дается. А вот остальное – наши достижения! Только почему-то аристократам привилегии, а таким, как ты или я, два шиша с маслом. И где справедливость?

Я промолчала. А Рон продолжал бухтеть:

– Развеял он, понимаешь, одежду на девочке. Настоящий подвиг, демоны его задери! Медаль на грудь и тапочки на ножки.

И тут я не выдержала – улыбнулась.

– Как-как?..

Рон усмехнулся и взъерошил светлые кудри.

– Медаль на грудь и тапочки на ножки? Так мой отец говорит. Он сапожник... мм... ну да...

И тут мы с ним буквально повалились на пол университетского коридора, хохоча до слез и икоты.

С тех пор и дружим. И единственное, за что я была благодарна Асириусу, – это за Рона. Каждому человеку необходим настоящий друг. Теперь я это знаю.

Интересно, зачем эта конспирация и почему Валлиус не хочет признаваться, кто такая Эн Рин? Какой в этом смысл?

Берт задумчиво почесал подбородок и поморщился. Надо бы побриться, щетина уже колется, но настроения совершенно не было.

Перед глазами до сих пор стояли пятнадцать погибших учеников. Бартоломью, Гвенда, Базил, Айзек, Верджил, Гилберт, Алия, Дарин, Акерли, Брендон, Зандер, Кейси, Аллан, Бастиан, Гай... Он помнил, из-за чего погиб каждый из них, и злился на себя.

За нерасторопность. Если бы он догадался раньше!

За самоуверенность. Ему, лучшему охранителю Альганны, казалось, что они справятся и так. Правильнее было отступить, заперев демона во временную ловушку, и хорошенько продумать план действий. Но он принял решение двигаться, сражаться, не отступать. И запла- тился...

За гордость и малодушие. Нужно было вызвать подкрепление и взять с собой хотя бы еще одного архимагистра. Для подстраховки. Но Берту казалось унижительным просить о помощи. Особенно – его высочество принца Арчибальда.

Глупое ребячество. Сейчас, оглядываясь назад, Арманиус понимал – плевать на все. Главное – это человеческие жизни, которые он потерял.

Даже собственной магии Берту было не жаль. Заслужил. Да и... если бы он после всего случившегося остался цел и невредим, ему было бы еще хуже. А так...

Ужасная мысль, неправильная, лицемерная. Как будто то, что он тоже пострадал, может искупить его вину. Но, если бы Арманиус знал, как именно может искупить, – он бы сделал это, не задумываясь.

Ладно. Нужно отвлечься.

Выражение лица Эрты, официально считавшейся его секретарем, было непередаваемым. И Берт ее понимал – секретаря он вызывал по браслету связи крайне редко. Практически все обязанности ректора исполнял его зам, архимаг Велмар Агриус. Как совершенно правильно сказал Брайон Валлиус, Берт был демонски плохим ректором. Он и сам это знал. Но невозможно было успевать все делать – и исполнять обязанности охранителя, и руководить университетом.

Что ж... руководить, скорее всего, осталось недолго.

– Да, архимагистр? – удивленно протянула Эрта.

– Окажите мне услугу, айла¹. Посмотрите, пожалуйста, в архиве копию диплома... мм...

Эн Рин.

– Мэн Рин?

– Эн Рин. – Это имя скоро натрет ему мозоль на языке. – Я не уверен, что...

Арманиус хотел сказать: «Я не уверен, что она у нас училась», – но не успел.

Лицо Эрты вдруг посветлело.

– А-а-а! Диплом Энни. Да, конечно, архимагистр, сейчас все будет.

– Мм... Вы ее знаете?

– Конечно. Кто же не знает Эн Рин? – удивленно протянула секретарь и сразу смущенно запнулась. – Извините, архимагистр.

– Ничего...

Берт прервал связь и вновь задумчиво почесал подбородок. Кто же не знает Эн Рин? Хороший вопрос. Он совершенно точно слышал это имя впервые в жизни. Или нет?

Через десять минут на столе лежала магическая копия диплома Эн Рин, присланная Эртой по почтомагу. И Арманиус чувствовал себя... странно.

Каждый год одному из учеников присваивалось звание «лучший студент». По совокупности оценок за семь лет учебы, заслуги перед университетом и так далее. И этим студентом неожиданно оказалась Эн Рин.

С уровнем дара всего в две магоктавы. Это шутка?

¹ **Айла** – вежливое обращение к женщине в Альганне. **Айл** – вежливое обращение к мужчине. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Он бы никогда в жизни не поверил в подобное, но диплом лежал перед ним, светясь фиолетовой корочкой лучшего студента.

Специальность: «магическая медицина». Руководитель: архимаг Брайон Валлиус.

Кто бы сомневался.

И по всем предметам – даже по охранительной и боевой магии – высший балл. Как?! Как она это сделала?!

С подобным уровнем дара Эн Рин не должны были принять даже в магический колледж. Она могла бы стать травницей, медсестрой, гадалкой – в общем, кем угодно из околوماгических профессий, но не врачом!

Место стажировки: Императорский госпиталь, терапевтическое отделение.

Тема научной работы: «Необратимые разрушения энергетического контура у магов».

Демоны! Как это возможно? У нее самой практически нет этого самого контура. Говоря честно и откровенно – она не маг! Она не может творить магию, у нее для этого недостаточно сил.

Но диплом по-прежнему светился фиолетовым, и Берт чувствовал себя таким растерянным, как никогда в жизни.

Наверное, было бы логично вновь обратиться к Валлиусу за разъяснениями, тем более что именно он значился руководителем Эн Рин, но Арманиус решил поступить иначе. Старый маг явно водит его за нос, и чем дольше он не будет знать точно, что Берт догадался, тем лучше.

Боевую магию у Эн Рин вел Гровер Грэдаар – по крайней мере именно его подпись стояла в ее дипломе, а с ним у Арманиуса всегда были хорошие отношения. И браслет связи вновь потеплел, вызывая на разговор теперь уже Гровера.

– Бе-э-эрт, – прогудела на всю библиотеку проекция могучего преподавателя боевой магии, – ты как, старина?

– Вот именно, что старина, – усмехнулся Арманиус. – Чувствую себя немощным дедом. В госпитале меня подлатали, но пока еле ползаю.

– Э-эх, демоны, – вздохнул Гровер. – Я надеюсь, что ты выкарабкаешься и ректора нам не сменят.

Берт поморщился. Ректорство его никогда не прельщало, но потерять статус тоже не слишком-то хотелось. Какое-никакое, а поражение. А поражений в последнее время в его жизни было более чем достаточно.

– Я тоже надеюсь. Слушай, Гров... Ты знаешь такую студентку... Эн Рин?

Проекция Грэдаара явно удивилась.

– Канеш, знаю. Только она уж года три как аспирантка.

– Да, я в курсе. Скажи... высший балл по боевой магии у нее поставлен заслуженно? Или не очень?

– Че? Ну ты даешь, Берт. С каких это пор я незаслуженные оценки ставлю? – обиженно пробасил Гровер. – Канеш, заслуженно.

– Но... как?

– Че как?

– Как она сдавала практическую часть экзамена с уровнем дара в две магоктавы?! – почти заорал Арманиус.

Грэдаар демонстративно прочистил большим пальцем ухо, в котором явно звенело от его вопля, а после ответил:

– Как-как... Кверху... кхм. Умница она, вот че могу сказать, Берт. Большущая умница.

– Да не тяни ты!

– А я и не тяну, как есть говорю. По теории у нее, конечно, конкурентов и не было – формулы от зубов отлетали, ничего, кроме десятки, я поставить и не мог никогда. А прак-

тика... Еще на первом курсе думал – конец девчонке, у нее ж ни одно заклинание не получится выплести. А она на экзамен пришла вся с ног до головы в амулетах и сказала – я, грит, правила смотрела, использование магических энергетических амулетов не запрещено.

– Так...

– Угу-угу. Для того чтобы ими пользоваться, уровень дара тоже нужен неслабый, а у нее кот не то что наплакал – нализал. Однокурсники спорили, ставки даже делали – продержится или нет. На лбу во время экзамена пот выступил, покраснела вся от пяток до макушки, в глазах сосуды полопались, из носа кровь пошла. Но, Защитником клянусь, выдержала. Все сдала и лучше всех справилась. А я поблажек ей не делал – ни тогда, ни потом. Все годы на амулетах держалась. Это ж какую надо силу воли иметь, чтобы магическую энергию собирать и аккумулировать, с ее-то уровнем дара!

Берт промолчал. Он просто не знал, что сказать.

Далеко не каждый маг уровня магистра был способен успешно управлять амулетами и с их помощью творить магию. Это только казалось простым – обвешаешься побрякушками и они за тебя все сделают. На самом деле чужая энергия, заключенная в амулетах, давила к земле не хуже камня на шее. И сдвинуть этот камень с двумя магоктами...

Ну и девица.

– А че ты спрашиваешь-то? А-а-а! Она ж вроде и должна тебя лечить, точно!

– Точно, – пробубнил Арманиус. – Ладно. Спасибо тебе, Гров, за консультацию.

– Да не за что. Выздоровливай, старина.

Проекция Грэдаара исчезла, а Берт еще долго сидел в кресле, чесал подбородок, смотрел в никуда и думал.

Он пытался представить, каково это – учиться в лучшем магическом заведении страны, куда принимали только самых талантливых магов, с уровнем дара в две магокты, в окружении заносчивых аристократов. И не мог.

Но зачем Эн Рин это все понадобилось? Почему именно магический университет, магическая медицина? Что это – тупое упрямство, какой-то принцип, спор?... Нет, глупости... Но зачем тогда?

Я засиделась на работе, продумывая дальнейшее лечение Арманиуса, и в общежитие попала уже ближе к ночи. И обнаружила на столе возле окна букет красивейших и очень дорогих белых лилий.

Лепестки засветились мягким светом, а щеки мои загорелись от смущения. Конечно, никакой записки... Но она тут и не была нужна. Белые лилии – цветы – символ правящей семьи наряду с Золотым орлом. И дарят их члены этой семьи только в том случае, если собираются... жениться. Чтобы сразу заявить о серьезных намерениях.

Щеки уже полыхали, и я потеряла их ладонями. Защитница, Арчибальд, зачем? Даже если вы дадите мне титул, для большинства аристократов он не будет значить ничего. Я навсегда останусь Эн Рин. И император никогда в жизни не позволит вам на мне жениться, даже если вы продадите этот закон, даже если меня официально станут называть Энни Ринниус. К чему это, зачем?

Нет, я ошиблась. Записка все же была.

«Я верю в свою мечту, Энни».

Я всхлипнула и тяжело опустилась на стул. Мечта... Это он обо мне, что ли? Но... как это может быть?..

Глава 3

На следующий день Арманиус был непривычно тих и серьезен. Почти ничего не говорил, зато наблюдал за моими действиями настолько пристально, что мне хотелось развернуться и запустить какой-нибудь колбой ему в лоб.

Я, конечно, сдерживалась. Он и так жизнью ушибленный, не хватает еще и мне добавлять... колбами.

– Снимайте халат и ложитесь на диван.

Я хотела спросить, надел ли он белье, но подумала, что в вопросе нет смысла. Все равно сейчас увижу.

Надел, слава Защитнице...

Я смазала руки специальным массажным маслом, села рядом с Арманиусом и начала растирать его бедра. Думала, хоть сейчас что-нибудь скажет, но нет, он по-прежнему молчал, лишь следил за мной.

И меня вдруг пронзило... Узнал, наверное, что никакая я не медсестра.

– Где ты родилась? – спросил он вдруг хриплым голосом и дернулся от боли, когда я нажала на первую нужную точку.

– Опять вы за свое. – Допрос решил устроить, что ли? – На севере Альганны, в деревне, как вам должно быть понятно из моего имени.

– Родители живы?

– Нет.

– А братья или сестры?

– Тоже.

Несколько секунд Арманиус молчал, и я уже успела обрадоваться, но оказалось, что рано.

– Где ты училась?

Хм, ну ладно. Как говорит Брайон: «Если пациент мешает доктору работать, он нарывается на неприятности».

И я приступила к массажу в сочетании с «игрой на энергетических точках». Так эту технику называл Валлиус – когдажимаешь то на одну, то на другую, но не просто так, а будто наигрываешь какую-либо мелодию. В случае с Арманиусом это был «Марш Защитника».

Ректор захрипел, выгибаясь на диване дугой, и тут же забыл про свое любопытство. Конечно, временно, но и это неплохо. Здесь полезна даже временная тишина.

Через десять минут я закончила. Арманиус по-прежнему лежал на диване в одних трусах, обливаясь потом с головы до ног, и выглядел таким же несчастным, как любой другой мой пациент.

– Я вас обрадую, архимагистр. Я вижу прогресс. Да, он слабый, но он есть. Вы ведь пару раз чувствовали свой энергетический контур, верно?

Ректор кивнул, попытался поднять руку и вытереть пот со лба – он уже лился в глаза, – но не смог. Я взяла из сумки салфетку, подошла ближе и сама обтерла ему лицо.

– Так вот. Чем раньше больной чувствует свой энергетический контур, тем быстрее будет продвигаться его выздоровление. Вы ощутили его уже вчера. К примеру, принц Арчибалд... – Ой, зря я это говорю... – Да. Его высочество смог почувствовать контур лишь спустя три недели процедур. Правда, я тогда знала и умела гораздо меньше, так что эксперимент не чистый.

Я закинула в сумку баночку из-под массажного масла, накинула на ректора халат, чтобы не замерз, и продолжила:

– Как обычно, полчаса лежим, не встаем. До завтра, архимагистр.

Он вновь что-то прохрипел, но я уже шла к лестнице.

Вопросы, вопросы... Вот ведь любопытный. Можно подумать, он до сих пор не нашел на них ответы.

Через полчаса Берт не просто встал – он даже прошел пять шагов, пока не рухнул обратно в инвалидное кресло.

Невероятно. Им занимались лучшие хирурги Императорского госпиталя, потом был курс восстановительной терапии, но по-настоящему встать с кресла и сделать хотя бы несколько шагов, не держась за что-нибудь, не удавалось. Это Арманиуса тогда и подкосило, и на предложение Брайона перевестись в отделение для больных со сломанным контуром, по-другому – «для безнадежных», он ответил резкое «нет».

Видимо, Эн Рин работает там... врачом. И она смогла поставить его на ноги быстрее других врачей госпиталя. Нет, это логично, раз сломанный контур – тема ее научной работы и именно его она изучает. Лечить мага или обычного человека – большая разница, а уж маг с такими повреждениями – это вообще отдельная песня, как сказал бы Валлиус.

Конечно, возможность стоять на собственных ногах и ходить – не то же самое, что вновь стать магом. Но и это немало в его случае.

Браслет связи на запястье Арманиуса завибрировал. Берт покосился на экран – с ним хотел поговорить Велмар Агрирус, его заместитель.

– Приветствую, Берт! – Проекция Велмара широко улыбалась. – Я смотрю, ты стал менее бледным с прошлого нашего разговора.

– Ем мясо и пью томатный сок, как мне рекомендовали при выписке из госпиталя. – Арманиус скривился. – Демонова гадость этот сок...

– Терпи. – Велмар хохотнул.

Его зам был очень улыбчивым, и за это Агрируса студенты любили гораздо больше, чем Берта. Ректора, конечно, уважали, но не обожали. А вот Агрируса – да, обожали. Но его яркосиние глаза и широкую искреннюю улыбку не мог не обожать даже Арманиус.

– Терплю, куда деваться...

– Как успехи по восстановлению контура? – с интересом спросил Велмар. – В Совете все спорят, как скоро метка исчезнет с твоей руки, успеет контур восстановиться или нет.

– Вряд ли успеет. Ну и хорошо – сам знаешь, это ректорство мне уже давно обрыдло. Ты должен был стать ректором, и если бы за неделю до церемонии я не отхватил звание архимагистра, так бы все и получилось. Пришла пора восстановить справедливость.

– Сплюнь. – Велмар закатил глаза. – Не дай Защитник, сбудется.

– Тебе-то что? Ты и так за меня все обязанности выполняешь.

– Берт, честное слово, – Агрирус явно рассердился, – был бы рядом – стукнул. Стать ректором, конечно, хочется, особенно с учетом моего финансового положения в последнее время, но не в ущерб же тебе!

Арманиус кивнул, но спрашивать, как у Велмара дела, не стал.

Далеко не всем аристократам везло с детьми, и сын Агрируса родился практически без дара. И сам Велмар, и Алан страдали от этого всю жизнь. Других детей у проректора не было, как они с женой ни старались, а единственный сын не мог творить магию. Зато он часто играл в карты, а Велмар потом оплачивал его долги. Небольшие, но постоянные.

Берт вдруг вспомнил Эн Рин. А ведь уровень ее дара ниже, чем у Алана, однако парень только кулинарное училище осилил окончить...

– Так что, помогает тебе лечение? Есть успехи?

– Есть. Послушай, Велмар, а ты ведь знаешь эту... Эн Рин?

– Естественно.

Ну конечно, все ее знают, кроме него.

– Это она Арчибальдом занималась?

– Она. Талантливая девчонка, упорная очень. – Агрирус усмехнулся. – Вон даже принц в любовниках.

Берт дернулся от неожиданности.

– Чего?

– Ты и об этом не слышал? Арчибальд ведь ей орден Золотого орла дал. Вылечила она его, конечно, но это же не причина так награждать-то, да еще и орденом только для аристократии. И, говорят, видят их вместе регулярно. А уж в последнее время...

– Закон... – протянул Берт понимающе. – Точно, он же лоббирует этот свой закон о праве передачи титула не по наследству, а за заслуги.

– Ага, – рассмеялся Велмар. – Хочет Энни аристократкой сделать. Может, жениться собирается, демоны его разберут. Но девочка талантливая и с характером. Сам знаешь, Валлиус других в ученики никогда не брал.

– Да, – Арманиус поджал губы, – не брал...

Значит, любовница Арчибальда. Что ж, если это так, то принцу можно только позавидовать.

Много-много лет назад, когда меня, как говорит Валлиус, еще не было даже в проекте и Альганна только образовывалась, аристократия была придумана не зря и вполне заслуженно. Титулы полагались лишь магам, у магов были всевозможные привилегии, ведь они защищали простых людей от порождений Геенны. Аристократы бесплатно учились в школах и университетах, женились только на себе подобных, чтобы избежать «утечки магического дара» по пространенной теории о размытии магической крови немагической, и получали постоянные дотации от империи. Особенно охранители.

Но шли годы, и все менялось. Связано это было в первую очередь с тем, что очень многие аристократы имели на стороне любовниц из простого люда, которые рожали от них детей. Две трети получались обычными мальчиками и девочками, но оставшиеся рождались магами. Пусть они были слабее магов потомственных, но все же дар у таких детей имелся.

Поначалу положение подобных магов-неаристократов было весьма плачевно – в учебные заведения их без титула не принимали, в результате они жили как обычные люди и даром не пользовались – не умели. Потом кто-то из императоров понял, что теряет солидный и многочисленный ресурс, и неаристократическим детям было дозволено учиться магии. За плату или в кредит, как, к примеру, училась я, – когда сначала получаешь образование, а потом отдаешь долг за обучение.

Справедливо? По-моему, не слишком. Но эту несправедливость никто не спешил устранять – подобное положение дел было выгодно всем. Государство получало неплохих магов во временное трудовое рабство, неаристократы – возможность чего-то достичь в жизни и без титула, а аристократия... ну, их-то вообще все это никак не касалось. Привилегии как были, так и остались.

И если обычный люд относился к аристократии несколько подобоострастно – ну как же, волшебники, чудеса творят и живут в два раза дольше! – то маги нетитулованные² частенько не любили своих титулованных коллег по дару. Знать действительно вырождалась, и среди аристократов уже было много немагов, так же как и среди простых людей – магов.

Справедливостью тут и не пахло, именно поэтому Рон ругался. Ему приходилось выбирать себе все привилегии по́том и кровью, а аристократам они давались по праву рождения. Хотя дар у Рона неслабый, даже более чем сильный – восемьдесят пять магоктав. Со временем и архимагистра сможет получить, если мастерства наберется...

² Титулованный перед тобой маг или нет, можно легко понять по наличию или отсутствию родовой кровной магии. В отличие от резерва ее не видно магическим зрением – она ощущается на интуитивном уровне.

Уровень дара в течение жизни не меняется, но на одном уровне далеко не уедешь, надо учиться. Первая ступень мастерства – маг, получают его при окончании университета. Вторая ступень – магистр, ее дают после учебы в аспирантуре, защиты диссертации и сдачи экзаменов. Невозможно получить магистра, будучи магом меньше чем с тридцатью магоктами дара. У меня всего две магоктавы, поэтому диссертацию я защищу, но магистром мне не стать никогда.

Архимаг дается минимум за пятьдесят октав, нужно провести большую научную работу и пройти специальные испытания. Архимистр – за восемьдесят с плюсом, очередную научную работу и успешно пройденные тяжелые испытания. И до этой ступени почти никто не доходит. Кто-то – из-за уровня дара, кто-то не хочет проходить испытания. Они действительно тяжелые.

Вот Байрону точно дадут магистра, а потом, может, и до архимистра постепенно дорастет. Восемьдесят одна магоктава, и упорства не занимать...

Примерно об этом я думала, пока мы с Асириусом проводили наш первый эксперимент. Конечно, над больным, который согласился на подобное безобразие. Подозреваю, что Байрон ему заплатил. По крайней мере я ни за что бы не согласилась, чтобы надо мной какие-то аспиранты эксперименты ставили. Одно дело – разрушенный контур, и совсем другое – обратимые повреждения. Вдруг хуже сделаем?

Для начала я попробовала вколоть нашему подопытному несколько специальных реактивов, а Байрон записывал реакцию организма. Которой не было.

Он почему-то страшно расстроился, словно ожидал, что мы сразу начнем творить чудеса и исцелять страждущих. Вот что значит – хирург. Как говорит Валлиус: «У нас, хирургов, пока мозги думают, руки уже делать начинают. Только это не всегда хорошо».

– Не переживай ты так, – сказала я, выходя из хирургического отделения. Я направлялась к себе, а Байрон – на обед. – Сразу ничего не бывает. Поначалу я почти три месяца билась над различными вариантами лечения, пока мне удалось получить хоть какой-то результат. С Арчибалдом, считай, повезло...

– Да тебе вообще везет, – огрызнулся Асириус. – И с руководителем повезло, и с темой работы. Я только потом понял, почему Валлиус тебе этот бред утвердил, с твоим-то уровнем дара. Никто из больных близко не подпустил бы тебя к себе. Кроме безнадежных.

Я усмехнулась. Неприятно мне не было – я много раз слышала подобные слова, сказанные как в лицо, так и за глаза. Привыкла.

Конечно, когда я выбирала, чем именно заниматься, учитывала и собственные способности, и неприязнь ко мне магов-аристократов. Но так должен поступать любой нормальный ученый. Это называется «ответственность».

Поэтому я оставила слова Байрона на его совести, спросив:

– Что мы с нашим подопытным делать-то будем? Он же переломанный весь, долго терпеть не станет. А другого искать для эксперимента как-то...

– Станет, – вновь огрызнулся Асириус. – Я об этом позабочусь.

Да уж, деньги способны решить если не все, то многое.

А вечером, когда я вышла из здания госпиталя, меня ждал сюрприз.

Поначалу я заметила золотой магмобиль³ и отстраненно подумала о том, что в госпиталь приехал кто-то из императорской семьи. Только ее члены могли передвигаться на магмобилях золотого цвета.

А потом дверца с моей стороны открылась и наружу вышел Арчибалд.

Что-то внутри меня нервно стукнуло о ребра. Наверное, сердце.

³ **Магмобиль** – магический аналог автомобиля, бестопливное средство передвижения.

– Добрый вечер, Эн, – сказал принц, мягко улыбнувшись. Сделал шаг вперед, и снег захрустел под его ногами. Именно благодаря этому звуку я и очнулась...

– Добрый, ваше высочество, – ответила я тихо, чуть приседая и склоняя голову.

Защитница, что же так неловко? И безумно хочется развернуться и убежать.

– Вам понравились цветы? – поинтересовался Арчибальд, делая еще один шаг вперед. Глаза его лукаво блеснули.

Можно подумать, я могу ответить «нет».

– Конечно, ваше высочество.

– Эн... – Принц подошел уже совсем близко и осторожно, медленно взял меня за руку. – Вы позволите пригласить вас...

– Не нужно. – Я аккуратно освободила руку и спрятала ее за спину. – Ваше высочество, прошу, не обижайтесь, но...

– Я вам не нравлюсь?

Я запнулась, внезапно невероятно смутившись. Я не привыкла прямо говорить о таких вещах, и подобный вопрос, заданный откровенно, в лоб, выбил меня из колеи. Кажется, я начала краснеть...

Арчибальд удовлетворенно улыбнулся, глядя на мои заалевшие щеки. Как будто это признак того, что он мне нравится!

– Эн, пожалуйста, дайте мне шанс.

Аристократы императорской крови... Понимает ведь, что я не могу здесь и сейчас никак взбрыкнуть – под окнами госпиталя, в который мне возвращаться на следующее утро.

Когда я представляла, как в эту секунду все больные и врачи прилипли к окнам, у меня холодел позвоночник.

Может, отпроситься у Валлиуса на завтра?

– Ваше высочество, я не могу. Пожалуйста, простите меня, – выдохнула я рвано и, не дожидаясь, пока принц придумает очередной ответ, чтобы меня задержать, быстро пошла прочь.

Было бы нечестно с моей стороны обещать что-то Арчибальду. Принцесса из меня никогда не получится.

И вроде все правильно сделала. Но кто бы мне объяснил, почему так больно колет глаза?

Утром следующего дня ужасно не хотелось идти к Арманиусу. Но, как всегда говорил мне Брайон, не врач выбирает, кого ему лечить, а пациент – у кого ему лечиться. Правда, ректору никто этого права выбирать не предоставил. Да и выбора-то нет. В данный момент только я занимаюсь «безнадежными» больными. И я бы очень хотела это исправить, но пока не пойму, по какому алгоритму следует работать с необратимыми повреждениями контура, помощников мне не видать. Я должна сама все делать. Одна ошибка – и прогресс полетит демонам под хвост.

Сегодня во взгляде Арманиуса появилось что-то новое, похожее на любопытство. Наверное, нашел про меня какую-нибудь информацию и теперь думает, насколько она правдива. В принципе, все, что он мог на меня отрыть, правдиво. Ну, кроме слухов, конечно.

Интересно, а он меня помнит? То, что спас когда-то, разумеется, нет. Но то, что был против моего принятия в университет... Неужели совсем не помнит? Ни капельки?

Мне стало смешно, когда я об этом подумала. Защитница... Эн, ты все еще на что-то надеешься? Да не помнит он тебя. Не помнит, не уважает, не считает достойной чего бы то ни было. Хватит уже себя обманывать.

Мне всегда было любопытно, почему Валлиус взял меня тогда под свое крыло. Пару раз я спрашивала, но он отшутился. Назвал это чуйкой на отличников. Глупости, конечно, одной чуйки мало, чтобы решиться покровительствовать девочке с двумя магоктами дара.

– Завтра состоится Совет архимагистров. – Арманиус так неожиданно заговорил, что я чуть не выронила перчатки. – На нем будут обсуждать закон, который лоббирует принц Арчибалд. Про титулы не по наследству, а за заслуги перед империей.

Мне захотелось спросить, при чем здесь я, но я решила, что здоровье дороже. Здоровье Арманиуса, не мое.

– Повернитесь ко мне спиной, пожалуйста. Халат снимите, – сказала я ровно, наполняя шприц очередным раствором для стимуляции нервных окончаний. Но все-таки не удержалась: – И поменьше разговоров.

Он усмехнулся и протянул:

– Интересно, ты с Арчибалдом тоже так общаешься?

Ясно. Значит, до ректора все-таки дошли именно слухи.

– Его высочество в первую очередь мой пациент. Я со всеми пациентами общаюсь одинаково.

– А во вторую?

– Что во вторую?

– Очередь.

Я вздохнула, чтобы унять раздражение.

– Архимандрит, либо вы переворачиваетесь на живот и замолкаете, либо будете лечить себя сами.

Слава Защитнице, послушался. С кряхтением, как дряхлый старик, стянул халат, закинул его на спинку дивана и начал переворачиваться.

Однако замолкать не спешил...

– Ты можешь называть меня Бертран. Какой из меня сейчас архимагистр?

В голосе была горечь, и я поспешила утешить его, как привыкла делать с другими пациентами:

– Не говорите ерунду. Вы потеряли дар, но ваше мастерство осталось при вас. Дар я вам восстановлю, обещаю. Думаю, за месяц вы станете самим собой.

Арманиус застыл, так до конца и не перевернувшись. Мышцы на спине вздулись от напряжения.

– Месяц?

– Да. Максимум полтора. Вы будете ложиться или нет?

Ректор кинул на меня короткий взгляд, полный язвительной насмешки, но все-таки опустил свое архимагистерское тело туда, куда было велено.

Так, первый укол – в левую лопатку...

– Что ты думаешь об этом законе?

Да что же это!

– Архимандрит! Вы хотите выздороветь или нет? Замолчите немедленно! Разговаривая, вы двигаетесь, понимаете? Если я не попаду в нужную точку, эффекта не будет и мы с вами откатимся назад в прогрессе. Неужели это так сложно понять?!

Он не ответил. И не просто замолчал – замер всем телом, словно впечатлившись моей проникновенной речью.

Левая лопатка, правая лопатка, левый бок, правый бок, левое бедро, правое бедро, левая пятка, правая пятка...

Когда я начала делать укол в пятку, Арманиус дернулся, сказал «ой», как маленький, а потом вновь замолчал. Мне стало смешно.

– Терпите. Скоро закончим с уколами.

Сделав последний, я осторожно положила ладони на спину ректора и, закрыв глаза, магическим зрением тщательно изучила рисунок энергетического контура. Узловые точки стали больше, некоторые запульсировали... Прекрасно. Точнее – лучше, чем я думала.

– Очень хорошо, архимагистр. Сейчас я немного разгоню вам кровь, потом кое-что выпьем и закончим на сегодня.

– Разгонишь кровь? – Голос был хриплым. Значит, раствор вошел в контакт со связками, и это замечательно.

– Да, надо сделать массаж. Лежите спокойно.

– А разговаривать могу?

– Зачем?

Кажется, он улыбнулся.

– Мне хочется поговорить с тобой.

У меня дрогнули ладони. Издевается он, что ли?

– А пока получается говорить только с самим собой. Ты не отвечаешь на вопросы.

Я вздохнула и, начав растирать левую ногу, сказала:

– Вы в курсе, что разговор предполагает взаимный интерес собеседников?

– Намекаешь, что тебе неинтересно со мной?

Если он думал меня смутить, то не получилось.

– Я не намекаю, а прямо говорю. Я пришла вас лечить, а не отвечать на вопросы. В конце концов, мы не на экзамене.

Зря я это сказала. Вдруг вспомнит? Хотя... не важно.

– Ладно, – неожиданно согласился Арманиус. – Тогда я буду говорить, а ты слушай. У Арчибальда не получится продать этот несчастный закон.

Я на секунду замерла, и он явно это почувствовал. Хмыкнул и продолжил:

– Сейчас мы, по сути, имеем временное рабство. Неаристократы учатся и работают так же, как и аристократы, но при этом они обязаны платить налоги в государственную казну за привилегии в отсутствие титула. Зачем лишаться постоянного притока денег? В этом нет никакого смысла.

Я не выдержала и пробурчала:

– Это несправедливо.

Ректор кивнул.

– Конечно, несправедливо, но я не говорю сейчас о справедливости. Все все понимают. И никто, поверь мне, никто из архимагистров на Совете не проголосует за закон Арчибальда.

Я молчала, вспоминая записку.

«Я верю в свою мечту, Энни».

Что ж... одной веры бывает мало. Я знаю это очень хорошо.

– Но архимагистры ведь не все аристократы. Они-то проголосуют?

– Вряд ли. Между неаристократией и аристократией и так до сих пор напряженные отношения, зачем им будить Геенну? Они свое выплатили, достигли того, чего хотели, для них открыты все дороги, и какое им дело до других, молодых магов?

Мне захотелось засопеть от обиды, как это обычно делает Рон.

– Значит, надежды нет.

– Ну почему же? – возразил Арманиус почти весело. – Надежда есть всегда. Но для этого необходимы холодная голова и желание идти на компромисс. Арчибальду стоит прописать в законе более четкие условия дарения и передачи титулов. «По прошению представителя аристократии или указу императора» – этого слишком мало.

Ректор замолчал, и я тоже молчала, раздумывая.

Потом все-таки спросила:

– Архимандрит, а почему вы это все мне говорите?

Руки мои скользили по напряженной спине Арманиуса, и я знала, что ему больно. Но когда он ответил, боли в голосе я не услышала – лишь нечто, напоминающее самоиронию.

– Поговори с Арчибальдом, Эн. У меня с ним не слишком хорошие отношения, и к моему мнению он не прислушается. Возможно, он признает мою правоту, но будет уже поздно, а Совет завтра. Поговори. Ему нужно надавить на слабые места архимагистров неаристократов и на титулованных магов, которые хотели бы, например, жениться на неаристократках. Таких в Совете достаточно.

Я закусила губу. С учетом вчерашних событий... не хотелось бы мне встречаться с его высочеством. Но закон... Его надо, жизненно необходимо принять.

Поэтому я, вздохнув, сказала:

– Хорошо, архимагистр. Я поговорю.

Зачем ему это понадобилось? Изначально Берт не собирался поддерживать Арчибальда – слишком в законе все было наивно и недоработано. Теперь он даже понимал, почему так. Горячая влюбленная голова не способствует продумыванию условий законов. Да и раньше принц не особенно лез в политику, не научился еще ни лаять, ни кусаться.

И пошлет его Совет архимагистров далеко и надолго, если делать так, как привык Арчибальд, – откровенно и в лоб. Но для охранителя это было нормально, а вот для советника – уже не очень.

Арманиус тоже не был гениальным политиком, но все же он был старше принца, в Совет входил давно и понимал, как нужно правильно взаимодействовать с такими людьми. Там стоило быть змеей, а его высочество, скорее, баран.

Одно дело – наградить никому не нужную девочку орденом Золотого орла, просто статусной медалькой, и совсем другое – пытаться сломать устои, которые складывались веками. Просто прийти и бросить на столы архимагистров этот закон не получится.

Берту давно хотелось встряхнуть этот гадючник. Половина его так называемых коллег по Совету была натуральными бездельниками. Нет, когда-то они пахали, зарабатывая статус и звание, теперь же в основном сидели на дотациях и ничего не делали, аргументируя это тем, что они уже «отмагичили свое».

Арманиус, натура деятельная, такого терпеть не мог. И взгляды свысока, и вечное противостояние между аристократами и нетитулованными архимагистрами изрядно трепали ему нервы во время заседаний в Совете. Взрослые вроде бы люди, а занимаются какой-то ерундой.

Однако если бы не недавняя потеря способностей, Берт не полез бы в эту кутерьму. Во-первых, из-за отношений с Арчибальдом. Во-вторых, ему, как охранителю, было бы не до того. И в-третьих, при всем желании и всех доработках Арманиус не верил в то, что этот закон примут даже после трех чтений и обсуждений.

Но ведь в то, что можно учиться в магическом университете, обладая двумя магоктами дара, Берт тоже когда-то не верил. И в то, что с таким уровнем дара можно пользоваться амулетами, чтобы творить магию. И в то, что энергетический контур восстанавливается после необратимых повреждений.

Сегодня, глядя на эту Эн Рин, Арманиус вдруг захотел поверить в невозможное. Вот ведь – стоит оно перед ним. В коричневом платье, белом врачебном халате сверху, хирургических перчатках и со шприцем в руке. Невозможное, невероятное, но тем не менее...

Так что если будет шанс разворошить гнездо змей в Совете, Берт им воспользуется. Хотя бы ради того, чтобы этой невозможной девчонке не пришлось всю жизнь платить налоги за свою необыкновенную невозможность.

Я весь рабочий день думала о том, что сказал Арманиус. Он был абсолютно прав, я понимала это, как и то, что жизненно необходимо объяснить все Арчибальду. Но зачем это ректору? Ему, как аристократу, должна быть решительно безразлична судьба магов неаристократического происхождения. Хотя архимагистр никогда не высказывался по этому поводу, в отличие

от многих других титулованных магов. Вот Байрон регулярно проходил по чьему-нибудь происхождению, по крайней мере, когда мы учились. Заткнулся только после того, как Рон победил его на магической дуэли.

Я усмехнулась, взбалтывая реактивы и вспоминая эту историю.

Неофициальные дуэли в университете были запрещены, но в случае, если студент считал себя по какой-то причине оскорбленным, он мог вызвать оппонента на дуэль официально, в присутствии свидетелей – студентов и как минимум одного преподавателя. Тогда дуэль устраивалась во внутреннем дворе, в полдень назначенного дня.

Байрон тогда сказал во время обеда: «Ты, Янг, я смотрю, очень любишь картофельное пюре? Женись на Рин, эта деревенщина наверняка сажает картошку лучше, чем владеет магией».

Рон, к моему удивлению, тогда промолчал, только глазами сверкнул – зло, даже бешено. А на следующей паре вызвал Байрона на дуэль в присутствии всего курса. Весь курс через пару дней и собрался на внутреннем дворе. И не только наш – другие студенты тоже захотели посмотреть на дуэль потомственного аристократа и сына сапожника.

Рон Асириуса тогда чуть по стенке не размазал. Я до сих пор счастливо улыбалась, вспоминая, как Байрон летел через весь двор, словно большая неуклюжая птица, а затем сползал по кирпичной кладке административного корпуса, прижимая к кровоточащему носу рукав. Рон потом сказал, что мог бы и убить, но не хотел, чтобы его отчислили из университета.

С тех пор Асириус не трогал ни его, ни меня. Жаль, что этого не случилось раньше, – после той дуэли до выпуска нам оставался всего год...

Я испросила вечерней аудиенции у Арчибальда сразу, как пришла в госпиталь. Мне дозволили, прислали пропуск по почтомагу, и в назначенный час я явилась во дворец.

Я была здесь лишь однажды – в тот день, когда меня награждали орденом Золотого орла. Но тогда я, потрясенная тем, что это происходит со мной, почти ничего не запомнила. Сейчас же все было иначе, поэтому я во все глаза рассматривала то, что окружало его высочество с малых лет.

Еще раз убеждаюсь в том, что мне здесь нет и никогда не будет места, даже если сильно захотеть. Я когда-то захотела стать магом – и я им стала. Но стать принцессой... нет, никогда не захочу.

А вокруг все было бело-золотым, торжественным и возвышенным. Белые ковры на полу, золотые светильники на белых стенах, слуги в белом, и только стража – в красном. Словно кровь на снегу.

Меня вели по широким лестницам двое стражников и человек в белой форме с золотыми пуговицами, который представился личным камердинером его высочества Арчибальда. А я, шагая за ним, пыталась понять, зачем взрослому человеку может понадобиться слуга. Убираться в покоех – понятно, а еще зачем? Одежду чистую приносить? Обувь чистить? Одевать? Какие у него обязанности?

В любом случае это очень скучная работа. И меня непременно ждало бы нечто подобное, если бы не одержимость магией.

– Заходите, айла. – Камердинер распахнул передо мной дверь. Тоже белую, с золотым узором – ветками деревьев, цветами, птицами. Красиво, как в музее. – Его высочество ждет вас.

Мне непроизвольно захотелось расправить свое коричневое платье с белым воротничком, в котором я часто ходила на работу, – оно неожиданно показалось слишком простым, слишком обычным, слишком... грязным. Коричневый резко контрастировал с белым и золотым вокруг меня.

Это был кабинет. Просторное помещение со шкафами из светлого, но не белого, лава Защитнице, дерева, заполненными книгами, огромное окно практически во всю стену, из которого открывался такой величественный вид на заснеженный вечерний город, что мне захотелось охнуть и, открыв рот, словно маленькая девочка, любоваться и любоваться.

– Здравствуйте, Эн, – раздался голос принца откуда-то справа.

Я, на секунду ослепленная видом из окна, не сразу вспомнила, куда и зачем пришла.

Арчибальд стоял возле книжного шкафа, облачиваясь на одну из полок и глядя на меня с легкой улыбкой на губах. Он был в форме охранителей – черном мундире с серебряными пуговицами и медалью с символикой вечного огня на груди – знак, что перед тобой не просто охранитель, а самый главный из них.

– Добрый вечер, ваше высочество. Я по делу.

Он улыбнулся чуть шире.

– Я понял, что не просто так. Давайте сядем. Будете чай?

– Нет, спасибо.

На самом деле чаю хотелось. И не только чаю, поужинать после тяжелого рабочего дня – тоже. Но это все – дома, точнее, в общежитии. Не следует задерживаться здесь дольше, чем это нужно для дела.

Слева от окна, в тени большого шкафа, стоял письменный стол, за который мы и сели. Арчибальд – в мягкое белое кресло, я – в кресло поменьше и золотое, но тоже очень мягкое.

– И все-таки, Эн... – Принц коснулся браслета связи. – Дрэ, будь добр, чаю нам с моей гостьей.

Ну да, конечно, галантность прежде всего.

– О чем вы хотели поговорить?

Я глубоко вздохнула и начала:

– О вашем законе, ваше высочество. Это не совсем мое дело, но...

– Почему же? Он касается и вас в том числе. – Арчибальд резко посерьезнел. – Продолжайте, Эн.

Говорить было сложно. И потому что я все-таки немного смущалась ситуации, и потому что Арманиус сказал о своих непростых отношениях с принцем и я боялась что-нибудь ляпнуть, и потому что я была слишком уж заинтересована в принятии закона – не ради себя, скорее ради Рона, и это мешало моему внутреннему спокойствию.

Но я уже много раз была в подобном положении, поэтому знала, что здесь главное. Не сдаваться.

– Общество, в котором мы живем, ваше высочество, сложилось очень давно. И маловероятно, что архимагистры захотят что-то менять, особенно с учетом того, как хорошо нетитулованные маги пополняют государственную казну. Это просто невыгодно.

– Да, – Арчибальд усмехнулся. – Я говорил с Аренем... с императором. Он сказал, что нынешние устои давно изжили себя и когда-нибудь могут привести к гражданской войне, но менять их – большой риск и катастрофа для казны. Однако он не отказал.

С моей точки зрения, именно так должен звучать отказ императоров, но Арчибальду виднее.

– Я думаю, вам нужно схитрить, ваше высочество. Распишите подробнее условия передачи титула, надавите на слабые места архимагистров...

– Например? – Принц явно заинтересовался.

В этот момент принесли чай. Я подождала, пока камердинер и две служанки расставят все на столе – к чаю еще полагались вазочки с печеньем и конфетами – и уйдут, и только потом продолжила.

Я говорила минут пятнадцать, перебирая все варианты давления на Совет архимагистров – некоторые подсказал мне Арманиус, другие возникли в голове чуть позже, когда я обдумывала встречу с Арчибальдом. Он слушал очень внимательно, забыв про чай.

Я тоже забыла. А когда почувствовала, что в горле пересохло, сделала глоток и с трудом удержалась от стога. Вкус был фантастический. Пожалуй, за возможность пить подобный чай многие девушки будут готовы войти в Геенну. Жаль, что принцу не нужны эти «многие». Ему за каким-то демоном понадобилась именно я.

– Вы абсолютно правы, Эн, – сказал Арчибальд, тоже пригубив чай, а потом потянулся за печеньем. – Я все доработаю. Перенесу Совет на послезавтра, чтобы не пороть горячку, и хорошенько продумаю. Да, кстати. Вы не хотите пойти вместе со мной?

Я в этот момент наслаждалась чаем, но, услышав вопрос, чуть не подавилась. С ним? На Совет архимагистров? Не очень романтическое свидание.

Но прежде чем я ответила, Арчибальд продолжил:

– Советникам будет полезно поглядеть на вас, послушать про ваши заслуги. Понять, насколько наша система изжила себя.

А-а-а, то есть мне нужно поработать живым наглядным пособием. На самом деле идея хорошая, хотя я бы предпочла другую кандидатуру. И, конечно, идти туда вместе с принцем... это уж слишком.

Не знаю даже, как так получилось, но я вдруг выпалила:

– Я приду туда с Арманиусом, ваше высочество.

Принц нервно звякнул чашкой, резко поставив ее на блюде.

– С кем?..

– С Арманиусом. Он пока считается архимагистром, номинально, конечно, но все же. Однако он не сможет попасть на Совет без посторонней помощи. Я приведу его.

Эн, ты точно свихнулась.

Нет, конечно, идти с ректором я никуда не собиралась, уверенная, что у него есть прожатый и без меня. Но мне ведь нужен был повод отказаться! Отличный повод. Потом скажу принцу, что Арманиус нашел замену, а мне было неловко тревожить его высочество. Почти гениально. Главное, чтобы ректор об этом гениальном не узнал.

– Что ж... – Я резко встала из-за стола. Чай допит, все сказано, пора и честь знать. – Я пойду. Доброго вам вечера, ваше высочество.

– Эн... – Арчибальд вскочил следом за мной, да так, что приборы на столе зазвенели. – Вы опять от меня убегаете!

Судьба у меня такая – убегать.

– Простите, но я тороплюсь. – Я пятилась к двери спиной, боясь, что, если повернусь, побегу со всех ног, а это будет невежливо. – Мне надо. Очень.

Арчибальд вдруг засмеялся, качая головой.

– Энни... Ладно. Бегите пока. Я вас не держу.

– Спасибо, – выдохнула я с облегчением и нырнула за дверь.

И только вновь шагая за камердинером к выходу, вспомнила это его «пока». «Бегите пока...» Защитница, наверное, я неправильно себя веду. Но откуда же мне знать, как правильно?! В университете нас не учили отказывать принцам.

Глава 4

Утром Арманиус встретил меня, стоя на лестнице. Еще накануне он ездил в кресле, и, хотя я видела, что прогресс налицо, ходить ему было тяжело. А тут...

– Архимагистр! – Я так обрадовалась, что забыла, с кем разговариваю. – Вы ходите! Как замечательно!

К моему удивлению, он улыбнулся. Чуть-чуть.

– Хожу. Но пока недолго.

– Главное, что ходите. – Я надела тапочки и поспешила наверх, гремя сумкой. – Далеко не всегда мои пациенты начинали ходить с первой же недели лечения. Некоторые до самого конца практически...

Я, заговорившись, споткнулась об очередную ступеньку и полетела вперед, грозя расквасить себе нос, столкнувшись с лестницей. Но вместо того, чтобы стоять и наблюдать за моим бесславным падением, ректор метнулся вперед, схватил меня за руки, приподнял, поставил на ноги и... вдруг со свистом отлетел в сторону, сильно ударившись спиной о перила, и сполз на лестницу с протяжным стоном.

– Защитница! – воскликнула я, чувствуя себя полной идиоткой. Подбежала к нему, наклонилась и заглянула в бледное лицо. – Архимагистр, вы живы?

Он еще раз простонал что-то невнятное, а потом ответил:

– Нет, я сдох. В муках.

Я выдохнула.

– Раз способны шутить, значит, живы. Давайте я помогу вам встать.

Теперь уже я осторожно обхватила Арманиуса под мышками и поставила на ноги. Он слегка покачивался, на лбу выступила испарина.

Плохо. Как бы нам теперь не откатиться назад в прогрессе...

– Демоны... не дойду я до библиотеки.

– Так, держитесь за меня. – Я подошла чуть ближе и прижала ректора к перилам, чтобы не упал. – Я вас донесу, не волнуйтесь.

– Да как ты меня донесешь...

– Обыкновенно.

Придерживая Арманиуса одной рукой, второй я раскрыла сумку и быстро достала оттуда силовой амулет, изготовленный когда-то давно Роном. Я всегда носила его с собой как раз для непредвиденных случаев. Амулет был отличный. Но, мягко говоря, неприятный. Длинная и тонкая игла, которую надо было воткнуть себе под кожу на запястье, оставив снаружи только кончик – бусинку из горного хрусталя, чистейшего проводника силы.

Под ошалевшим взглядом ректора я привычным жестом вонзила иглу под кожу, вздохнула, ощущая, как магия полилась пряником в кровь, и сделала шаг назад, отпуская ректора и одновременно поднимая его в воздух.

Так мы и дошли до библиотеки. Я на своих двоих, а Арманиус плыл по воздуху, словно тучка. Очень удивленная тучка.

Посадив его на диван, я сразу вытащила иглу, засунула ее обратно в сумку, а после достала оттуда платок и обтерла лицо. По нему, как обычно, пот струился уже потоком.

– Вы как себя чувствуете, архимагистр? – поинтересовалась я, закончив обтираться. Голос был хриплым, как всегда бывает после использования амулетов. – Сильно ушиблись? Давайте я спину посмотрю.

– Не надо. – Арманиус кашлянул. – Ты... как ты сама?

– Что значит «не надо»? – Я возмущилась. – Мало ли что у вас там. Я должна посмотреть. Снимайте халат и ложитесь на живот.

К моему полнейшему изумлению, ректор вдруг заявил:

– Не лягу, пока не скажешь, как себя чувствуешь.

– Да нормально я себя чувствую, – пробурчала я растерянно и зачем-то добавила: – Вам-то что?

Я почти сразу пожалела, что сказала это. Взгляд Арманиуса наполнился такой обидой... А потом он молча снял халат, развернулся и лег на диван, не издав больше ни звука. Демоны. И вроде не виновата я ни в чем, а все равно ощущаю себя препаршиво.

Я села рядом, пощупала спину. Ушиб был, но совсем небольшой, за неделю пройдет и восстановлению контура не помешает, слава Защитнице.

– Это... это вас амулет моего друга так напугал. Он просто боялся за меня, поэтому сделал какой-то амулет... – Стало неловко. Амулет-то только от Арманиуса. Не стоит этого говорить. – Я сегодня же сниму.

Ректор молчал.

– И эту иглу тоже он сделал. Он талантливый артефактор. Игла была его экспериментальной работой на последнем курсе, и после выпуска он ее мне подарил. Я с ее помощью могу применять магию, только дается это тяжело, конечно. Но ничего страшного, откат быстро пройдет, через полчаса я буду совсем в норме.

Арманиус по-прежнему молчал.

Я закусила губу.

– Вы извините меня за грубость, архимагистр. Я просто... мм... не подумала, что...

– О чем же ты не подумала? – В голосе было столько ехидства, что мне немедленно захотелось встать и уйти. – Что я тоже человек? Что я могу испугаться? Что я, в конце концов, могу беспокоиться о тебе?

Демоны. Ну не отвечать же «да».

– Ладно. – Ректор вздохнул, передернув плечами. – Не важно. Ты поговорила с Арчибальдом?

– Поговорила.

– Отлично. Я рад. Надеюсь, хотя бы тебя он послушает.

Больше Арманиус не сказал ни слова до самого конца процедур. Стоически вытерпел все уколы, массаж и выпил очень горькое лекарство, даже не поморщившись. А потом я ушла, сопровождаемая мрачным молчанием, ехидной усмешкой и собственными путаными мыслями.

«О чем ты не подумала? Что я тоже человек? Что я могу испугаться? Что я могу беспокоиться о тебе?»

Мне хотелось вернуться и сказать ему: «Нет. Все не так. Я просто настолько привыкла к вашему равнодушию, что мне странно замечать нечто иное». Странно, да. И еще почему-то очень светло и одновременно горько и сладко... До ужаса и дрожи в коленках.

Демонова девчонка. И почему она так к нему относится? Он же не сталкивался с ней раньше. У их курса Арманиус не преподавал, это совершенно точно, – да он вообще редко преподавал, отдавая предпочтение обязанностям охранителя. И нигде с ней не...

Так, стоп. Берт нахмурился. Как это он раньше не подумал?..

Вступительные экзамены. Две магоктавы дара. Никогда и ни при каких условиях девочку с подобным уровнем не приняли бы в университет, если Арманиус сидел в экзаменационной комиссии. А он сидел. Увы, от этих обязанностей ректора невозможно отвертеться. Он мог на время отойти, но все равно его подпись на приказе о зачислении была обязательным условием. Он был пьян? Или что?

Минутой спустя, немного подумав, Берт вызвал по браслету связи Эрту, своего секретаря, и попросил прислать по почтомагу приказ о зачислении в университет Эн Рин.

Подпись там была. Немного нервная, с припиской: «Под личную ответственность Валлиуса!» Хм. Значит, на экзамене он все же присутствовал. Что ж, раз так, лучше задействовать «Мемориум».

«Мемориумом» называлось специальное зелье, при помощи которого дознаватели опрашивали свидетелей, в том числе и охранителей. Для здоровья оно было совершенно безвредно, зато помогало вспомнить то, что забылось, в мельчайших деталях, как будто произошедшее случилось совсем недавно.

У Берта имелось несколько флакончиков на всякий случай в специальной аптечке охранителя. Он сходил за ней, а после выпил глоток горького и не слишком приятного зелья, загадав при этом вспомнить вступительные экзамены Эн Рин. И задохнулся, ощущая, как просветляется память...

Как он мог ее забыть? Мелкая девчонка с двумя косичками и пронзительно-зелеными глазами. Но дело было не только в необыкновенном цвете этих глаз – настоящем, своем цвете, но и в решимости, целеустремленности и демоновом упрямстве, с которым она отстаивала право сдать экзамен вопреки словам ректора.

А он назвал ее недостойной. Надеялся, что она попросту обидится и не станет пытаться сдвинуть гору плечом. И вышел из аудитории, не желая видеть, как ее сейчас опозорят, оставят от наивной детской мечты только прах и пепел.

Берт не верил, что она может сдать экзамен даже по теории. Кроме того, он знал характеры своих коллег и понимал – никто, кроме Валлиуса, не даст ей шанса. Именно поэтому, когда Брайон вечером принес ему приказ, Арманиус был поражен.

– Йон, ты свихнулся?

Главный врач Императорского госпиталя проигнорировал вопрос.

– Зря ты не остался на экзамен, Берт. Девочка очень талантливая. Она не просто вызубрила все, что смогла найти. Она экспериментатор. Показала нам несколько собственноручно разработанных схем заклинаний, а когда Вейла попросила ее придумать что-нибудь интересное из исходных данных, она придумала! Представляешь? Работать со схемами в шестнадцать лет – уму непостижимо!

– Две магоктавы, Йон, – чуть не взвыл Арманиус. – Было бы хоть двадцать! Ну пятнадцать! Но две!

– Знаешь, – усмехнулся Валлиус, – если бы у этой девочки было хоть немного больше дара, она бы горы свернула и научилась вспять реки поворачивать. Так что нам, может, повезло, что у нее всего лишь две магоктавы.

У Берта появилось ощущение, что он разговаривает со стеной.

– Йон... хорошо, допустим, я подпишу. Как она экзамены будет сдавать?

– Это уже ее проблемы, не твои. Я даю своим пациентам рекомендации, как они должны себя вести после выписки из госпиталя, но следить за тем, выполняют ли они их, уже не моя обязанность.

Врачебная железная логика.

– Ладно. Пойми ты, если мы примем эту... Эн Рин, появятся и другие – какие-нибудь Ри Нэн, Ни Рэн и прочие, которые тоже захотят учиться в университете. Этим мы создадим определенный прецедент, понимаешь?

– Ерунда, – отмахнулся Валлиус. – Как повалят, так и отвалят. У нас ты есть в качестве цепного пса. Всех прогонишь. Но ее не принимать, Берт, – преступление. Послушай меня, старика, и поверь моему опыту. Эта девочка войдет в историю. Я чувствую.

Несколько секунд Арманиус молча смотрел на своего университетского наставника, давно ставшего другом, и не мог придумать, что бы такое еще сказать, дабы уговорить. А потом

плюнул и поставил подпись на приказе. Все равно ведь не выдержит, вылетит на первой же сессии. Не может быть иначе. Не может быть. И все тут.

Теперь, вспомнив и экзамены, и этот разговор, Арманиус испытал весьма противоречивые чувства. С одной стороны, он был прав тогда. Вероятность того, что из Эн Рин выйдет толк, была куда меньше обратной, и ректор не видел смысла рисковать. Но прошло десять лет, и история рассудила иначе.

Хотя... какая уж там история. Девчонка эта сама творила свою историю. Сама придумала способ сдавать экзамены по предметам, где требовались магоктавы, сама выдержала травлю, которая наверняка была, и сама поступила в аспирантуру, взяв тему, считавшуюся безнадежной.

Недостойная, значит... Что ж, по крайней мере теперь понятно, почему Эн его недолюбливает. С ее-то гордостью это совсем неудивительно...

После работы мы с Роном встретились в нашей любимой пивнушке. Вообще, в Старой Грааге как в элитном районе было мало мест для того, чтобы посидеть с друзьями и при этом не разориться, но мы, прожив здесь десять лет, знали парочку. Трактир «Свинтус» подходил для этого идеально. Я была любительницей местных пончиков, Рон же обожал пирожки с курицей и грибами, а также мясной рулет, салат «Маг-обжорка» с солеными огурцами и, конечно, пиво. Светлое или темное, сваренное хозяйкой «Свинтуса» Элис Лаагш, оно прекрасно бодрило и почти не пьянило. Конечно, если не перебарщивать.

– Снимай, – потребовала я сразу, как мы сели за столик, и протянула Рону руку, на которую он несколькими днями ранее повязал нитку-амулет. – Твое чудо мне сегодня чуть пациента не угрбило.

– Арманиус к тебе полез? – Светлые кудри Рона от возмущения даже чуть приподнялись.

– Нет. – Я развеселилась. – Он с трудом ходит, какое там лезть. Я просто упала, он поддерживал, помог подняться, и тут его шарахнуло. Что-то ты явно не доработал.

Друг удивился, ощупал запястье и хмыкнул:

– Демоны, я ж забыл поставить константу. Торопился... Хотел на агрессию замкнуть, а в итоге замкнул просто на прикосновения по его инициативе. Пока ты к Арманиусу прикасалась – ничего, а как он... Сильно его шандарахнуло?

– Прилично.

– Прости, Энни.

– Ничего, восстановлению не мешает.

В этот момент подошел подавальщик, мы сделали заказ, а потом Рон поинтересовался:

– И как успехи? Вернешь академии ректора и миру – архимагистра?

– Сомневаешься? – Я притворно обиженно надула губы.

– Ни капли. – Друг шутливо поднял руки. – Единственный человек, в котором я могу сомневаться в этой ситуации, – сам Арманиус.

– Почему?

– Знаешь, – Рон щелкнул пальцем по подставке для салфеток, – посмотрелся я на этих архимагистров за последние годы так, что тошнит. Приходят ко мне частенько, амулеты какие-нибудь заказывают. Магазины им, видишь ли, не подходят, им надо, чтобы амулет был индивидуальный, а не, демоны их раздери, общественный. То, что продается в каждой артефакторской лавке, не для них, им подавай особенное, уникальное. Одному браслет, другому серьгу, третьему кольцо на мизинец левой ноги. И плевать, что свойства такие же, они готовы кучу денег оставить, лишь бы выделиться. А все почему? Потому что большинство этих архимагистров – бездельники. Своего достигли, статус получили, привилегиями пользуются, а делать ничего уже не хотят. Леня.

– Ну Арманиус-то не такой.

– Да демоны его разберут, – пожал плечами Рон. – На публике, может, и другой, а копнешь глубже – а там лень, инфантилизм и нежелание бороться.

– За дар все борются, – возразила я. – Все, вне зависимости от статусов и титулов... На что угодно готовы, лишь бы вернуть магию.

Рон задумчиво кивнул, внимательно глядя на меня.

– А ты, Энни... Ты хотела бы быть сильным магом?

– Как Арманиус? – Я засмеялась.

– Типа того.

– Нет.

– Почему? – Друг явно удивился.

Я вновь засмеялась – настолько забавным он выглядел. Конечно, магу с восьмьюдесятью пятью магоктами сложно понять, как обходиться двумя.

– В таком случае я была бы как все, – ответила, подмигнув Рону и придвигая к себе принесенное светлое пиво с шапкой из белой пены в полкружки.

Мы засиделись допоздна. Пятница, завтра не нужно на работу, если не считать посещение Арманиуса, и мы с Роном вдоволь наболтались. Я рассказала про совместный с Байроном проект, после чего получила кучу предостережений «держаться подальше от этого напыщенного аристократишки» и «не верить старому врагу». Рон, в отличие от меня, совсем не умел прощать.

В общежитие я заявила ближе к часу ночи. Вообще, отбой в одиннадцать, но на аспирантов это правило не распространялось. Как говорил наш комендант: «Большие детки, в люльке можно не качать».

Почему-то было тревожно, даже несмотря на хороший вечер. Я все пыталась понять, в чем дело, перебирала в памяти фразы друга... И наконец поняла.

«Арманиусу повезло, что есть ты, – сказал Рон ближе к концу вечера. – Потеряй он дар лет пять назад...»

Да, безнадежных магов нужно лечить сразу. Повременишь хотя бы месяц – и магия растворится совсем, контур не просто разрушится – он потухнет. Но причина моего беспокойства была не только в этом.

Я – ученый-одиночка. Даже Валлиус толком не в курсе моих разработок. Точнее, он в курсе, но лишь частично, и в случае, если со мной что-нибудь случится... Конечно, с чего вдруг со мной что-нибудь случится? Хотя... У Арманиуса тоже наверняка есть «старые враги», только они, в отличие от Байрона, настоящие.

Поэтому я села за стол, взяла новую тетрадь и принялась писать, выстраивая схему лечения ректора день за днем, процедура за процедурой. Оставляла кое-какие варианты – в чем-то я была не уверена до сих пор, но в целом план лечения зафиксировала.

И, успокоенная, уснула, когда за окном уже светало.

Почему-то Берт совершенно забыл, что ему необходимо лечиться каждый день и Эн должна прийти в субботу. Поэтому, когда раздался звонок в дверь, он чуть не подавился кофе – как раз завтракал, сидя на диване в библиотеке.

Арманиус всегда чувствовал себя гораздо уютнее среди книг, и библиотека была его любимой комнатой в доме. Здесь он и ел, и отдыхал, и работал, и даже спал иногда, когда допоздна засиживался за книгой. Большинство комнат в доме вообще были закрыты за ненужностью. Когда-то давно семья Арманиусов состояла из пяти человек – сам Берт, родители и брат с сестрой, но теперь никого не осталось.

Эн Рин, впорхнувшая в библиотеку, была, как всегда, деловой и собранной. Оглядела стол, на котором стояли остатки завтрака, повела носом, почувствовав запах кофе, и улыбнулась. Улыбка преображала ее лицо, делая его почти детским.

– Это замечательно, архимагистр, что у вас такой хороший аппетит. Как говорит Валиус...

– «Если больной хорошо кушает, значит, это не больной, а выздоравливающий», – хмыкнул Берт. – Да-да, я знаю эту его присказку. Некоторые больные, точнее выздоравливающие, имеют глупость за нее на Йона обижаться.

– Почему же глупость? – Эн положила сумку на край стола, там, где не было тарелок, чайников и чашек, открыла и достала оттуда хирургические перчатки. – Все больные обидчивы. Когда тебе плохо, обостряются все чувства, и люди становятся непохожими на себя.

– А я? Я похож на себя? – поинтересовался Арманиус, почему-то радуясь, что девчонка наконец разговаривает с ним, как нормальный человек.

Эн постучала указательным пальцем по шприцу, выпуская воздух.

– Я слишком плохо вас знаю, чтобы судить. Так, – она повернулась к Берту, держа шприц, – снимайте халат, ложитесь на живот. Сейчас будем делать укол.

– Куда?

– В попу.

– Это хорошо, – пробормотал Арманиус, выполняя знакомые и ставшие привычными за шесть дней лечения действия. – Туда не так больно.

– Это пока, – пообещала Эн, вонзая иглу.

Пару мгновений Берт ничего не чувствовал, а потом лекарство начало растекаться... вместе с ощущением, что его поджаривают на раскаленной сковороде.

– У-у-у.

– Через минуту пройдет. – Девчонка сочувственно похлопала Арманиуса по второй ягодице. – Ничего особенного, просто стимулятор иммунной системы.

– А-а-а... з-зачем? – прохрипел он, пытаясь укунить диванную подушку, но ткань скользила и не давалась. – Его вроде нужно, когда кости сращивают?

– Не только. Но в любом случае, архимагистр, восстановление энергетического контура – это вам не кости, которые за ночь срастаются, а за двое суток новые вырастают. Ваш организм сейчас работает на полную мощность, поэтому вам нужны и стимуляторы, и тонизирующие средства. Организму надо помогать, – заключила Эн. – Все, должно было пройти. Переворачивайтесь.

Берт медленно перевернулся – боль действительно уже затихала, и ужаснулся, увидев в руках девчонки несколько длинных игл.

– Это еще зачем?

– Бойтесь? – Она лукаво усмехнулась.

– Нет.

– А чего тогда спрашиваете? Ясное дело, для вас. Ну-ка, ровненько лежите и не двигайтесь.

Через пять минут Арманиус стал похож на ежика. Иголки торчали отовсюду – из рук, груди, живота, ног... Даже в переносицу Эн ему иголку воткнула.

Но, слава Защитнику, подобная процедура оказалась неболезненной. Только неприятной.

– Все! – выдохнула девчонка, закончив втыкать иголку куда-то рядом с пяткой. – Теперь десять минут лежите и не двигайтесь, что бы я ни делала.

– Звучит угрожающе. А разговаривать?

– Только без фанатизма.

Эн достала какой-то флакончик из сумки, побрызгала Арманиуса его содержимым, а после села рядом и принялась растирать это содержимое по всему телу – словно узоры выводила.

Кожу слегка кололо – не больно, скорее приятно, и то ли дело было в прикосновениях прохладных пальцев, то ли в самом лекарстве, но Берт почувствовал, что начал возбуждаться.

«Этого еще не хватало...»

– Сегодня Совет, – сказал он просто для того, чтобы отвлечь самого себя. – Должен был состояться вчера, но Арчибальд перенес. Надеюсь, закон дорабатывает.

– Он собирался. – Эн кивнула. – А вы туда пойдете?

– Я не могу не пойти. Единственная причина, по которой кто-то из архимагистров может не пойти на Совет, – это смерть, причем собственная. Я, как ты видишь, жив. Значит, обязан быть.

– Туда ведь нужно переноситься.

– Да, я попрошу кого-нибудь из коллег мне помочь. Кстати... – Арманиус глубоко вздохнул, сдерживая очередную волну дрожи, прошедшей по телу. – Тебе самой было бы полезно поприсутствовать. Пусть посмотрят. Можешь даже пару слов сказать. Одно дело – слушать Арчибальда, принца крови, и совсем другое – одну из тех, для кого этот закон разрабатывается.

Эн явно задумалась.

– А меня с вами пустят? Я ведь не архимагистр.

– По протекции одного из советников – пустят. Пойдешь?

Она молчала, только продолжала свой издевательский массаж. Потом опустила голову, чуть покраснела и отвела взгляд.

– Извини, – пробурчал Арманиус.

– Не нужно извиняться. Это нормальная физиологическая реакция. Как раз именно она – показатель успешности процедуры.

– Я счастлив, – съязвил Берт. Ему чуть ли не впервые за последние много лет было неловко.

– Хорошо, – кивнула Эн и вдруг начала выдергивать иглы. – Я пойду. И вы можете никого не просить помочь вам перенестись. Я все сделаю.

– Ты?

Арманиусу было сложно представить, как работать с пространственными координатами, имея всего лишь две магоктавы. Даже с учетом амулетов.

– Я, я. – Она улыбнулась и встала с дивана, выдернув последнюю иглу. – Не волнуйтесь, у меня большой опыт, на скалу я нас не закину. Все, архимагистр. К которому часу мне прийти?

– Совет в семь, так что...

– В шесть. Договорились.

И она, быстро захлопнув свою сумку, почти выбежала из библиотеки, все еще алея щеками.

Нет, Эн, ты просто невозможная дура! Как будто в первый раз, честное слово. За три года сколько ты подобных мужских реакций наблюдала – не счесть, привыкла уже. Ничего особенного, физиология есть физиология. И если у людей начинают работать руки и ноги, то должны начать работать и половые органы. Просто безнадёжные больные, как правило, вообще не замечают, что у них там что-то не работает, – после потери дара не до этого. А потом очень удивляются, смущаются, извиняются и... радуются.

Арманиус не обрадовался, скорее разозлился. А мне захотелось провалиться сквозь пол или убежать. А можно вместе – сначала провалиться, потом убежать.

В растворе, который я использовала в качестве массажного масла, присутствует перечная роза и львиный конопляник – мощнейшие мужские афродизиаки. И то, что архимагистр на них отреагировал, – прекрасно. Прогресс идет полным ходом.

Если бы мне еще не было настолько неловко... Кажется, последний раз я так смущалась, когда лечила Арчибальда. Но он был, по сути, моим первым вылеченным до конца пациентом, с ним все было внове, и мне тогдашней это было простительно. Да и принц отреагировал совсем не так, как Арманиус. Он удивился, а после, посмотрев на мое красное лицо, начал расспрашивать о составе масла, потом еще о чем-то... Я отвлеклась и забыла о смущении. Теперь же, наоборот, не могла забыть, как ни старалась.

Но я забуду. Сейчас приду в общежитие, приму душ, схожу на обед и к шести часам приведу себя в порядок. В конце концов, ничего особенного не случилось. Просто твое отношение, Эн, делает это случившееся особенным.

Я только в общежитии вспомнила, что забыла отдать архимагистру тетрадь со схемой лечения. Ну ничего, вечером отдам, после Совета. Если я там выживу, конечно. Хотя вряд ли это будет сложнее учебы в университете.

День пролетел быстро. Я только и успела, что помыться и пообедать, потом чуть почитала новую статью Валлиуса в «Медицинском глашатае», похихикала над любовным романом – и вот, настала пора вновь собираться к Арманиусу.

На улице была метель, и меня, пока я бежала к дому архимагистра через Дворцовую набережную, чуть не снесло колючим и каким-то злым снегом. Он раздраженно бил в лицо, щипал за щеки и даже залетал за шиворот, остужая шею. И яркий свет фонарей при такой погоде казался зловещим за пеленой снежной бури...

Арманиус уже ждал меня. Стоял в прихожей, опираясь на трость, одетый с иголки, и даже в архимагистерском черном плаще из драконьей кожи. Хотя, наверное, на Совет полагается являться так, и никак иначе.

– Оставь верхнюю одежду здесь, – кивнул мне на шкаф. – Потом заберешь.

Я послушно повесила на вешалку зимнее пальто и, обернувшись, нервно расправила платье под взглядом ректора. Что было в этом взгляде? Я не смогла понять.

– Все нормально? – поинтересовалась с беспокойством. – Я точно нормально одета?

Шерстяное зеленое платье вроде было вполне приличным. Не роскошное, обычное платье, но мы ведь и не на бал идем. Впрочем, кто их, этих архимагистров, знает?

– Нормально. – Арманиус нервно дернул уголком рта. – Ты опять будешь пользоваться этой своей иглой?

– Конечно. – Я требовательно протянула руку. – Давайте координаты.

Ректор промолчал, только достал из кармана плаща бумажку с координатами и отдал ее мне. Я быстро пробежалась взглядом по данным, одновременно с этим вытаскивая из маленькой сумочки через плечо футляр с иглой.

Привычно вонзила артефакт под кожу на запястье, перетерпев пару мгновений боли. Бусина из горного хрусталя засветилась, и я, встав рядом с Арманиусом, начала строить пространственный лифт.

Помню, как преподаватель пространственной магии говорил нам, студентам-пятикурсникам: «Вы можете мечтать о том, чтобы переноситься мгновенно, по велению мысли, но пока это остается лишь мечтой. Перенос самого себя из точки А в точку Б – это сложный математический расчет».

Я всегда любила сложности, и этот предмет был у меня одним из самых обожаемых.

Шесть стен, в том числе вверху и внизу, чтобы закрыть лифт, скрепить их вместе, дабы не развалились при переносе, на каждую нанести координаты точки Б... Проверить все три раза – нет ли ошибок? Протестировать проходимость... Да, путь свободен.

– Возьмите меня за руку, архимагистр, – прохрипела я, сдерживая желание вытереть пот, льющийся по лбу и уже попадающий в глаза.

Арманиус молча выполнил то, что я попросила. Я выдохнула, успокаивая сердце, забившееся быстрее от прикосновения его теплой и сухой ладони, и активировала лифт, вписав в формулу константу перемещения.

Стены резко засветились белым, закрывая обзор. А когда через пять секунд свечение прекратилось, мы уже стояли посреди незнакомой мне комнаты на красно-черном ковре с таким длинным ворсом, что мои ноги моментально утонули в нем, как в снегу.

Лифт истаял, и я выдернула иглу из запястья. Оттуда сразу потекла кровь – так было всегда при работе со сложными заклинаниями, – и я уже полезла в сумку за кровоостанавливающим, когда вдруг услышала:

– Дай-ка...

Арманиус взял меня за руку, прикоснулся пальцами к ране... и закрыл глаза, горько и беспомощно улыбнувшись.

– Демоны! Я же не маг теперь.

Это он хотел меня вылечить?

Я слотнула, не в силах отнять ладонь.

– Все вернется, архимагистр. Обязательно.

Он открыл глаза и посмотрел прямо на меня. И улыбка из горькой стала какой-то другой, кажется, нежной?..

– Конечно, вернется. Мною ведь занимаешься ты.

Защитница! Это был комплимент или мне показалось?!

Берт никогда не видел ничего подобного. Во-первых, благодаря артефакту-игле уровень дара Эн на время стал равен примерно пятидесяти магоктавам. Удержать все это двумя октавами... Архимагистр ужасно боялся, что девчонка не сможет, рухнет рядом с ним или вообще умрет от перенапряжения.

На лбу и висках вздулись синие вены, белки глаз покраснели, по лицу струился пот. Эн напоминала человека, который пытается удержать на плечах гору. И вроде бы это невозможно, но она удержала. Выстроила демонов лифт и активировала его. Выглядела, правда, при этом так, как будто вот-вот скончается.

И пока они неслись в лифте к месту сбора советников, Арманиус пытался представить, каково ей было сдавать экзамены в университете. А ведь там еще и травили наверняка. Нетитулованных всегда травят. А уж ее сам Защитник велел – с двумя-то магоктавами.

Подобное упорство – нет, упрямство, демоново упрямство! – вызывало восхищение, уважение и оторопь. Зачем это все? Неужели оно того стоило? Могла бы выучиться на кого угодно – стать парикмахером, швеей или травницей, варить зелья для облегчения зубной боли. Благо там магия практически не требуется. Эн же добровольно выбрала самый сложный, практически невозможный путь и продолжала упрямо им идти.

Но... демоны его раздери! Арманиус был рад, что она выбрала этот путь. И даже не потому, что иначе он остался бы без дара навсегда. Просто каждый человек, в том числе маг, хочет верить в чудо.

Берт давно не верил в чудеса. До встречи с Эн – не верил. Но как не верить, когда она – живое чудо?

Рассуждать о том, комплимент это был или нет, оказалось некогда – к нам уже спешили. Мужчина в черной форме с золотыми пуговицами, не маг. Какой-то служащий, наверное.

– Архимагистр Арманиус, – уважительный поклон ректору, – а с вами?..

– Моя помощница Эн Рин, – отчеканил архимагистр так, что не осталось сомнений – услышь он хоть слово против моего пребывания здесь, беде не миновать. – Мы пройдем в зал вместе.

Интересно, а если будут возражения, что станет делать Арманиус? Но возражений не последовало. Служащий кивнул и пригласил нас за собой.

Как я поняла, изначально мы попали в зал, куда переносились архимагистры перед Советом. Очень большое помещение круглой формы, залитое светом от сотен магических лампочек – какое расточительство! – парящих под потолком, и ковер с длинным ворсом, и несколько служащих с любезными улыбками.

Зал, куда нас привели, напоминал театральный – кресла в несколько рядов и сцена для выступающих. Только кресла были роскошнее, чем те, которые я видела даже в Императорском театре, а сцена поменьше.

Мест здесь было примерно для двухсот человек. Надо же, как у нас, оказывается, много архимагистров...

– Вот сюда, пожалуйста. – Служащий подвел нас к первому ряду. Мне стало немного неловко – по соседству с Арманиусом сидел Абрахам Адэриус – насколько я знала, именно он считался главой Совета архимагистров.

Неприятный человек. Глаза черные, глубокие, взгляд словно проникает под кожу, седые волосы до лопаток и нос как у хищной птицы. Выражение лица слегка брезгливое, скупающее и очень равнодушно.

Когда-то Абрахам был одним из лучших охранителей и даже трижды получал орден Золотого орла, но эти времена безвозвратно прошли. Теперь он, пожалуй, мог считаться старейшим магом среди охранителей. Интересно, сколько ему? Лет сто пятьдесят, наверное...

– Бертран, – губы Адэриуса искривились в улыбке, больше напоминающей презрительную усмешку, – а я все гадал, придешь ты или нет.

– Я не мог не прийти, Абрахам, – ответил Арманиус, опускаясь в кресло рядом с коллегой. Взглянул на меня. – Садись, Эн.

Я послушно устроилась в соседнем. Адэриус смерил меня примерно таким взглядом, каким смотрят на грязных бездомных псов, и продолжил:

– По правде говоря, я собираюсь в ближайшее время собрать Совет по лишению тебя звания архимагистра...

Я даже открыла рот, чтобы протестовать, но неожиданно почувствовала, как ректор сжал мою руку в своей.

– Повремени с Советом пару месяцев, Абрахам.

– Надеешься выкарабкаться? – Адэриус красноречиво покосился на наши сцепленные руки. – Что ж, я поставлю этот вопрос на голосование. Но не думаю, что задержка имеет смысл. Даже если тебе восстановят контур, как обещает Валлиус, ты должен будешь вновь пройти аттестацию на архимагистра. Но пусть коллеги проголосуют, вдруг мое решение не найдет поддержки?

– Маловероятно, – усмехнулся ректор, не отпуская мою руку.

– Ну вот, ты и сам все понимаешь. А теперь объясни мне как главе Совета, зачем ты притащил сюда эту бездарную?

У меня перед глазами от злости даже чуть потемнело. Стало легче, когда я вспомнила вдруг, что в подобных случаях говорит наставник.

«Зубастый хищник, но зубы-то гнилые. А гнилые зубы проще выбить».

Валлиус был прав, но и Арманиус, вновь сжавший мою ладонь, – тоже. Не мне эти зубы выбивать.

– Устав Совета, раздел второй, пункт четвертый, – сказал ректор, как мне показалось, чуть насмешливо. – Каждый советник имеет право привести с собой одного приглашенного, независимо от его происхождения и рода деятельности.

– Я прекрасно помню устав, – процедил Адэриус, – я спросил зачем.

– А как, по-твоему, я должен был сюда добираться? С переломанным контуром, – усмехнулся Арманиус. – Меня перенесла Эн. Так что это не я ее привел, а она меня.

У старого архимагистра вытянулось лицо.

– Перенесла? Демоны тебя раздери, Берт, это глупая шутка.

– А я и не шучу, Абрахам.

Но сказать что-то еще никто не успел – на «сцене» появился один из архимагистров. Примерно такой же старый, как Адэриус, и с тростью. Стукнул ею несколько раз об пол, и разговоры начали затихать.

– Я прошу тишины, господа и дамы. Сегодня мы будем обсуждать усовершенствование нашей системы законов, предложенное его высочеством Арчибальдом. Закон «О порядке наследования и получения титулов». Ваше высочество, прошу.

Сердце забило сильнее, когда из помещения за «сценой» вышел Арчибальд. Обвел взглядом зал, на секунду задержавшись на мне, чуть улыбнулся и начал говорить:

– Добрый вечер, уважаемые архимагистры...

Его высочество говорил примерно полчаса, и за эти полчаса я успела в полной мере ощутить, что такое «звонящая тишина». Господа маги молчали, словно на похоронах. Внимательно слушали, хмурились, морщили носы, кривили губы, но молчали. Хотя я не особенно вертела головой, стремясь изучить чужие реакции, – больше слушала Арчибальда.

Он доработал закон, и доработал хорошо. Предлагал передавать титул супругам – соответственно браки между аристократией и неаристократией становились возможны, а также за заслуги перед империей: за спасение кого-либо из членов императорской семьи, зарегистрированные научно-магические открытия и за выслугу лет. Все это касалось только магов, и при таком законе далеко не каждый мог получить титул. Нет супруга, спасения или открытия – изволь отработать на родную империю двадцать лет, тогда получишь титул и право не платить налоги. Тоже не совсем справедливо. Но и дерево нельзя срубить одним движением топора. Со временем – возможно...

Думаю, что при таком подходе архимагистры не стали бы сильно артачиться, понимая, насколько необходимо пересматривать застоявшиеся устои. Но Арчибальд решил пойти чуть дальше...

– Кроме того, я предлагаю ввести для аристократии ту же систему налогообложения, что сейчас применяется к неаристократии.

Вот тут зал зароптал.

– Налог на зарегистрированных магически одаренных детей – раз. По достижении совершеннолетия – налог на обучение в высшем учебном заведении или училище при отсутствии у аристократа дара. Среднее образование остается бесплатным, как и магическая медицина.

Архимагистры шумели. Конечно, никому не хотелось платить налоги на собственных детей. За дар, если он в наличии, или за обучение немагической профессии при его отсутствии.

– Прошу прощения, ваше высочество, – Адэриус встал с места и чуть поклонился принцу, – но позвольте узнать, какое отношение подобные поправки имеют к вашему закону о титулах? Это уже совершенно другие правовые акты.

– Самое прямое. В случае принятия моего закона казна остро ощутит нехватку средств. Это способ ее наполнить.

«Дурак», – услышала я сдавленный шепот сидящего рядом Арманиуса. Да, пожалуй, чересчур прямолинейно...

– Получается, нехватку средств планируется восполнять за счет аристократии? – В голосе Адэриуса чувствовалось неодобрение, а в зале уже буквально ревели.

Мне захотелось посильнее вжаться в кресло – среди этих «сильных мира сего» я ощущала себя не очень уютно.

– Ваше высочество!

Как у Арманиуса получилось перекричать этот гул, ума ни приложу. Но он перекричал. Вскочил на ноги – и архимагистерский ропот начал затихать.

– Позвольте мне сказать пару слов по поводу вашего проекта.

Арчибальд нахмурился и зачем-то бросил взгляд на меня. Поджал губы, но все-таки произнес с неохотой:

– Извольте.

Ректор кивнул и повернулся лицом к коллегам. Те уже почти совсем затихли, и по залу периодически проносился лишь недовольный шепот.

– Его высочество во многом прав, мы с вами все это понимаем. И те, кто, как я, вышел из аристократии, и те, кто добился звания архимагистра, не обладая титулом. Конфликт в обществе назревает давно, и чем дольше мы будем откладывать принятие закона, тем хуже потом придется нашим детям.

– У тебя нет детей, Бертран.

Услышав этот комментарий Адэриуса, я захотела стукнуть главу Совета. И, кажется, ректор тоже. Он на секунду прикрыл глаза, а потом ответил с легкой усмешкой:

– Я надеюсь когда-нибудь исправить этот существенный недостаток, Абрахам. Итак, все мы понимаем необходимость принятия закона о титулах. Но я считаю, что в том виде, в котором закон представил его высочество, принимать ничего нельзя.

Арчибальд хмыкнул и сложил руки на груди, явно недовольный, а Арманиус продолжал:

– Это будет катастрофой для всех и вся. В первую очередь для казны. Изменения налогообложения для аристократии я отказываюсь сейчас обсуждать – это отдельная тема, требующая отдельного внимания. Что касается самого закона... Дорогие коллеги, я полагаю, все согласятся с тем, что гораздо эффективнее делать все постепенно. И первый шаг – возможность заключить официальный брак. Многие маги получают титулы в течение следующего же месяца. И дабы компенсировать казне потерю средств, я бы предложил ввести пошлину на регистрацию подобного брака.

Архимагистры в зале хлопали глазами ничуть не хуже меня. Пошлина на регистрацию брака, ну надо же...

– Это несравнимые средства, – заметил Арчибальд. – Пошлина восполнит только одну десятую часть.

– Это верно, ваше высочество. Но и потери не такие уж и большие с учетом маленького шага. Сделаем его – и тогда посмотрим и подумаем, что дальше.

Арчибальд хмурился, по-прежнему держа руки сложенными на груди. Я его понимала. Рассчитывая получить сразу все, он не хотел довольствоваться малым. Но Арманиус был прав.

И мои мысли подтвердил голос, донесшийся откуда-то сверху:

– Вы правы, Бертран. Арчибальд, я поддерживаю инициативу архимагистра Арманиуса. Доработай закон. Обсудим на следующем чтении, скажем... в первый понедельник нового года.

Я никогда не слышала голоса императора, но то, что это говорил именно он, поняла сразу. Оглянувшись и подняла голову – наверху, над креслами архимагистров, находилась ложа его величества. То ли я ее сразу не заметила, то ли она была скрыта магией.

Император Арен сидел там один. Ну, если не считать двоих охранников-архимагов.

– Да, ваше величество, – сказал Арчибальд, склонив голову. И обратился уже к архимагистрам: – Господа и дамы, на сегодня я закончил. До следующей встречи, – обвел глазами зал, вновь задержавшись на мне, и ушел со «сцены».

Я выдохнула. Но, как оказалось, рано...

Глава 5

Как только император и его высочество ушли, на «сцену» поднялся Адэриус. Я почувствовала, что ректор в соседнем кресле напрягся, и тоже напряглась. Собирается обсуждать его архимагистерство?

– Дорогие коллеги, – теперь бывший охранитель говорил громче, но магией не пользовался – акустика в зале была отличная, – предлагаю вынести на голосование следующее. Все мы знаем, что Бертран Арманиус недавно потерял дар. Будет он восстановлен или нет – этот вопрос нас не касается, но в любом случае после потери дара необходимо пройти переаттестацию. Прошу вас проголосовать, будем ли мы обсуждать эту тему на следующем Совете.

Я огляделась – над головами архимагистров загорались огоньки. Зеленый – «за», красный – «против». И зеленых было очевидно больше. От возмущения я чуть не задохнулась и, приняв решение, подалась вперед, привстав с кресла... Но тут же повалилась в него обратно – Арманиус нашел мою руку и сжал ее, не давая встать.

– Что вы?... – прошипела я, вновь предпринимая попытку вскочить. – Я же могу вам помочь!

Архимагистр качнул головой, ничего не говоря.

– Пусть хотя бы месяц подождут! – горячо зашептала я. – Что вы, зачем?

А Адэриус уже вещал на «сцене»:

– Отлично, большинством голосов принято решение об обсуждении ситуации на следующем Совете. Благодарю за внимание, если ни у кого больше нет вопросов, можно расходиться.

У меня были вопросы, но рука Арманиуса по-прежнему красноречиво сжимала мою ладонь. Я скрипела зубами от злости, но пойти наперекор воле ректора не хотела. Я не могу судить об этой ситуации беспристрастно, он знает больше, чем я. И ему лучше знать, повредит мое вмешательство или нет. Так что я промолчала, а потом довела архимагистра до зала перемещений, вонзила в руку иглу и вернула нас в его дом.

Чтобы тут же дать волю чувствам...

Всю обратную дорогу Эн пыхтела, поджимала губы и сопела, как ежик, и Берту было немного смешно. И до ужаса приятно, что она за него беспокоится.

Как только пространственный лифт истаял, Эн повернулась к архимагистру и сказала громким раздраженным голосом:

– Зачем вы брали меня с собой, если не дали высказаться? Ладно, Арчибальду моя помощь не понадобилась, но вам-то! Как вы могли так легко отказаться от звания?!

У Берта появилось странное желание схватить Эн в охапку, обнять и утащить к себе в спальню. Жаль, что за подобные действия он точно как минимум получит по физиономии.

– Я не отказывался. И ты не смогла бы мне помочь. Подумай, Эн. Какая разница, когда примут это решение, – сейчас или через два месяца? Переаттестацию все равно придется проходить.

– Но вас же лишат статуса!

– А зачем он мне нужен?

Она оторопела.

– Как это?

– Вот так. – Берт усмехнулся. – Что дает архимагистерство? Почет и уважение? Они у меня и так есть. Посobie от империи? Ничего, пару-тройку месяцев я проживу без этих денег. Возможность участвовать в заседаниях Совета? Я и так могу туда попасть, напросившись в сопровождающие, и даже высказать свое мнение – никто не будет возражать. Только что проголосовать не смогу, но один голос для Арчибальда не так уж и важен.

– Но...

– Архимагистр – это просто статус, – сказал Арманиус, глядя в зеленые глаза Эн. – Это принцип – если у тебя достаточно магоктав, ты должен попробовать стать архимагистром. Я стал один раз, стану и еще, пройду переаттестацию. Это непринципиально. Гораздо важнее – восстановление контура.

Эн закусила губу, явно размышляя.

– Но почему вы не дали сказать мне даже одно слово в вашу защиту? Вы...

Он почти услышал: «Вы считаете, что я недостойна выступать на Совете архимагистров?»

– В этом просто не было смысла, – проговорил Арманиус как можно мягче. – Кроме того, насколько мне известно, Валлиус старается держать в секрете твои разработки. Слухи ходят, но, если бы мы показали тебя Совету настолько демонстративно, это уже было бы больше, чем слухи. И это опасно. В первую очередь для тебя. А теперь... вытащи, в конце концов, свою дурацкую иглу. Ты же с трудом на ногах стоишь.

Эн вздрогнула, покосилась на запястье и со вздохом вытащила артефакт. Достала из сумочки заживляющий бальзам, помазала им ранку, из которой интенсивно текла кровь.

Девчонка была очень бледной и выглядела нездоровой.

– Оставайся у меня.

– Что? – Она резко вскинула голову, округляя глаза. Берт поморщился.

– Только не надо условностей, мол, это неприлично, я не хочу вас стеснять, мне неудобно. Жеманным аристократкам оставь подобную ерунду. Уже поздно, завтра тебе возвращаться ко мне. У меня полно гостевых комнат, которые никем не заняты и зачарованы на принятие гостей в любой момент. Оставайся.

Она молчала. И Арманиус решил чуть ее подразнить:

– Или ты боишься меня?

Эн словно очнулась. Помотала головой, сбрасывая оцепенение, и ответила:

– Нет, не боюсь. Но у меня нет с собой медицинской сумки. Завтра кое-что оттуда понадобится для вас во время процедуры.

– С утра сбегашь, благо недалеко.

Она переступила с ноги на ногу.

– Я хотела поужинать...

– Кто тебе мешает поужинать у меня? – Берт поднял брови. – Мне каждый день доставляют еду из ресторана «Омаро». По требованию, через пространственный лифт. Закажем что-нибудь и тебе.

– Из «Омаро»? – Девчонка вновь оцетинилась. – Да там же цены!

Арманиус не выдержал – рыкнул:

– Эн, не испытывай мое терпение! Ты у своих гостей тоже деньги берешь за печенье, которое они едят из твоей вазочки? Прекращай! Если остаешься, то пойдем наверх, я твою комнату покажу, сумочку там оставишь, а я пока запрошу сегодняшнее меню. А если нет – дуй отсюда поскорее и не трать мое время на пустые препирательства!

Она молчала секунды три, и Арманиусу показалось – из закушенной губы сейчас кровь пойдет.

Потом вздохнула и, отведя на мгновение взгляд, негромко сказала:

– Ладно, останусь. – И, словно защищаясь, добавила едко, язвительно: – Хоть узнаю, чем в «Омаро» аристократов кормят.

Берт усмехнулся и кивнул на лестницу.

– Отлично. Идем комнату смотреть.

Наверное, я свихнулась. Нет, если бы то же самое предложили мне Рон или Валлиус, – ничего особенного, я бы даже не подумала отказываться. Но ректор...

И тут в памяти всплыли его недавние слова:

«О чем ты не подумала? Что я тоже человек? Что я могу испугаться? Что я могу беспокоиться за тебя?»

Он действительно просто поступил так, как любой хороший человек на его месте. Я сама бы так сделала. И почему именно его поступки я расцениваю как нечто особенное? Хотя глупый вопрос. Мое отношение делает особенными все его поступки.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, затем проследовали по ярко освещенному коридору. Там же, в начале, находилась библиотека, где я уже столько раз бывала. А чуть дальше располагались двери в комнаты.

– Здесь все гостевые, – пробурчал Арманиус. – Я живу в левой половине дома. Если что-то понадобится, вызывай по браслету. Номер дам.

– Вы прям как в казарме...

Он едва заметно улыбнулся.

– Нет, Эн. Поверь мне – совсем не похоже. Да, пожалуй... Вот эта комната тебе подойдет. Смотри.

Ректор коснулся двери, и она распахнулась. Я резко выдохнула.

Подойдет?.. Кому такая комната может не подойти? На полу – синий ковер, теплый и мягкий настолько, что сразу захотелось снять тапочки и пройти по нему босыми ногами. Слева большая двуспальная кровать, застеленная белым покрывалом. Ткань чуть переливалась, словно покрытая инеем. Рядом – тумбочка с лампой из разноцветного стекла и шкаф для одежды из светлого дерева, с зеркалом на одной из дверей и открытой секцией, заполненной книгами. А напротив кровати – трюмо, и тоже из светлого дерева.

Стены были голубыми, а шторы на большом и широком окне – персиковыми. Красота!

– Спасибо, архимагистр. Мне здесь очень нравится.

Он кивнул, задумчиво осматриваясь.

– Я здесь уже лет пять не был. Действительно красиво. Эту комнату обставляла моя младшая сестра Агата, размещала в ней своих гостей.

Я нахмурилась. Агата Арманиус... Я что-то слышала о ней.

– Не напрягай память, Эн. Агата не успела стать значимой для магической науки. Она была просто молодой девушкой, невестой наследного принца, а ныне – императора Арена. Даже университет не успела окончить.

И тут я вспомнила.

– Точно. Покушение на наследника. Я тогда была на первом курсе. А потом мы проходили это по истории...

– Все верно. Хотели убить Арена, а убили Агату. Ладно, располагайся, а я пока меню закажу.

Ректор развернулся и зашагал к двери. Но остановился на пороге, кинул мимолетный взгляд на картину, что висела над трюмо, и негромко сказал:

– Это, кстати, она нарисовала.

На картине был вид на императорский замок со стороны Дворцовой набережной. Лед, сковавший реку, искрящийся снег и небо – светло-голубое, с перышками облаков.

Я плохо помню тот день, когда погибла Агата Арманиус. Я что-то сдавала... какую-то семестровую работу... И слухи о том, что случилось, дошли до меня только вечером. Мне было жаль и ректора, и его сестру, но совсем некогда оказалось об этом думать – я изо всех сил старалась сделать так, чтобы меня не отчислили.

А вот несколько лет спустя, на семинаре по истории Альганны, время подумать у меня уже появилось. Случившееся было крайне странным, тем более что заговорщиков так и не нашли. Но ведь у них не получилось убить наследника. Почему же они остановились, не

достигнув цели? Агата Арманиус была всего лишь юной девушкой, студенткой университета, и поиски злоумышленников должны были продолжаться. Но не продолжились.

Я, положив сумку на кровать, подошла к окну и выглянула на улицу. Все замело снегом; он продолжал падать с неба, кружась в свете фонарей, и, кроме него, ничего не было видно. Ни другой стороны набережной, ни даже реки. Темнота, снег, фонари как пятна света во мраке – и все.

Я вновь задернула шторы. Надо сходить в библиотеку, отдать Арманиусу план его лечения. И, конечно, поесть.

Я не сомневалась, что ректор, пока я предавалась собственным мыслям, находится в библиотеке. И точно – он сидел на диване, за шесть дней лечения уже изрядно набившем мне оскмину, и листал толстую папку в кожаном переплете. Видимо, меню.

Поднял голову и кивнул мне на кресло, стоявшее рядом с диваном.

– Садись. На столике второе меню лежит, смотри, выбирай.

Но прежде чем сесть, я протянула Арманиусу захваченную из комнаты тетрадку.

– Вот. Пусть будет у вас.

– Что это? – уточнил ректор, но тетрадку тем не менее взял.

– План лечения. – Я опустила в кресло и продолжила: – Мало ли, что может случиться. Если что, вы сами завершите свое лечение.

Несколько секунд Арманиус молчал.

– Хотя мне и не нравятся подобные мысли, – сказал в конце концов он, – но думаешь ты в верном направлении. Тетрадь защищена магически?

– Да, я поставила пароль. Самый простой – ваше имя. И еще – возвратное заклинание, направленное на ваш дом. Если украдут, тетрадь сюда быстренько вернется. Только нужно активировать, назвав пароль в первый раз.

Арманиус прошептал «Бертран», дотрагиваясь до обложки, зажмурился от слепящего света активации, а затем вновь поднял глаза на меня.

– Ты сама-то какую-нибудь защиту носишь?

Я усмехнулась.

– Архимагистр, постоянно я могу носить только элементарные амулеты, самые простые. Остальное слишком давит на грудь. У меня есть один амулет, но он, конечно, очень слабый, сами понимаете.

– Ясно. – Ректор вновь уставился в меню. – Охранник тебе нужен. Странно, что Арчибалд до сих пор не приставил никого из своих.

Я напряглась. Видимо, Арманиус по-прежнему считает меня любовницей принца. И что делать? Разубеждать или нет? Нет, не буду. В конце концов, что я могу сказать в свое оправдание так, чтобы ректор поверил? Да и почему я должна оправдываться?!

Поэтому я, глубоко вздохнув, молча открыла меню. Глаза сразу заслезились. Защитница, это что же, цены такие?! Ужас. Я сейчас в обморок упаду. Сразу вспомнился Валлиус с его любимым: «Лучшее средство от обморока – нашатырь. Ничего эффективнее этой вонючей гадости ни один маг еще не придумал».

Где там мой нашатырь...

– Выбрала?

– Давайте-ка вы сами, архимагистр, – ответила я твердо и положила меню обратно на журнальный столик. – Иначе я просто не смогу это есть.

– А Арчибалд не водил тебя в «Омаро»? – И хмурый взгляд поверх меню.

Страшно захотелось ответить какую-нибудь гадость типа: «Нет, только в столовую Императорского госпиталя». Но я сдержалась, просто пробурчав:

– Не водил.

– Ладно, тогда выберу сам. Ты рыбу ешь?

Я иронично улыбнулась.

– Архимагистр, я выросла в сиротском приюте. Я ем все.

Он кивнул и начал связываться с рестораном по браслету связи.

Аппетит у Арманиуса оказался более чем отличный. Причем он явно счел, что у меня такой же. Два салата, которые хотелось не есть, а зарисовывать, такие они были красивые, два горячих блюда, два десерта, бутылка вина и здоровенный чайник с чаем.

– А зачем вино? Вам же нельзя алкоголь.

Ректор хмуро посмотрел на меня поверх доставленной бутылки.

– Если очень хочется, то можно.

– Нет, нельзя, – отрезала я, встала с кресла и унесла бутылку прочь со стола, примостив на подоконнике. – И вообще нельзя, а уж в присутствии вашего лечащего врача – тем более.

Арманиус вздохнул так горько, что я невольно улыбнулась, опускаясь обратно в кресло.

– А что мне можно?

– Чай можно. – Я кивнула на чайник. – Тем более что вы его заказали на целый отряд охранителей.

– Ладно. – Ректор сдался. – Вот восстановится контур, отыграюсь...

Я решила не уточнять: на мне или на бутылках. Взяла салат, попробовала...

К моему удивлению, на вид оказалось вкуснее, чем, собственно, на вкус. Да, очень неплохо, но ничего особенного, более того – наш госпитальный бесплатный овощной салат точно вкуснее.

Опять вспомнился Валлиус, и я пробурчала:

– Не в ценах счастье...

– Не нравится? – Арманиус, начав жевать, чуть оживился. – Это у них там новинка, что-то от шеф-повара. Решил попробовать. Надо было взять обычного «Мага-обжорку».

Я чуть не поперхнулась.

– А в «Омаро» есть «Маг-обжорка»?

– Естественно, это же самый популярный салат в Альганне. В Грааге его подают во всех ресторанах. По крайней мере, так мне говорил один коллега-охранитель с севера. Вычитал в путеводителе. Ты говорила, что родилась на севере?

Я кивнула. А ректор явно решил продолжать расспросы:

– И семья погибла из-за демонов Геенны?

Вот это уже опасная тема. Хотя вряд ли он вспомнит. За прошедшие с момента нашей первой встречи восемнадцать лет Арманиус спас слишком много детей.

– А как они выглядели?

– Демоны-то? – Надо срочно менять тему. – Я плохо помню, архимагистр, простите. Меня больше интересует вопрос, что такое Геенна вообще. Вот вы как охранитель можете мне на него ответить?

– Начнешь изучать и искать способ ее уничтожить? – Ректор улыбнулся, но совсем не насмешливо, и прозвучало это необходимо.

– Обязательно. Как только покончу с темой восстановления энергетических контуров.

Арманиус хмыкнул.

– В таком случае Геенне несдобровать.

Это опять комплимент или мне кажется?

– Ты же наверняка помнишь самую распространенную версию. Геенна – портал в другой мир, точнее, в другие миры. А огонь, ее наполняющий, – это пламя Защитника, которым он окружил этот портал, чтобы защитить наш мир от демонов.

Да, я помнила эту легенду, составляющую часть веры. Именно на ней, если не учитывать кровную магию, и держалась власть императора Арена.

Королевская семья, носившая фамилию Альго, считалась потомками Защитника. Конечно, никаких доказательств этому не было, по крайней мере прямых. И периодически кто-нибудь из аристократии начинал мечтать сместить династию, но натывался на одно непреодолимое препятствие – магию крови.

Это, кстати, была университетская тайная мечта Рона – создать артефакт, который смог бы переломить древнюю магию. Но, кроме меня, он об этой мечте никому не рассказывал, опасаясь, что за подобные мысли его могут навечно упрятать в тюрьму.

Я же никогда не осуждала друга. Он был ученым, таким же, как я, а любой ученый всегда мечтает совершить переворот в науке. И древняя кровная магия, загадку которой до сих пор так никто и не разгадал наряду с загадкой Геенны, – неплохой вызов.

– Не знаю насчет божественного пламени, – продолжал ректор, – но насчет портала я практически уверен. Демоны слишком отличаются друг от друга, чтобы быть существами из одного мира. И нам колоссально повезло, что Геенна не увеличивает свою активность и не расширяется, границы ее неизменны. Считается, что это влияние пламени, но...

– Точно утверждать никто не может. – Я кивнула. – Интересно, что будет, если войти в Геенну? Никто же не пробовал?

К моему удивлению, Арманиус засмеялся.

– Эн, неужели ты думаешь, что за сотни лет существования Геенны еще ни один маг не попробовал туда войти? Конечно, были такие люди. Трое, если быть точным.

– Да-а-а? – Я аж подпрыгнула в кресле. – И что с ними случилось?

– Я не могу рассказать. – Ректор развел руками. – На всех охранителях стоит печать молчания по приказу императора. И возможность заходить в Геенну тоже запечатана.

Надо будет спросить у Рона, существует ли артефакт, который может взломать эту дурацкую печать молчания. Вот же демоны! Теперь всю ночь буду об этом думать...

До десерта я не дожила. Точнее, не доела. Привыкнув к полуголодному госпитальному режиму, я с трудом съела салат и горячее. Да и время было уже позднее, поэтому я, извинившись, допила чай, который оказался ничуть не хуже чая его высочества, и отправилась в свою гостевую комнату, по пути размышляя о том, как это удивительно, что я, Эн Рин, целый час ужинала с архимагистром Бертраном Арманиусом, и мы нормально разговаривали друг с другом. Даже хорошо разговаривали.

А ближе к концу вечера ректор спросил:

– Как ты додумалась до этого способа сдавать экзамены? С помощью амулетов?

Я ответила не сразу. Некоторое время сидела и думала, что же сказать, чтобы он понял... По-настоящему понял. Так, как всегда понимали Валлиус и Рон.

– Я придумала это еще до начала учебы в университете. Мне ведь говорили, что у меня нет шансов учиться там, архимагистр. И я искала этот шанс повсюду. Я осознавала, что мне нужно будет временно увеличивать силу и необходимо научиться управлять амулетами, которые это делают. Я тренировалась. Сначала – на совсем слабых амулетах, потом – на более сильных. Это было непросто, поначалу я постоянно теряла сознание или кровь начинала из носа хлестать, а уж эти проблемы с дыханием... Я несколько лет тренировалась, архимагистр.

Арманиус слушал очень внимательно, даже забыл про десерт.

– Постепенно начало получаться. И время, что я могла носить на себе амулет силы, все увеличивалось. Но, естественно, не до бесконечности. Сейчас я могу носить свою иглу не дольше часа, потом отключаюсь. Когда училась, не выдерживала дольше двадцати минут. Но этого хватало, чтобы сдать даже самый сложный экзамен.

Я замолчала и уже собиралась встать и пойти к себе, когда ректор спросил:

– Но зачем?

Почему-то стало смешно, и я улыбнулась.

– Архимагистр, а зачем вы пошли в охранители?

– Я не мог иначе. Но это... другое.

– Почему же? Я тоже не могла иначе. Магическая медицина в частности и магия в целом – моя жизнь.

Мне показалось, он все-таки понял. Понял, что можно выбрать войну ради мира в собственной душе.

И даже пошутил:

– Валлиус был прав, когда говорил мне, как нам повезло, что у тебя всего лишь две магоктавы. А то бы ты нашла способ уничтожить Геенну, и я остался бы без работы.

Защитница, как же это оказалось приятно услышать...

– Да, Валлиус говорил мне примерно то же самое... Только при этом называл упрямой ослицей.

– Это в его стиле. Меня он когда-то называл... хм... бебе. Бесшабашный баран.

Как же я смеялась!

Но теперь, возвращаясь в гостевую комнату, я вспоминала, что так и не сказала ректору всю правду о том, как называл меня Брайон. Постеснялась.

«Упрямая ослица с добрым огненным сердцем».

Так он сказал, когда я, рыдая от счастья, ворвалась к нему в кабинет, чтобы поведать, как в первый раз вспыхнул разрушенный контур Арчибальда. Это ведь значило, что у меня получается, действительно получается, и он не зря в меня верил.

Это так важно – когда в тебя верят. Мне кажется, если бы я не встретила на вступительном экзамене Валлиуса, ничего из того, о чем я мечтала, так бы и не сбылось. Но мне всегда болезненно не хотелось его разочаровывать.

Его – и Арманиуса. Хотя он тогдашний о моем существовании даже не подозревал. Не знал, как много экзаменов по боевой и охранительной магии я сдавала, думая о нем. И никогда не узнает.

С одной стороны, улыбка никак не хотела сползать с лица Берта, а с другой...

Быть прекрасным магом с девяноста пятью магоктавами дара просто. А с двумя? Как Эн не умерла? Но она сама загнала себя в ловушку. С ее талантами и при отсутствии дара охрана нужна обязательно. Если кто-нибудь решит, что незачем потерявшим дар магам его возвращать, и нападет, воткнуть иглу в руку Эн просто не успеет. В такой ситуации счет идет на секунды.

Впрочем, Берт не исключал, что Арчибальд умнее, чем он о нем думает. Но проверить все-таки стоило. И Арманиус, больше не колеблясь, набрал на браслете связи номер его высочества.

Проекция Арчибальда вид имела крайне недовольный, даже злой.

– Добрый вечер, ваше высочество, – поздоровался Берт как можно вежливее, подавив желание торжествующе улыбнуться. Глупое, иррациональное желание... Потому что ему на самом деле совершенно нечем было гордиться.

– Добрый. По какому вопросу? – спросил Арчибальд настолько ледяным голосом, что Арманиусу стало понятно – в мыслях ему сейчас явно желают гореть в пламени Геенны.

– Я хочу узнать насчет Эн. У нее есть охрана?

Взгляд принца стал по-настоящему свирепым.

– С какого демона я должен перед тобой отчитываться?

– Ваше высочество... – А вот теперь захотелось ударить по столу кулаком. – Простите меня за дерзость, но мне не нужен отчет. Я просто хочу узнать, достаточно ли охраняется человек, от которого зависит мой дар.

Арчибальд скрипнул зубами.

– Именно поэтому Эн до сих пор так и не покинула твой дом, Берт?

Вот оно что. Значит, все-таки за девочкой как минимум следят.

Облегчение было настолько сильным, что Арманиус даже не заметил, как протянул с давно клокотавшей в груди ехидцей:

– Ревнуете?

Арчибальд молчал, только ноздри его раздувались, как у быка.

– Не волнуйтесь, я не сделаю ничего против ее желания, – продолжал говорить Арманиус, сам толком не понимая, зачем провоцирует принца.

– Иди ты к демонам, Берт! – процедил его высочество голосом, в котором не было ничего, кроме бешенства. – Тронешь ее – я тебя по стене размажу.

Арманиус улыбнулся, почему-то чувствуя себя преотлично.

– Под словом «тронешь» ты понимаешь...

Но Арчибальд не дослушал – с треском прервал связь.

А Берт, по-прежнему улыбаясь, встал с дивана и подошел к окну. Метель почти закончилась, на улице давно стемнело, и только фонари горели ярко, освещая белый снег. Где-то там, в этой темноте, находились соглядатаи его высочества... Демонски ревнивого его высочества.

– Кому что, – пробормотал Арманиус, задергивая шторы и отходя от окна. – Он ревнует, а ты завидуешь. И еще неизвестно, что хуже.

На самом деле Берт прекрасно понимал – завидовать все-таки хуже.

Глава 6

Утром Арманиус с трудом встал. И ведь накануне казалось, что он почти совсем не устал, – подумаешь, сходил на Совет, – а выяснилось, что очень даже. Попили крови старые стервятники, попили...

Умывшись, одевшись и заказав в «Омаро» завтрак, Берт направился в библиотеку. Эн там не было; зато на журнальном столике лежала короткая записка.

«Доброе утро, архимагистр! Я ушла за сумкой».

– Позавтракала бы сначала, – пробурчал Арманиус, вглядываясь в почерк Эн. Чем-то он напомнил ему почерк Валлиуса – такой же кривовато-угловатый, каким всегда бывает почерк у людей, которые больше думают, о чем пишут, а не о том как.

Кофе, присланный из ресторана, был прекрасен, как и всегда, но Берт толком не ощущал ни вкуса, ни аромата. Ему было досадно, что Эн убежала, не поев. Неугомонная девчонка, совершенно не жалеющая себя...

Она вернулась, когда Арманиус уже почти все доел. Оставалось только немного кофе и одна большая слойка с ягодной начинкой.

– Доброе утро. – Эн широко улыбнулась. Щеки ее были красными с мороза, глаза блестели, и Берт вдруг подумал: а только ли за сумкой она бегала? – Как вы себя сегодня чувствуете, архимагистр?

– Прекрати ты меня так называть, – пробурчал Арманиус, и улыбка с лица Эн сразу пропала. – Издевательство какое-то... Будешь завтракать?

– После процедуры, возможно, – сказала она, подходя к столу, и поставила на него свою неизменную сумку. Открыла и принялась надевать перчатки. – Вы тем не менее по-прежнему архимагистр. Так же, как и ректор. Метка ведь на месте?

– Да. – Берт покосился на запястье левой руки, где рядом с браслетом связи чернела метка. – К сожалению.

– Вам настолько не нравится быть ректором? – спросила Эн и достала большой шприц, наполненный темно-фиолетовой жидкостью. Сняла колпачок и стала медленно выпускать воздух.

– Из меня ректор примерно как из тебя был бы боевой маг. – Арманиус поморщился. – Сама знаешь, церемония не спрашивает, кого выбрать, ей подавай сильнейшего, а я на тот момент и был сильнейшим. Если бы не стал архимагистром за неделю до этого, титул ректора получил бы Велмар Агрирус.

Эн задумчиво кивнула.

– Это вероятнее всего, архимагистр. Но все же никто не может гарантировать...

– В данном случае никаких сомнений, – махнул рукой Берт. – Ладно. Что там у тебя опять? Каким местом поворачиваться?

Девчонка закусила губу. Она впервые выглядела неуверенной, и это пугало.

– Снимите рубашку. И ложитесь на диван лицом ко мне.

– Не нравится мне это... – вздохнул Арманиус, но подчинился, как обычно. Лег и посмотрел на мрачную Эн. – Я хоть жив останусь? – пошутил и удивился, когда она совершенно серьезно ответила:

– Демона два я дам вам умереть, – и, размахнувшись, всадила шприц куда-то в районе сердца.

Нет... не в районе. Она, Геенна ее пожри, иглу прямиком в сердце воткнула!

– Ты-ы-ы... – прохрипел Берт, задыхаясь от боли в груди и невозможности сделать вдох. Все вокруг расплывалось, и только лицо Эн, белое, с испариной на лбу, плотно сжатыми губами

и отчаянной зеленью глаз, было видно четко, словно оно относилось к какому-то другому миру. Миру, в котором Арманиус не умирал сейчас от иглы в сердце.

– Давайте, Бертран, – тихо проговорила Эн и, выдернув шприц, положила ладонь на место укола. Удивительно, но кровь оттуда не лилась. – Это риск, но он окупится, Защитницей клянусь...

Риск? Окупится? Демоны, о чем она? Он же умирает!

– Давайте, давайте... Вот, вот, вот! Вот!

Берт глубоко вздохнул, ощущая, как отпускает боль и сердце вновь начинает биться, разгоняя кровь по телу. А потом он ощутил и кое-что другое...

Контур. Тот самый, сломанный. Он по-прежнему был поврежден, но теперь ощущался тонкой ниточкой, тончайшей нитью, обвившей тело. И он был! Был! И не просто вспыхнул на секунду – он продолжал гореть ровным белым пламенем, как и положено энергетическому магическому контуру.

– Защитник...

– Да-а-а! – завизжала Эн, вскочив с дивана и запрыгав по библиотеке, как маленькая девочка. – Есть, есть, есть! О Защитница, как я рада! Как же я рада! Да-а-а!

Берт никогда не слышал столько счастья и восторга в чьем-то голосе.

А еще... раньше он никогда не плакал. Но теперь его лицо почему-то было влажным, и перед глазами все расплывалось, и хотелось тоже завизжать, как Эн, но сил не хватало. Он мог только лежать и улыбаться, глядя на то, как девчонка, спасшая ему гораздо больше, чем жизнь, прыгает по библиотеке.

Накануне я полночи не могла уснуть, все думала, как сделать так, чтобы Арманиуса все-таки не лишили звания архимагистра. И в итоге решила рискнуть. Процедура, которой я его подвергла, называлась «катализация» и должна была применяться только через две недели. В плане я так и зафиксировала. Но, взвесив все «за» и «против», поняла, что лучше попробовать провести ее сейчас. На случай, если ректор не справится, у меня был антидот, лежал в сумке наготове. При этом мы бы здорово откатились в прогрессе. И слава Защитнице, что контур все-таки вспыхнул!

Смерть мага всегда провоцирует вспышку магии – этот факт стал известен мне еще в самом начале изучения магической медицины. Именно поэтому при несущественных повреждениях работает эффект самолечения или, как пишут в учебниках, регенерации. Поцарапался, магия активировалась – и через полчаса на месте царапины розовая черточка.

А когда маг умирает, его пытаются вылечить собственный организм. Магия вспыхивает, и, если организм не справляется, она перегорает, ломая контур.

Да, у Арманиуса контур уже был сломан. Но в этом и суть. Клиническая смерть заставила его контур активироваться, а силовой раствор, который я ввела прямо в сердце, – засветиться. Ректор вылечил сам себя, сердце вновь забилося, дыхание восстановилось, но главное – контур не исчезал!

Защитница, как же я радовалась!

– Теперь вас не смогут лишить звания архимагистра! – воскликнула я, закончив кружить по библиотеке бешеной юлой. – Через неделю вы покажетесь Совету, к тому времени контур еще чуть восстановится, и вы даже сможете пользоваться магией!

Арманиус улыбался, но грудь вздымалась тяжело, с трудом. Да, катализация далась ему нелегко...

– Эн... – прохрипел он, кашлянул и поморщился явно от боли. – Они лишат меня звания в любом случае, даже если через неделю я вновь буду обладать безукоризненным энергетическим контуром. Это вопрос принципа. Да и переаттестацию...

– Переаттестацию можно пройти и без лишения звания! – сказала я зло. – Как у врачей! Нас не лишают квалификации, мы лишь подтверждаем ее каждые три года!

Он вновь улыбнулся, чем рассердил меня еще больше.

– Неужели вы не хотите побороться? Просто сдадитесь – и все?! Позвольте им унижить вас? Я не понимаю! – Голос начал дрожать от упрямства и обиды. – Почему вы плывете по течению и не сопротивляетесь? Для них это вопрос принципа – а для вас?!

Арманиус молчал, внимательно глядя на меня. Улыбаться он перестал – просто молчал, и темные глаза его задумчиво блеснули.

– Почему это так важно для тебя, Эн? Это ведь не имеет отношения к твоей работе.

Я оцетинилась. И, наверное, именно от растерянности и страха выдать себя выпалила:

– Я просто не понимаю, как можно быть такой размазней!

Сама испугалась сказанного. Замолчала, закусив губу, наблюдая за тем, как Арманиус мрачнеет все сильнее и сильнее.

А потом он сказал совершенно ледяным и безликим голосом:

– Если процедуры на сегодня окончены, ты можешь идти.

Слезы подступили к глазам, и я чуть не всхлипнула. Защитница! Что же я... Зачем?..

– Я...

– Иди, – уронил он тяжело, словно камень.

Я подскочила к своей сумке и, захлопывая ее, язвительно процедила, не зная, на кого больше злюсь – на Арманиуса или на себя:

– Спасибо за разрешение, архимагистр!

Он не ответил, и через несколько секунд я выскочила из библиотеки.

Как это может быть? Всего пару минут назад я была очень счастлива, и вот теперь невероятно зла и растерянна.

В сущности, Арманиус прав – его архимагистерство не мое дело. Но, Защитница, разве можно быть равнодушной к судьбе того, кого любишь?!

Когда его последний раз называли размазней? Пожалуй что никогда. Берт всегда боролся, да и не бывает иначе у охранителей. Либо ты, либо тебя. А тут вдруг «размазня».

Он же объяснил еще вчера, что это не важно, не принципиально, лучше сосредоточиться на другом. В конце концов, какая разница, лишат его звания или нет? Он все равно со временем пройдет переаттестацию и получит все обратно. А старые стервятники потешатся и потешат свое самолюбие.

Какая разница? Видимо, для девочки с двумя магоктавами дара, всю жизнь доказывающей себе и другим, что она достойна, разница есть. Арманиусу лишение или нелишение звания ничего не даст – он никогда не был тщеславен, а вот Эн будет обидно. За него.

Берт поморщился и покачал головой.

«Ладно, девочка... Ты выиграла. Не отдам я свое звание».

И только он так подумал, как завибрировал браслет связи на запястье. Сердце слабо трепыхнулось, кольнуло – может, Эн?.. Глупости. Конечно, это не могла быть Эн.

– Здравствуй, Велмар.

Проректор радостно улыбался, разглядывая Арманиуса.

– О-о-о, Берт, я смотрю, ты... хотя нет, бледноват.

Будешь тут бледным, когда тебя чуть не убили. Конечно, это такое лечение, но он ведь от него чуть концы не отдал.

– Это освещение, Велмар.

– Ну да, ну да. – Агрирус хмыкнул. – А синяки под глазами – это, наверное, тени от ресниц?

– Именно.

– Слушай, Берг, – проректор посерьезнел, – я понимаю, тебе не до этого, но совет университета бузит уже третьи сутки. Хотят, чтобы ты явился и показал метку. Им интересно, в каком она состоянии.

– Не сомневаюсь. Что ж, в таком случае собери их завтра, лучше вечером, утром у меня процедуры. Я все покажу, заодно и решим насчет церемонии.

– Хорошо. – Велмар поколебался, но все же осторожно спросил: – Тебя надо перенести?

Арманиус вспомнил Эн и грустно улыбнулся – нет, просить ее о помощи он больше не станет. Во-первых, нечего ей делать на университетском совете, а во-вторых, не после сегодняшней ссоры. Если она начнет упрекать его в том, что он и должности ректора хочет лишиться... Нет уж. Сам разберется.

– Да, транспортируй меня завтра туда.

Агриус кивнул, явно испытывая неловкость от того, что ему приходится быть связующим между Бертом и магами университетского совета.

– Договорились.

Весь день я была сама не своя из-за этой ссоры с Арманиусом. Толком ничего не могла делать, все валилось из рук. В итоге после обеда связалась с Роном и пригласила его в «Свинтус».

– Это наш ректор тебя допек? – был его первый вопрос, когда мы ближе к вечеру вошли в пивнушку и сделали заказ.

Рассказывать о случившемся было как-то неловко, поэтому я просто вздохнула.

– Ага.

– Ничего, Энни, – друг сочувственно погладил меня по плечу, – еще несколько месяцев – и ты сможешь забыть о его существовании.

– Недель. Несколько недель.

Рон удивленно поднял брови.

– Ты серьезно? Силен Арманиус, силен... И сколько времени ему еще понадобится, как думаешь?

– Недели две, максимум – три.

– Однако! – Рон развеселился. – Вот это будет пинок под зад всем аристократам из университетского совета, которые рассчитывают на смещение Арманиуса.

– Мечтают увидеть в кресле ректора Велмара Агриуса? – Я понимающе улыбнулась.

Разговоры о том, что из Арманиуса ректор примерно как из меня охранитель, я слышала с самого первого курса, и доля истины в них была. Большая доля. Впрочем, винить в этом Арманиуса, на мой взгляд, было глупо.

Слабое место закона Арчибалда и в целом неаристократии – в полнейшем отсутствии у нетитулованных магов родовой кровной магии. Магии необъяснимой и древней, как сама жизнь, магии, на которой держится и императорская власть, и многое другое.

Маги-аристократы, рожденные в браке, получают от своего отца какую-либо особенную способность. Это романтично называют «благословением Отца-Защитника» или проще – кровной магией.

Члены императорской семьи, носящие фамилию Альго, могут входить в огонь независимо от их уровня дара (из обычных магов на это способны только архимагистры) и ощущают эмоции других людей. Причем от эмпатии семьи Альго нельзя защититься никаким амулетом.

В роду Брайона Валлиуса умеют усыплять взглядом – именно поэтому все Валлиусы на всякий случай носят очки, блокирующие действие родовой магии. Асириусы, в том числе наш с Роном однокурсник Байрон, способны внушать простейшие ненавязчивые мысли. Подобные мысли не приводят к катастрофам, но могут сыграть очень важную и смешную роль, например, в травле девочки со слабым уровнем дара. В университете Байрон пользовался этой способно-

стью на первом курсе до тех пор, пока преподаватели не просекли и лично Велмар Агрирус не запретил ему это под угрозой отчисления.

А у Арманиусов, Агрирусов и Альтеусов – дар, который позволяет им чувствовать дом. Нет, не так – Дом. Они всегда могут сказать, сколько человек находится внутри, кто эти люди, ощутить, есть ли в стенах трещины и где находятся потайные ходы. И именно по этой причине когда-то давно была создана церемония, переноси́мая на руку ректора университета метку принадлежности. От нее нельзя ни отказаться, ни избавиться; церемония сама решает, кого «пометить». Хотя маги, входящие в совет университета, давно уже поняли, что выбирается всегда самый сильный представитель любого из трех родов.

Вот так Арманиус и стал ректором. Практически насильно. Что это дает, кроме должности и оклада? Пожалуй, ничего. Только лучшее, чем без метки, ощущение стен университета. Само здание очень древнее и вмещает в себя много магии. Рон говорил мне как-то, что эту магию даже можно использовать, но для этого нужно быть носителем метки, иначе никак.

Естественно, у таких, как мы с Роном, родовой магии не имеется. И неизвестно, то ли это такой специфический признак неаристократии, то ли еще что.

И сильнее всего аристократия боялась, что родовая магия прекратит свое существование вместе с принятием закона Арчибальда. Странно, что пока никто не высказался... Но, возможно, все еще впереди.

– Не то чтобы прям все... – протянул Рон в ответ на мой вопрос. – Но многие. По крайней мере, по рассказам Велмара, так.

Друг общался с Агрирусом в разы больше, чем я, – проректор был его научным руководителем, как у меня Валлиус.

Агрирус – прекрасный артефактор, и будь у него чуть выше дар, давно стал бы архимагистром. Но увы – у него семьдесят девять магоктав, а к испытаниям на звание архимагистра традиционно допускались только маги с более чем восьмьюдесятью.

Мне на его месте было бы обидно. Всего-то одна магоктава – а какая возможность потеряна!

– А сам-то он как к этому относится?

Рон пожал плечами.

– Весьма безразлично. Он и так, по сути, ректорствует за Арманиуса, который только бумажки подписывает. В общем, в его жизни ничего особо не изменится.

– Оклад выше будет.

– Это да. – Друг улыбнулся. – Но не настолько, чтобы ради этого разбивать лбом стену. А Арманиуса просто многие не любят.

Что ж, я понимала этих «многих». Ректора сложно любить. У него не сахарный характер, и, кроме того, он слишком идеалист для того, чтобы перед кем-либо пресмыкаться или кого-то слушать.

– А сейчас вообще... Пятнадцать погибших молодых архимагов на его совести. Это крупнейшая потеря в истории Альганны среди охранителей, и говорят, что она случилась из-за его недальновидности. Еще и император по этому поводу молчит, так что слухи ходят и ходят... Знаешь, сколько всего я уже узнал за эту неделю? Хоть роман пиши. «Альганна. Скандалы, интриги, расследования».

Наконец принесли заказ, и я, нервно пригубив пиво, сказала:

– Несправедливо обвинять в этом мага, который сам чуть не погиб и спас до этого кучу жизней.

Рон усмехнулся, тоже делая глоток из своей кружки.

– Эн, ты в чем-то такая же идеалистка, как ректор. Знаешь, что в его случае ужаснее всего?

– Что?

– Две вещи. Вещь первая – это его абсолютная непрошибаемость в некоторых вопросах. Многие аристократы говорят, что договориться с Арманиусом нереально. И вторая... он ведь дружит с Ареном.

– С императором?!

Удивительно, но я впервые об этом слышала.

– Да. И то, что император лоббирует все годы своего правления, приписывают влиянию Арманиуса.

– Но Арэн ведь не мальчик, чтобы слепо следовать советам.

– Плевать. – Рон махнул рукой и взъерошил светлые волосы. – Главное – поговорить, перемыть кости, повозмущаться. В общем, никто не будет рад возвращению дара Арманиуса.

– Неправда. Валлиус будет.

– Ах, ну да. – Друг засмеялся. – Как я мог забыть про Брайона!

Я улыбнулась, но смешно мне не было.

В конце концов, я тоже буду рада. Но Рону этого лучше не знать. В своей нелюбви к аристократам он был постоянен и терпеть не мог их всех. Без исключения.

На этот раз мы с Роном допоздна не засиживались – все же обоим завтра на работу, причем у друга намечалась еще и встреча с Агрирусом по поводу диссертации.

Рон давно занимался разработкой пространственного лифта – артефакта, который будет переносить целого мага из точки А в точку Б. Почему целого? Потому что до сих пор у экспериментаторов получалось добираться лишь по частям, и их потом сшивали хирурги в госпитале.

По подобному принципу работал и почтомаг, и малые пространственные лифты, которые использовались, например, для доставки еды из кафе и ресторанов. Но перенос человека пока был невозможен. Маги работали вручную.

Насколько я знала, пару месяцев назад у Рона с проректором получилось перенести через экспериментальную модель целую кошку. Как он радовался – ужас! Теперь они работали над переносом собак и, судя по мрачному виду и синякам под глазами у друга, пока ничего не получалось.

В отличие от других ученых, занимающихся этой разработкой – а таких было немало, – Рон не бросал животных, которых использовал в экспериментах. Всех вылечивал и раздавал. Ну, почти всех... Пять котов и три мыши – малая часть того «рабочего материала», как их называл проректор, прошедшего за эти годы через руки Рона и Агрируса. Именно столько животных теперь жили у него дома, на радость маме и маленькой сестре.

В общем, друг побежал готовиться к завтрашней встрече – то бишь хорошенько выспаться, а я поспешила в общежитие.

Но до общежития я не дошла, остановленная красивым и до безобразия чистым белым магмобилем с гербом Альганны на капоте – золотым орлом на фоне пламени Геенны. Значит, принадлежит императорской семье. Обычно Альго передвигались на золотых магмобилях, но и белые тоже использовали. Белый цвет считался менее торжественным, непарадным.

Магмобиль остановился рядом со мной, и из салона вышел огромный черноволосый мужик, преграждая мне путь.

– Добрый вечер, айла, – поздоровался он каким-то трубным голосом, – садитесь в салон. Вас ждут.

Я решила задать глупый вопрос.

– Кто?

Мужик-гора чуть подумал, а потом ответил:

– Его высочество Арчибальд. Приказано доставить вас к нему.

Я даже умилилась. Может, меня сейчас еще и подарочной ленточкой перевяжут?

– А можно передать принцу, что я занята?

– Садитесь, – повторил этот человек. – Сами все передадите.

Я переступила с ноги на ногу, огляделась. Аллея, ведущая к общежитию, была пуста. Вокруг – лишь деревья в снежных шапках и скамейки, покрытые инеем. Да, силы явно неравны... Тем более что эта гора – маг.

– А если не сяду?

Мужик улыбнулся. Как мне показалось – издевательски.

– Приказано доставить.

Точно ленточкой перевяжут...

– Ладно.

Я села в салон. Защитница, какая здесь роскошь... И какая же я дура! На моем месте мечтали бы оказаться сотни, а то и тысячи девушек, а я... А что я? Я не любила сказки и не верила в них. Потому что в сказках персонажам чаще всего все достается даром и просто так – проще говоря, падает с неба. Я знаю – с неба может падать только дождь, снег или град. И больше ничего. За все остальное необходимо бороться...

Кроме меня в магмобиле находились шофер, хотя о его присутствии я могла лишь догадываться – переднее сиденье от заднего отделяла плотная шторка, и тот самый мужик-гора, который явно работал у принца охранником. Мне кажется, я даже видела его пару раз, когда лечила Арчибальда. Звали эту гору Грегом.

Ехали мы недолго, минут пять, и все это время я молчала, вглядываясь в мелькающие за окном дома и деревья, укрытые снегом, как белым покрывалом. Мне бы немного этого вечернего покоя, а я вместо того, чтобы празднично валяться на кровати и читать любовный роман, еду неизвестно куда. Хорошо хоть, что известно к кому. А может, и нехорошо...

Магмобиль наконец остановился, и я вытаращила глаза, как ребенок, уставившись на то, что увидела за окном.

– Прошу, айла. Выходите.

Я слотнула слюну, ставшую неожиданно вязкой, и шепнула:

– Вы шутите?..

– Ни в коем случае. – Ответ был ироничным, но вот голос – абсолютно бесстрастным. – Выходите.

Арчибальд, видимо, решил пойти ва-банк. Он знал, что я не смогу отказаться. Только не от этого!

Меня привезли в «Иллюзион»! «Иллюзион» – единственный в Альганне парк иллюзий, созданный много сотен лет назад и тщательно охраняемый. Билет туда стоит слишком дорого, невероятно дорого. Но говорят, что это окупается, потому что в «Иллюзионе» нет места плохим мыслям, и это прекрасный способ повысить себе настроение.

В «Иллюзион» приезжали со всех концов света, платили за билет и выходили оттуда со счастливыми улыбками на лицах. Закатывали глаза и говорили: «Защитник, это божественно!»

Как же жалко, что со мной сейчас нет Рона! Он бы с удовольствием посетил «Иллюзион». Для него, как и для меня, билет туда был слишком дорог. Но и ему, как и мне, тоже было интересно, как там все устроено.

Я вышла из салона и, выпрямившись, уставилась на разноцветную вывеску, мигающую тысячами огней. Краткая надпись «Иллюзион» и резные деревянные ворота – вот и весь фасад. Ни охранников, ни зазывал, ни очередей. Впрочем, насчет последних было понятно – билеты покупались в другом месте.

– Возьмите.

Мне в руку сунули что-то холодное и твердое. Я поднесла предмет к глазам и расплылась в улыбке, увидев билет в «Иллюзион» – золотую монетку с моим именем.

«Эн Рин, посетитель номер тринадцать тысяч четыреста шестьдесят пять».

Наверное, это за год...

– Идите. – Охранник тронул меня за плечо. – Билет просто в карман положите и идите. Ворота сами откроются.

Я кивнула и почему-то задала наиглупейший вопрос:

– А вы?

Мужчина хмыкнул.

– Мне никто билетов не покупал, айла. Приятного вам вечера.

Что ж... Теперь я уже не сомневалась, что он будет приятным.

Внутри оказался лес. Кто бы мог подумать – настоящий заснеженный лес посреди Грааги! Конечно, это была иллюзия, но какая качественная! Снег под ногами хрустел, переливаясь, словно драгоценные камни, слетая с деревьев от легкого ветерка, и вокруг стояла такая прозрачная, невесомая тишина... Если не считать звука моих шагов.

Небо расстилось над головой темным покрывалом с россыпью звезд. Глаза у меня невольно заслезились – здесь, в столице, никогда не бывает видно столько звезд... А вот на севере, где я родилась, – да.

Морозный воздух вошел в легкие, выжигая болезненные воспоминания, и я, теперь уже смеясь, искала знакомые с детства созвездия.

Коса Защитницы. Справа от нее – Костер Надежды. Ниже – Меч Защитника. И мое любимое, раскинувшееся почти у самого горизонта созвездие, – Книга Знаний.

По лесной тропинке я шла очень долго, мне показалось – вечность. Ночная темнота постепенно растворялась, уступая место предрассветным сумеркам, становилось все теплее и теплее, и снег таял, обнажая сначала набухшие почки и голую землю, затем – маленькие листочки и журчащие весенние ручейки, и уже после – густую листву, сочную траву и яркие цветы.

Когда наступило лето, солнце стояло в зените, но жарко не было – было хорошо. Мое зимнее пальто исчезло, зато появились зеленый сарафан и сандалии, а еще – плетеная корзинка, куда я собирала спелую лесную землянику.

А потом лес кончился. Я думала: там, за очередными деревьями, вновь будет полянка с ягодами, но мои ноги вдруг утонули в песке, а солнце заглянуло в глаза с такой яркостью, что я на секунду зажмурилась. А когда открыла глаза...

– Защитница... – прошептала я, и от радостного возбуждения уронила корзинку на песок. – Это что же?... Это море?!

Да, это было море! Ярко-голубое, с лазурно-зеленым отливом, с пенными барашками на гребнях маленьких волн и небольшими крабами, разбегающимися в разные стороны от меня, обезумевшей от счастья Эн Рин, когда я с визгом, подняв подол сарафана, побежала к воде.

Море! Я мечтала о нем с детства. На севере нет морей, только реки и озера. Единственное море в Альганне – Коралловое, и оно находится далеко на юге. Я всегда так хотела его увидеть! И вот – сбылось!

Я быстро сбросила сандалии, сарафан и белье и нырнула в чарующую глубину, хохоча от счастья и восторга. Закрутилась вокруг своей оси в воде, открыла глаза... Рыбки, серебряные, золотые, красные и сине-желтые, стайками кружили вокруг меня, словно пытаясь повторить мои движения. А впереди, если проплыть еще немного туда, где глубже, были кораллы! Защитница, как же жаль, что в воде нельзя смеяться!

Я ныряла туда-сюда, набирая полные легкие воздуха, чтобы продержаться как можно дольше, и смотрела на подводных обитателей. Рыбы были самые разные – и большие, неповоротливые, и маленькие, юркие. Они плавали-летали вокруг меня, словно подводные бабочки. Всех цветов радуги! И кораллы – белые, розовые, красные... И даже синие, и зеленые, и фиолетовые! Невероятная красота!

Захватив со дна маленький сувенир в виде кусочка зеленого коралла, я наконец вылезла на сушу уставшая, но счастливая, и оделась. День клонился к закату, солнце уже почти зашло за горизонт...

– Энни! – слышалось позади.

Голос был очень знакомым, но кому он принадлежал, я сразу не поняла. Обернулась.

Они бежали ко мне – такие, какими я их видела в последний раз. Отец и мама – в брюках и рубашках для работы в поле, Эд – тоже; Эв – в голубом сарафане, с толстой косой до пояса; и Эм – в красном платье, с каштановыми волосами-пружинками...

Я задохнулась от радости. Я плакала и смеялась, обнимая их всех вместе и по очереди. Я целовала их, слушая родные голоса, по которым давно запретила себе скучать...

– Мы гордимся тобой, Энни, – шепнула мама мне на ухо.

– Ты молодец. – Отец хлопнул меня по плечу.

– Всех сделала! – Эд подмигнул и усмехнулся кривоватой улыбкой.

– Мы тебя любим! – Эв сжала мои ладони.

– Очень-очень! – запрыгала Эм, и я, наклонившись, взяла ее на руки.

Она пахла медовыми пряниками... Защитница, а ведь и правда, она всегда ими пахла. Мне казалось, что я забыла...

Я прижала ее к себе крепко-крепко, зарываясь носом в мягкие волосы и ощущая себя невероятно счастливой... Будто бы я вновь обрела дом, которого у меня уже давно не было.

Я стояла в окружении родных, когда все вокруг начало заливать белым светом. И Эм в моих руках растаяла, и голоса стихли, и все вернулось на свои места. Я оказалась перед воротами с внутренней стороны и, толкнув их, вышла на улицу.

Магмобиль и Грег ждали меня. Мужчина курил толстую сигару, но, увидев, что я вышла, бросил ее в снег и улыбнулся.

– Как вам «Иллюзион», айла?

Я прислушалась к себе.

Радость затихала, но все еще бурлила внутри меня. И ни малейшей грусти... Нет, ни капли.

Значит, «Иллюзион» исполняет три сокровенных желания. Я хотела погулять в нашем северном лесу, любясь на звезды, как в детстве, побывать на море и увидеть родных. Все эти мечты были приправлены горечью невозможности исполнения, особенно последняя. Но сейчас горечи не было. Наверное, это часть магии «Иллюзиона».

– Замечательно, – выдохнула я.

– Очень рад. – Маг распахнул дверцу. – Садитесь, мы довезем вас до общежития.

Я села в салон и, только когда охранник расположился рядом, вдруг вспомнила...

– А... где его высочество?

– Да, кстати. – Грег достал из нагрудного кармана конверт. – Вот, это вам. Как раз от его высочества.

Секундой спустя, когда магмобиль тронулся с места, я уже читала записку от Арчибальда.

«Прошу прощения, что похитил вас на сегодняшний вечер, и надеюсь, что искупил свою вину».

И только тут я со всей отчетливостью поняла, насколько гениально хитрым был поступок его высочества. Теперь, после «Иллюзиона», я не смогу так легко ему отказать. Вот же... демоны!

Глава 7

Какое количество эмоций я испытывала, заходя утром в понедельник в дом Арманиуса, не передать словами. И решила, что лучшим выходом из этой ситуации будет, если я полностью закроюсь.

Так и поступила. Разговаривала спокойно, отстраненно, почему-то ожидая, что он попытается вывести меня из себя. Но ректор был на редкость молчалив и задумчив. Он беспрекословно выполнял все мои просьбы, не задавая никаких вопросов, и взгляд его практически не останавливался на мне, блуждая явно за пределами библиотеки.

Если это была стратегия, то она удалась, потому что ближе к концу процедуры, вынимая из его тела иглы, я все-таки не выдержала.

– Архимагистр...

Арманиус вопросительно посмотрел на меня. В очередной раз захлестнуло одновременно стыдом и злостью...

– А это правда, что вы дружите с императором?

Из вопросительного взгляд стал удивленным.

– Защитник, где ты это услышала?

И тут я испытала облегчение. Видимо, подсознательно я ждала, что Арманиус будет ругать меня за подобный вопрос.

– Да так... Слухи.

Он понимающе хмыкнул и, к моему безграничному удивлению, начал отвечать:

– Эн, с членами императорской семьи, при всем моем к ним уважении, весьма сложно дружить. Дружба эта заканчивается, как только начинаются государственные дела. Арен учился вместе с Агатой, моей сестрой, потом сделал ей предложение и стал частенько бывать у нас дома. Мы общались тогда много, потом, после ее смерти, конечно, почти перестали. И лишь когда Арен взойшел на престол, возобновили общение. Ему была нужна поддержка в Совете архимагистров, и я пришел на помощь.

Я кивнула. Что ж, мне была понятна логика Арена – он выбрал себе в союзники, возможно, единственного архимагистра, на мнение которого не смог бы повлиять никто, даже сам Защитник. И вышел такой вечный раздражитель для аристократии. Наверняка через Арманиуса много раз пытались воздействовать на Арена.

– В общепринятом смысле слова это не дружба, Эн. Но император хорошо ко мне относится, прислушивается к моим советам, и попасть к нему на аудиенцию мне ничего не стоит.

Я вспомнила Арчибальда и подумала, что у меня с ним приблизительно такая же ситуация. Хм... была. А что будет теперь, после «Иллюзиона»?..

– Кстати, можешь не волноваться. Я не отдам звание архимагистра. Обещаю тебе.

От неожиданности я чуть не растеряла все вытащенные из Арманиуса иглы.

– Что?..

– Я сделаю так, что звание останется у меня, – продолжил ректор. – Не переживай, Эн.

И вот опять. Одновременно смущение и радость.

– Да я не переживаю, – пробурчала я очевидную ложь. – Просто не поняла, зачем сдаваться, если можно выиграть?

Арманиус вновь посмотрел на меня, и от этого внимательного задумчивого взгляда захотелось спрятаться под стол. Он словно насквозь меня видел.

Но я, конечно, сдержалась и, встав с дивана, начала собирать сумку.

– Иногда, Эн, чтобы выиграть, необходимо сдаться, – сказал архимагистр глухо и как-то безжизненно. – Только понимание это приходит со временем и опытом... Чаше всего – с горьким.

Я не стала уточнять, что он имеет в виду, – осознавала, что Арманиус говорит о погибших архимагах. Вместо этого я сказала:

– Не корите себя. Ошибки совершают даже архимагистры.

Он промолчал, и я решила больше не сыпать соль на рану. Попрощалась и поспешила в госпиталь. Там меня ждал Байрон.

Сегодня все прошло гораздо лучше, чем в прошлый раз. Если на той неделе мы совершенно не добились реакции организма, то теперь мне удалось заставить вспыхнуть переломанный энергетический контур.

– Что ты использовала? – Глаза Асириуса блестели почти жадно, когда он рассматривал мои препараты.

– Концентрированную «Жидкую магию». Помнишь, что это?

Байрон кивнул, но не очень уверенно, и я пояснила:

– Одно из средств для восстановления резерва. Практически не применяется по назначению в неразбавленном виде, так как вызывает огромное количество побочных эффектов.

Напарник с сомнением покосился на находящегося без сознания пациента. Хотя, скорее, подопытного.

– Выживет?

– От «Жидкой магии» еще никто не умирал, – «утетила» я Байрона. – Обычно моих больных потом просто тошнит несколько часов. Все же резерв-то у них от нее не восстанавливается, и три секунды вспышки контура – это слишком мало... Давай-ка завтра повторим? Я еще кое-что принесу, попробуем скомбинировать.

– Конечно! – с энтузиазмом согласился Асириус.

В этот момент «подопытный» застонал. Я подошла к койке и вгляделась в бледное лицо.

– Вы слышите меня, айл?

– Да-а-а, – вновь застонал мужчина. – Что же так тошнит...

– Это хорошо, что тошнит. Значит, эффект есть. Так, – я повернулась к Байрону, – поскольку пациент вашего отделения, говорю тебе – добавь в назначения противорвотные и общеукрепляющие. И через... да, через четыре часа пусть принесут ему геркулесовую кашу на воде.

– Я терпеть не могу геркулес...

О как. Значит, не так уж и сильно его тошнит, раз предпочтения свои решил высказать.

– Больше ничего не давать до завтрашнего дня. Только геркулес. Из жидкостей – чай слабый, шиповник, простую воду.

Асириус кивнул, никак не комментируя то, что я тут раскомандовалась. Видимо, до сих пор был под впечатлением от того, что у нас получилось заставить контур вспыхнуть. Рано радуется... Первый шаг, конечно, важен, но он – еще не весь путь.

Агриус прибыл к назначенному часу. Оглядел Берта с ног до головы внимательным взглядом пронзительно-синих глаз и удовлетворенно кивнул.

– Выглядишь отлично.

Еще бы. Принятие горячей ванны с успокаивающей пенной настойкой – отличное лекарство для потрепанной нервной системы.

– И... – Велмар прищурился, рассматривая Арманиуса магическим зрением. – Ого. Берт, я вижу контур! Правда, он какой-то странный.

– Он по-прежнему сломан, так что применять магию я не могу при всем желании. Но он хотя бы есть. Правда, – ректор усмехнулся, – как я понял, если прекратить процедуры, он вновь погаснет. Эффект обратим.

– Любой эффект обратим, если прекратить, как ты говоришь, процедуры, – возразил Агрирус. – Просто продолжай идти к цели. Так... Ну-ка, встань ближе ко мне.

Берт кивнул, наблюдая, как друг начинает вычерчивать пространственный лифт.

– А как там ваши разработки кабины для переноса человека?

– Знаешь, а неплохо. По крайней мере, мы добились хоть какой-то стабилизации. Мышей переносить уже можно, кошек – с переменным успехом, но в любом случае все они остаются живы.

– И целы?

– Не всегда, – признался Агрирус. – Но все это исправляется. Рон, мой ученик, – талантливый мальчик. Помнишь его?

– Помню.

Рона Янга, в отличие от Эн Рин, Берт действительно помнил. Сын сапожника с даром в восемьдесят пять октав – огромная редкость. Когда-то давно он сам рекомендовал ему, тогда еще студенту, пойти в охранители, но мальчишка выбрал артефакторику.

Была еще одна причина, по которой Берт помнил Янга, – его задиристость. Все семь лет учебы в университете он постоянно конфликтовал с другими студентами. Конечно, с аристократами. И несколько раз стоял «на ковре» у ректора. Хотя Арманиус предполагал, что «на ковре» у Велмара тот стоял как минимум в десять раз больше.

Высокий юноша с кудрявыми светлыми волосами и серыми глазами, в которых светилось поистине демоническое упрямство. Что-то у них было общее с...

– Кстати, он ведь дружит с твоей Эн Рин.

Ага. Теперь понятно, кто сделал ту иглу, с помощью которой девчонке становится доступна магия.

– Думаю, когда-нибудь дело закончится свадьбой, – усмехнулся Агрирус, заканчивая лифт. – Уж больно он о ней заботится, печется даже. Явно влюблен, но боится что-либо предпринимать. Вдруг от ворот поворот получит?

– У нее принц есть. На кой демон ей сын сапожника?

– Не скажи, Берт, – возразил Велмар. – Его высочество – недостижимый идеал. Я, конечно, с Эн почти не общался, но, исходя из того, что видел и знаю от Рона, она крепко стоит ногами на земле и совсем уж о звездах не мечтает. Арчибальд в качестве любовника хорош, это бесспорно, но выходить за него замуж? Она далеко не дура. А вот Рон – отличная партия. Старый друг, надежный, как скала, талантливый, словно Защитник, и искренне в нее влюбленный. Полагаю, их брак – дело времени.

– Посмотрим, – пробурчал Арманиус, почему-то ощущая дикое раздражение на Велмара.

– Ага. Держись за меня. Активирую.

И, дождавшись, пока Берт зацепится за его локоть, проректор вписал в формулу константу перемещения.

В университетский совет входили тридцать магов, в том числе Велмар и Берт. Примерно половина была представителями трех родов, способных чувствовать здание университета, остальные же – разные преподаватели и благотворители. Советников раз в три года утверждал лично ректор, еще и поэтому некоторые из них так активно хотели сместить Арманиуса с должности – принцип «по благу» с ним не работал совершенно. Только полезность для университета и способность высказать собственное мнение, а не поддакивать чужому.

Конечно, не всех это не устраивало. По крайней мере, семь преподавателей, состоящих в совете университета, к идее о смещении Арманиуса относились равнодушно. Но, если кресло ректора все же займет Велмар, они будут рады. В преподавательской среде Берт всегда ощущал себя лишним, чужим. У охранителей он был своим, а здесь... Вот Агрирус – да, тот прирожденный преподаватель. А Арманиус – солдат. Солдат не может руководить университетом.

И хотя коллеги испытывали к Берту симпатию – он всегда отстаивал их интересы, но гораздо больше они уважали Велмара. Он был свой.

Четверо благотворителей – архимаги, бывшие студенты. Их не особенно устраивал тот факт, что деньги, выделяемые на поддержку и благоустройство университета, распределяют не они, а весь совет. Но вряд ли с приходом к власти Велмара в этом вопросе что-то изменится. Однако с ним будет гораздо проще договориться.

А вот представители трех родов... Точнее, двух – Арманиус в совете был один, остальные – Агрирусы и Альтеусы. Вот их Берт в кресле ректора бесил больше всего. И тем, что когда-то он выхватил эту должность из-под носа Велмара (не важно, что Арманиус этого не желал), и тем, что предпочитал обязанности охранителя руководству университетом, и тем, что не хотел поддерживать предложение совета по раздельному обучению аристократов и нетитулованных студентов. В других магических высших учебных заведениях Альганны не так давно ввели подобную практику именно из-за увеличивающегося числа конфликтов среди учащихся, но Берт был резко против, считая, что подобное лишь усугубит проблему.

У ректора было право вето на любое предложение советников, и Арманиус периодически им пользовался.

Сейчас глаза у присутствующих возбужденно блестели – коллеги явно рассматривали Берта магическим зрением и удивленно поднимали брови, замечая тонкую ниточку сломанного контура.

– Не соврал Валлиус, – громко выразил общую мысль Арто Альтеус. – Обещал, что ты восстановишься.

– Пока не восстановился, – тоненько и цинично высказалась Аманда Винтерус, одна из благотворителей и та еще подколотная змея. – Ты же не можешь пользоваться магией, да, Берт?

Хоть бы поздоровались, что ли.

– Добрый вечер, дорогие коллеги. – Арманиус чуть наклонил голову, обводя взглядом небольшое помещение, заставленное стульями. Они с Велмаром стояли на возвышении, за кафедрой – так полагалось устраиваться ректору и его заму. – Я бы не хотел обсуждать с вами вопросы моего здоровья, все же это – мое личное дело. Я думаю, вы согласитесь с этим фактом. Но вопросы, касающиеся метки и возможности провести церемонию, я считаю своевременными и справедливыми. – Берт закатал рукав рубашки на левой руке, обнажая браслет связи, а рядом с ним – метку принадлежности университету.

Книгу, меч и перо по-прежнему было видно. Конечно, не так четко, как раньше, но и совсем бледной метка тоже не была.

Все приподнялись с мест, рассматривая запястье Арманиуса и поджимая губы.

– Как видите, я по-прежнему являюсь хозяином этого места.

– Метка бледнее, чем раньше. – Конечно, Аманда не могла промолчать. – И будет бледнеть дальше.

– Не факт, – вмешался Велмар. – Берт проходит курс терапии и...

– Он уже не сильнейший из нас, – вновь заговорил Арто Альтеус. – Но пока метка не исчезнет, о церемонии не может идти речи. Я предлагаю собраться вновь через неделю.

– Поддерживаю.

– Поддерживаю.

– Я «за».

Арманиус кивнул, присоединяясь к решению.

– И все же, – Аманда прищурилась, следя за тем, как исчезает метка под рукавом рубашки, – ты не мог бы продемонстрировать нам свою связь с университетом, как раньше?

– Аманда! – возмутился Велмар. – Но контур же...

– Метка держится. – Она отмахнулась от проректора. – Значит, связь есть. Тем более речь идет о родовой магии. А то, зависит она от энергетического контура или нет, до сих пор неизвестно. Берт?

Вот задушить бы эту стерву... Но в чем-то она права.

– Хорошо. Я попробую сделать то, о чем ты просишь, Аманда.

Арманиус вздохнул и повел плечами, пытаясь настроиться.

Защитник... раньше и настраиваться не нужно было. Он всегда ощущал университет, где бы ни был. А сейчас – пустота. Но метка ведь не исчезла, когда сломался контур. Значит, либо на ее исчезновение уходит больше времени, либо они не связаны напрямую.

Берт закрыл глаза, пытаясь ощутить здание. Несколько секунд ничего не происходило, а затем... Отклик был слабый, как акустика в очень плохом помещении, но становился все сильнее, сильнее и сильнее... И в итоге Арманиусу пришлось даже уши зажать – показалось, что он сейчас оглохнет или что здание университета – огромное, каменное – рухнет ему на голову. В стенах что-то урчало, словно в желудке у голодного человека.

– Невероятно... – пробормотал Велмар где-то рядом. – Откликнулось!

Берт открыл глаза, ощущая себя просто отвратительно. В них будто песка насыпали, а грудь словно каменной плитой придавило.

Если Эн Рин так же плохо, когда она пользуется амулетами, то удивительно, как она до сих пор жива.

– Откликнулось, – прохрипел Арманиус, с силой удерживая сознание в этом мире. – Но лучше нам вернуться, Велмар. Что-то я перенапрягся.

Агриус нервно кивнул и стал строить пространственный лифт с удвоенной скоростью.

Я ни капли не сомневалась, что после вчерашнего «Иллюзиона» сегодня ко мне заявится Арчибальд. Почти угадала. Когда я вышла из госпиталя, ко мне вновь подрулил знакомый магмобиль со знакомым Грегом.

– Садитесь, айла Рин. – Он распахнул дверцу, даже не выходя из салона. Видимо, не сомневался в моем согласии на транспортировку. Впрочем, я бы на его месте тоже не сомневалась.

Молча села на сиденье, расправила пальто, стянула шапку и поинтересовалась:

– А вы каждый день работаете?

Охранник явно удивился вопросу. Нет, а что такого? Интересно же. Вчера он, сегодня он, а завтра? Я ведь не разбираюсь в этом. Знаю только госпитальную систему – либо сутки через трое, либо пять рабочих и два выходных, как у меня.

– По двенадцать часов два через два.

– Ага... То есть завтра вас не будет.

Грег широко улыбнулся и кивнул.

– Да, айла Рин. Завтра вместо меня будет другой маг.

Я немного подумала и все-таки спросила:

– И давно вы за мной следите?

Охранник, как сказал бы Валлиус, прикинулся клизмой.

– В смысле?

– В прямом. Вы же не только сегодня меня охраняете, но и вообще, наверное. И как давно?

Грег, по-прежнему улыбаясь, отвел глаза и пробурчал:

– Не имею права докладывать.

– Ладно. – Я пожала плечами. – Спрошу у его высочества. А куда хоть едем, вы сказать можете?

– Это могу. В «Омаро».

Да-а-а... Явно Арманиус накаркал.

«Омаро» блестел. Не только чистотой, но и золотым интерьером – светло-золотые обои, темно-золотые рамы у картин и зеркал, белоснежные скатерти на столиках, деревянный пол, по которому хотелось пробежаться босиком. Роскошь как она есть, и вычурность, и апломб.

Я невольно расправила плечи, понимая, как нелепо выгляжу со стороны в этом ресторане, – девушка в обычном сером шерстяном платье и с волосами, заплетенными в косу. Другие посетители были совершенно иными, особенно женщины – они блистали не только нарядами, но и прическами. И половина гостей курила модные нынче мятные сигареты в длинных изящных мундштуках. Я невольно улыбнулась, вспомнив, что, когда эта мода только появилась, Валлиус назвал подобную конструкцию... хм... дерьмом на палочке. Что ж, я могла его понять, ведь именно в наш госпиталь обращались столичные злостные курильщики, чтобы им почистили легкие и кровь.

Официант провел меня через общий зал к лестнице на второй этаж, где находились отдельные балкончики-ложи. Большинство из них были открытыми, отделенными друг от друга лишь перегородками, но меня вели не туда.

В конце концов мы достигли деревянной двери с гербом Альганны, выточенным каким-то искусным мастером, и официант, толкнув ее, жестом пригласил меня войти внутрь.

Несомненно, это была личная ложа императорской семьи. Очень уютный балкон, увитый цветущими растениями, с потрясающим видом на вечернюю Старую Граагу, сияющую огнями в честь Праздника перемены года, явно магически утепленный. Место здесь хватило бы и на большой стол, но стоял лишь маленький столик на двоих, украшенный цветами и свечками. Свечки тоже были золотыми, а вот скатерть – бордовой.

Но больше всего меня смутили, конечно, цветы – те самые белые лилии, как бы напоминающие мне о серьезных намерениях Арчибальда. Его высочество собственной персоной уже сидел за столом, и не в форме охранителя, а в обычной белой сорочке и темных брюках. Только широкий золотой пояс с пряжкой в виде герба Альганны выдавал в нем члена семьи Альго.

– Добрый вечер, Эн, – сказал принц, мягко улыбаясь, но в этой улыбке мне почудилось торжество победителя.

Как ни странно, это помогло прийти в себя – смущение схлынуло, и я, кивнув, опустилась в кресло напротив Арчибальда.

– Здравствуйте, ваше высочество.

Официант с абсолютно невозмутимым лицом положил передо мной меню.

– Принесите нам пока вина. «Лунный свет» урожая прошлого года.

– Я не буду пить, – возразила я, открывая толстую папку в кожаном переплете. – Мне ведь завтра на работу.

Официант вопросительно посмотрел на Арчибальда.

– Несите, – кивнул его высочество и, когда мы остались одни, пояснил: – Эн, «Лунный свет» совершенно не пьянит, сколько ни выпей. После него даже за руль магмобиля можно. Так что не бойтесь.

Я кивнула, принимая объяснение, да и не до того мне было теперь...

– А почему в меню нет цен?

– А зачем они вам? – Арчибальд чуть наклонил голову, разглядывая меня словно с укоризной. – Это был бы лишний повод для переживаний. Не думайте об этом. Просто выберите то, что хочется попробовать.

Хитрый... Конечно, были бы цены, я бы постаралась не брать слишком дорогое. А так я даже и не знаю, что здесь слишком дорогое, а что – просто дорогое.

А ведь Арманиус был прав – в меню действительно оказался салат «Маг-обжорка». Жаль, что я его не люблю, наверняка ведь один из «бюджетных».

Минут через пять пришел официант, принес вино, разлил его по бокалам, а затем принял заказ. Причем мне показалось, что Арчибальд подстроился под мои предпочтения. Я заказала только горячее и чай, и принц тоже обошелся без салатов и десертов.

А когда официант вновь ушел, его высочество спросил с откровенным любопытством:

– Как вам «Иллюзион»?

– Понравился. Спасибо большое, это было... ценно.

– Я рад, что угодил. – Он улыбнулся и поднял бокал. – Давайте-ка выпьем за то, чтобы наши мечты не были иллюзорны.

Я кивнула, протянула руку – раздалось тонкое «дзинь» от коснувшихся друг друга бокалов, – и сделала маленький глоток.

Невероятный вкус. Он пьянил не хуже алкоголя. Терпко-пряный, с фруктовыми нотками и будто бы наполненный солнечным светом, как наш северный мед...

– Защитница, как вкусно... – Я легко рассмеялась и заговорила с Арчибальдом так, словно на его месте сидел Рон: – Я пила вино один раз, после выпускного на седьмом курсе. Все пили, и всем потом так плохо было! Мы же самое дешевое взяли, знаете, такое... Называется «Невинность».

– Это не вино. Имитация.

– Да. – Я вновь засмеялась. – Валлиус потом так ругал нас! Мы же все с отравлением в госпиталь угодили, все десять человек. Со специальностью «магическая медицина» было пятеро, нас больше остальных чихвостили. Какие вы, сказал, медики, если не можете отличить настоящее вино от клюквы?

– Это он погорячился, – протянул Арчибальд почему-то на редкость довольным голосом. – Не каждый аристократ сумеет отличить хорошее вино от имитированного. Это не так уж и просто. Вам, по всей видимости, подделка попалась – от качественного имитированного вина в больницы не попадают. Но покричать на вас Брайон был обязан, конечно. Воспитательный момент.

Я сделала еще глоток – как же хорошо-то! – и спросила:

– А «Иллюзион» не вызывает привыкания? В основах иллюзорной магии лежит утверждение, что иллюзии как заблуждения могут быть опасны. Не бывает такого, что маги ходят туда постоянно?

Принц открыл рот, намереваясь ответить, но тут принесли заказ и он на время замолчал, дожидаясь, пока все расставят на столе и, вежливо пожелав приятного аппетита, уйдут.

Я взялась за горячее с не меньшим, чем за вино, энтузиазмом. Вкуснотища...

– Эң, «Иллюзион» очень давно создали маги-ученые из рода Бравиус. Изначально они разрабатывали комнату для умалишенных. – Я, услышав подобное, подавилась кусочком гриба из соуса, и Арчибальд понимающе улыбнулся. – Вы верно расслышали – они разрабатывали помещение для умалишенных, хотели, чтобы иллюзорная магия давала терапевтический эффект. И первоначально так и было. Но разработки ширились, Бравиусы задействовали кровную магию и в итоге получили место, в котором сбываются мечты. И привыкания оно не вызывает – это свойство осталось у «Иллюзиона» с тех пор, когда там лечили сумасшедших. Постоянно, кстати, ходить туда не получится – императорским указом установлен лимит на посещения. Не чаще раза в год, – заключил Арчибальд, допивая вино из бокала, и налил себе вторую порцию.

Я тоже протянула свой – хотелось добавки – и поинтересовалась:

– А как же умалишенные? У них есть такой вот «Иллюзион»? В нашем госпитале я не припомню ничего подобного...

– В итоге иллюзии были признаны малоэффективными. Так что – нет. – Взгляд его высочества стал задумчивым. – Как там Арманиус? Есть прогресс?

– Да. – Я кивнула. – Он отлично справляется. Еще пара недель – и вернется к вам в строй.

– Очень хорошо. Он не обижал тебя?

В тот момент я даже не заметила, что принц впервые обратился ко мне на «ты». Совершенно не обратила внимания, так была увлечена всем сразу – вином, едой и разговором.

– Нет, ваше высочество. Он ведет себя почти как идеальный пациент. – Я засмеялась. – Почти как вы.

Арчибальд усмехнулся и явно расслабился.

– Знаешь, я бы очень хотел попробовать здесь один десерт... – протянул он лукавым голосом. – Но один его есть я постесняюсь. Давай на двоих закажем?

– Давай! – согласилась я живо и, помотав головой, добавила: – Те!

Вот теперь на лице принца действительно было торжество победителя. Только меня это почему-то не раздражало.

И вообще весь вечер прошел очень радостно и мило. Мы разговаривали и про «Иллюзион», и про мою работу в госпитале, и про его работу охранителем. С Арчибальдом оказалось легко и весело. Но не было ли это такой же иллюзией, как то, что я видела накануне в «Иллюзионе»?

– Ты как?

Это был первый вопрос, который задал Велмар, когда они с Арманиусом перенеслись обратно в дом ректора и дошли до библиотеки.

– Чувствую себя немощным стариком. – Берт криво улыбнулся, буквально падая на диван. – Только избавился от тросточки, и вот – завтра явно опять придется с ней ковылять. Посмотри, что с контуром?

Агрирус прищурился.

– Без изменений. Вроде. Но я не уверен, что испытание Аманды пошло на пользу твоему лечению. Думаю, надо сообщить обо всем Эн, Берт. И чем быстрее, тем лучше.

– Паникер.

– Я не паникер. – Теперь Велмар уже не шурился, а хмурился. – Я беспокоюсь, как бы все, чего достигла Эн за неделю, не пошло прахом из-за случившегося. У тебя есть номер ее браслета связи?

– Разумеется.

– Тогда давай, набирай. Или я сам это сделаю. – Агрирус пригрозил Берту пальцем, словно мальчишке. – И слушать не стану никаких возражений!

Сообщать Эн не хотелось смертельно, но Арманиус понимал, насколько это глупо. Она – его лечащий врач, она обязана знать, и чем быстрее, тем лучше. Вот только чувства Берта не имели никакого отношения к здравому смыслу.

Эн долго не отвечала. А когда все же ответила, Арманиус ее даже не сразу узнал.

– Да, архимагистр? – произнесла проекция девчонки радостным и теплым голосом, блестя глазами и алея щеками.

– Эн, – Берт окинул ее встревоженным взглядом, – ты не заболела?

– Заболела? – В голосе появилось удивление. – Не-э-эт, я прекрасно себя чувствую. А... что с вами? Почему вы такой бледный?!

Краска схлынула с ее щек моментально, будто и не было. И голос стал другим, обычным. Только вот глаза блеснуть не перестали.

– Кое-что случилось. Я сегодня был в университете, показывал совету свою метку. И заодно меня попросили продемонстрировать связь со зданием, кровную магию. И...

– Защитница! – Судя по звуку, Эн хлопнула ладонью по столу. – Неужели нельзя было подождать хотя бы неделю?! Что бы это изменило?! Индюки напущенные!

Где-то за спиной Берта кашлянул Велмар. Эн, конечно, не могла его ни видеть, ни слышать – связь была двусторонней, только между ней и Арманиусом, но этот звук как будто переключил ее в рациональное русло.

– Вы лежите?

– Да.

– Вот и лежите. Я сейчас к вам перенесусь. Не вздумайте встать!

Проекция исчезла.

– Перенестись хочет? – поинтересовался Велмар с любопытством и засмеялся, когда Берт кивнул. – Как же они с Роном похожи... – сел на диван рядом с Бертом и покачал головой. – Тот тоже такой... шальной, безрассудный, но безумно талантливый.

Арманиусу впервые в жизни захотелось побольнее стукнуть друга.

– Тебе лучше уйти, Велмар. А то сейчас заявится Эн, и тебе тоже от нее достанется за то, что не уследил.

Агриус покачал головой.

– Нет, я пока останусь. Во-первых, хочу с ней поздороваться, во-вторых, мне необходимо убедиться в том, что ты в порядке. И в-третьих... Берт, мне говорил это и Рон, и я сам догадываюсь – после переноса у Эн с трудом хватает сил на то, чтобы ходить, говорить и дышать. Она не будет тратить энергию на ругань, когда тебе плохо. А вот завтра...

Внизу, на первом этаже, послышался характерный хлопок прибывающего пространственного лифта. А затем – топот ног по лестнице.

– А вот и она...

Дверь распахнулась, и в библиотеку вбежала Эн. Мазнула взглядом по проректору, кивнула ему, кажется ничуть не удивившись, подошла вплотную к дивану и прищурилась, рассматривая Арманиуса.

– Контур без изменений... Это хорошо. Архимаг, подвиньтесь. А лучше встаньте.

Велмар молча послушался и, встав, отошел в сторону. Эн положила на журнальный столик перед диваном свою сумку, села на место проректора и, достав ремешок с пряжкой, кивнула на руку Берта.

– Закатывайте рукав. Кровь буду брать.

– Зачем? – не удержался от вопроса Арманиус.

– Пить ее будем вместе с проректором, – ответила раздраженно, но потом, вздохнув, пояснила: – Механизм действия родовой магии толком не изучен. Мне надо убедиться, что ваши анализы в порядке. Усталость – это одно, отдохнете – и пройдет, общеукрепляющее сейчас еще вколю, но если у вас, не дай Защитник, упал гемоглобин...

– И чем это грозит? – спросил Велмар с откровенным интересом.

Эн затянула ремешок на руке Арманиуса, достала из сумки шприц и продолжила:

– Тем, что организм вместо того, чтобы восстанавливать контур, будет восстанавливать что-нибудь другое. Не двигайтесь, архимагистр. Та-а-ак, молодец. – Она приложила к месту укола ватку, смоченную заживляющим бальзамом, и отстранилась. Вытащила из сумки какую-то металлическую пластинку, капнула на нее кровь Арманиуса и взгляделась в надписи, проявившиеся на ней. Пару мгновений молчала, и проректор не выдержал:

– Ну как там?

Эн ответила не сразу, дочитывая анализы Берта.

– Нормально. – В ее вздохе слышалось облегчение. – Нет существенных отличий от утреннего анализа. Через пару часов приду и вновь проверю. А пока поворачивайтесь спиной ко мне, сделаю вам укол общеукрепляющего.

Арманиус с готовностью повернулся, чувствуя не меньшее облегчение.

– Ну... Я, наверное, пойду? – неуверенно поинтересовался Велмар, и Берт краем глаза увидел, как Эн махнула рукой.

– Да, да, идите, архимаг.

Понимая, что спрашивает друг все-таки у него, Арманиус тоже сказал:

– Конечно, иди.

Гулко хлопнула дверь библиотеки, и они с Эн вновь остались вдвоем.

Я уже была в общежитии, когда меня вызвал ректор. Арчибальд довез и, галантно поцеловав руку, позволил мне покинуть магмобиль. Настроение было на редкость приподнятым, хотелось смеяться и танцевать. Давно со мной такого не случалось... Но после того как я поговорила с Арманиусом, все изменилось. И потом, когда я взяла у него кровь и убедилась, что анализы в норме, где-то на краю сознания появилась мысль, которую я поначалу даже не могла толком сформулировать.

Помог ректор. Как только Агрирус ушел, он спросил меня:

– У тебя все в порядке, Эн? Ты... – Он запнулся. – Немного странная.

Точно. Я странная. И я сама это чувствовала.

– Все в порядке. А в чем выражается эта странность? Поворачивайтесь лицом ко мне, я закончила.

Арманиус перевернулся и продолжил:

– Ты как будто была пьяной, Эн.

И тут меня словно по голове чем-то стукнуло.

Пьяной... Но Арчибальд сказал, что от этого вина не пьянеют. Значит...

– Архимажистр... а вы разбираетесь в винах?

Он удивленно поднял брови.

– Ну, я не эксперт, но в принципе могу что-то подсказать.

– Вы знаете такое вино... «Лунный свет»?

Брови поползли выше.

– Знаю.

– Расскажите мне про него.

– Это одно из самых дорогих вин Альганны, Эн. – Удивление исчезло, сменившись пониманием. – Оно не пьянит так, как обычное. Лишь слегка расслабляет и дает ощущение радости, эйфории, праздника. При этом не туманит мозг, не вызывает привыкания, не заставляет совершать безумства. Просто чуть уменьшает внутренние запреты.

Что ж, все ясно. Ох, ваше высочество... И вроде бы понимаю его. Но противно.

– Ты не знала, да?

Догадливый. И, наверное, можно было ответить... Но я молчала.

– Конечно, не знала, как ты могла знать... Эн, я не оправдываю Арчибальда, но...

– Вот и не оправдывайте! – сказала я, пожалуй, слишком резко. – Что сделано, то сделано.

– Послушай меня, – голос Арманиуса стал раздраженным, – не преувеличивай значение «Лунного света». Это не веселун-трава, от которой море по колено и огонь не страшен. Ты просто стала чуть легче относиться к происходящим событиям, но никогда в жизни под влиянием этого вина ты не сделала бы ничего противоречащего своей природе.

– Я понимаю. – Я вскочила с дивана, бросила в сумку анализатор⁴ и тут же мысленно поругала себя. Демоны тебя побери, Эн, аккуратнее! – И не хочу больше это обсуждать. Лучше покажите мне метку.

Когда я вновь повернулась лицом к ректору, он уже закатывал рукав. И я, подойдя ближе, осторожно взяла его кисть, вглядываясь в черный рисунок на запястье. Точнее, в темно-серый...

– С тех пор, как вы потеряли дар, она меняла свой цвет?

⁴ Анализатор – пластинка, с помощью которой Эн изучала анализ крови Арманиуса.

– Нет. Чуть побледнела только, вот до этого самого состояния, и с тех пор практически неизменна.

– Надо следить за ней. – Я закусила губу. – Думаю, скоро она станет ярче. Но то, что у вас получилось воспользоваться родовой магией со сломанным контуром, – это какое-то чудо. Ладно, – я отпустила руку ректора и вновь отвернулась к сумке, – побегу. Вернусь через три часа, снова возьму у вас кровь.

– Через три часа будет глубокая ночь. – Недовольство в голосе Арманиуса можно было не только слышать, но и чувствовать. – Не выдумывай и оставайся.

В принципе, разумно. И... Я мстительно прищурилась. За мной ведь наверняка следят. Интересно, знают ли мои охранники, что я перенеслась к ректору прямо из своей комнаты в общежитии? Наверное, нет. Или в комнате тоже следилка?

Вот и проверим.

– Хорошо, архимагистр, я останусь.

Арманиус вздохнул с таким облегчением, что я не удержалась от улыбки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.